

Зарубежный
психологический
детектив

Тайнственные превращения

Annotation

Французский писатель Морис Ренар (1875-1939) – один из ведущих писателей-фантастов первых десятилетий XX века. Кроме того, наряду с сюжетами научно-фантастического характера, Ренар широко использовал в своих сочинениях мистико-религиозную псевдо-готическую, детективную и приключенческую тематику.

Роман «Таинственное превращение» являет собой образец настоящего психологического детектива, напоминающий традиционные расследования Шерлока Холмса, — с загадочным убийством и применением дедуктивного метода его раскрытия.

- [Морис Ренар](#)
 -
 - [Глава I. Ночной прохожий](#)
 - [Глава II. Замужество, которое не всем нравится](#)
 - [Глава III. Господин Фейяр рассказывает все, что знает](#)
 - [Глава IV. Обри и его хозяйка](#)
 - [Глава V. «Странность» Жильберты](#)
 - [Глава VI. Тревога графини](#)
 - [Глава VII. Тайна](#)
 - [Глава VIII. Альбом](#)
 - [Глава IX. Мадемуазель Ява](#)
 - [Глава X. В баре](#)
 - [Глава XI. У префекта полиции](#)
 - [Глава XII. Сообщения Мари Лефевр](#)
 - [Глава XIII. Татуировка Жака Морейля](#)
 - [Глава XIV. Маккиавелистический проект](#)
 - [Глава XV. В Одеоне](#)
 - [Глава XVI. Фуркад — ангел-хранитель](#)
 - [Глава XVII. Лионель остается при своей идее](#)
 - [Глава XVIII. Жильберта в Люверси](#)
 - [Глава XIX. Внушение](#)
 - [Глава XX. Западня](#)
 - [Глава XXI. Карты раскрываются](#)
 - [Глава XXII. Змея Люверси](#)
- [notes](#)

o 1

Морис Ренар

Таинственные превращения

*Мое самое большое желание – нравиться толпе.
Она одна живет и заставляет жить других.*

Гёте. «Фауст»

Глава I. Ночной прохожий

Два часа ночи.

На маленькой улице в квартале Терне тихо и пустынно. Из-за угла в полосу света выплыла элегантная фигура джентльмена: цилиндр, белое кашне, черный макфарлан, лакированные ботинки, руки в перчатках, конец трости занесен над плечом. «Аристократ» зашагал решительно и бодро, направляясь, как видно, к себе домой.

Теневая зона за фонарем, по-видимому, не внушала ему никаких опасений: он вступил в нее совершенно уверенно. Временами красной точкой загоралась папироса, но лица его разглядеть было нельзя.

– Позвольте прикурить! – раздалась в темноте классическая фраза.

«Аристократ» остановился.

– Отчаливай! – довольно миролюбиво отрезал он.

Прохожий нахально настаивал:

– Эй, выворачивай карман, без разговоров!

За неимением револьвера, да, впрочем, не представляя себе наперед, что из этого выйдет, джентльмен направил прямо в глаза мошеннику резкий свет карманного фонаря.

Тот вскрикнул от неожиданности.

А сам он, едва успев откинуться назад, чтобы не дать противнику размахнуться и сбросить на землю фонарь, быстро проговорил:

– Постой! Не делай глупостей! Спрячь нож, черт возьми!

Он повернул фонарь и осветил свое собственное лицо.

Мошенник с проклятием отшатнулся.

– Ага, голубчик, узнаешь!..

Но «голубчик», не говоря ни слова, бросился бежать. Он мчался с необыкновенной быстротой, почти бесшумно касаясь земли своими парусиновыми башмаками.

«Аристократ» погнался за ним; он тоже бежал с удивительной легкостью и кричал ему вслед вполголоса (если так можно выразиться):

– Постой! Постой же! Я никому не скажу! Клянусь! Остановись, черт возьми!.. Мне нужно с тобой поговорить!

Но апаш, не слушая его, бежал во всю прыть своих ног, движимый, очевидно, одним только желанием – как бы не попасться в руки...

Ему это удалось. Расстояние между ними становилось все больше, и «аристократ» уже отказался от бессмысленной погони.

– Это уж слишком! – прошептал он, вытирая пот с лица. – Погоди же, я разыщу тебя! Не так уж это трудно, черт возьми! Во что бы то ни стало нужно вмешаться в это дело! Я тебя вылечу!

Он повернулся и пошел в другую сторону; изумление не сходило с его лица, он чему-то улыбался и говорил вслух:

– Кто бы мог предположить такую странную вещь, черт возьми! Такую чудовищную вещь!.. Очутиться лицом к лицу с... Бандит! Нет, это ужасно! Я положу этому конец!.. Скажут, пожалуй, что я глуп; но, право же, это на меня произвело впечатление... Ну, голубчик мой, с завтрашнего дня...

Он пошел быстрее – было уже очень поздно, – и голос его потонул в тишине ночи.

Глава II. Замужество, которое не всем нравится

Элизабет, графиня де Праз, сидела у своего письменного столика в стиле ампир и просматривала бюллетени денежных курсов. Мягко прозвенел звонок. Графиня сняла трубку с домашнего телефона.

С этого, собственно, момента и начинается наш рассказ.

* * *

– Это вы, тетя? – зазвучал в трубке молодой, свежий голосок.

– Да, дорогая детка. Часы пробили восемь утра.

– Вы хорошо спали, тетя? Уже за работой?.. Можно с вами поговорить?

Молодая девушка сыпала слова с таким воодушевлением, что графиня почти слышала, как звонко раздаётся ее голос в комнате наверху.

– Поговорить со мной? – спросила мадам де Праз. – Ты хочешь, чтобы я поднялась к тебе?

– О, что вы, тетя! А вежливость на что? Я сама сейчас спущусь к вам!

Графиня де Праз озабоченно повесила трубку.

Это была маленькая высохшая женщина в черном платье, с поблекшими глазами, на которые Создатель как будто пожалел краски. Ее тусклые белокурые волосы уже седели под напором пятого десятка и были зачесаны по моде ее юности. В профиле ее не доставало четкости. Самые верные портреты графини казались незаконченными, настолько в лице ее трудно было найти какое-нибудь определенное выражение.

Она облокотилась на крышку стола и задумалась. Ее бледные губы побелели еще сильнее от какой-то внутренней тревоги.

Вдруг за портьерой послышался шум; что-то глухо и стремительно скатилось сверху. Распахнулась дверь, и в комнату ворвалось чрезвычайно оживленное юное существо. На ногах девушки были шелковые домашние туфельки, и вся она была закутана в какой-то воздушный капот, напоминающий розовое облачко, и очаровательное дезабилье, пожалуй, слишком дамское для такого сияющего молодостью создания.

– Здравствуй, тетя, милая! – шумно налетела на нее девушка.

Она обхватила шею графини руками и, звучно целуя ее в увядшие

щеки, чуть не задушила в своих объятиях тщедушную тетку.

– Что ты делаешь! Растрепала меня всю! – журила ее мадам де Праз.

– Пустяки, тетя! Это неважно!

Жильберта Лаваль склонила свою головку в каштановых кудрях на плечо тетки. Ее лицо сияло от радости. Рядом с этим личиком лицо мадам де Праз было олицетворением уныния.

– Тетя! – взывала Жильберта. – Тетя! Тетя!

– Что такое? Ах, да перестань ты меня тормозить! Что с тобой случилось?

– Я счастлива, тетя! Я так счастлива!

– Да оставь же меня, чертенок!

– Нет!.. Не гляди на меня... Не гляди!

Пурпурные губки приблизились к бесцветному уху графини, и Жильберта вдруг прокричала в него зычным голосом:

– Я собираюсь выйти замуж! Вы дадите согласие, да?

Что это? Тетка как будто вздрогнула? Мадам де Праз задержала щеку девушки у своей щеки.

– Замуж? За кого?

На этот раз ей ответили шепотом:

– За Жана Морейля.

– Кто это? Я его не знаю.

– Знаете, тетя, знаете! Жан Морейль. Его вам представили у Пойяк... Тетя, что с вами?

Женщин вдруг разделила пропасть. У мадам де Праз было испуганное лицо. Жильберта глядела на нее смущенная, сбитая с толку.

– Ничего, детка... я взволнована, это вполне естественно...

Но Жильберта внезапно почувствовала холодок. Мадам де Праз сейчас же поняла это, подошла к племяннице и взяла ее за руку.

– Видишь ли, Жильберта, я люблю тебя так же, как если бы была твоей матерью... Я очень боюсь, не слишком ли ты легкомысленно решила на такой шаг. Тебе только что исполнилось восемнадцать лет; ты еще совершенно не знаешь жизни. Уверена ли ты, что будешь счастлива с господином Морейлем?

Жильберта изменилась в лице, нахмурила брови. Заметив это, графиня ласково привлекла ее к себе и погладила по кудрявой мальчишеской головке.

– Ну, ладно, – сказала она. – Дай мне время познакомиться с этим молодым человеком, собрать о нем необходимые справки, и если он такой, как ты думаешь...

– О, за это я спокойна!

– Ну ступай одевайся, детка! Мы еще поговорим о твоих планах... Ты не поцелуешь меня, Жильберта?..

Заметно раздосадованная, девушка вяло коснулась губами лба графини и вышла из комнаты гораздо менее бойко, чем вошла.

* * *

Оставшись одна, графиня де Праз уже не сдерживала больше своей душевной тревоги, которая отразилась в ее мутных глазах. Несколько минут шагала она по комнате, сложив руки за спиной.

Царила тишина. Погруженная в свои горькие размышления, графиня машинально двигалась среди суровой обстановки своего кабинета, который служил этой деловой женщине чем-то вроде рабочей комнаты. Главным украшением его был внушительный негоряемый шкаф. Оригинальность этой комнаты заключалась в том, что все стенные ее украшения состояли из военных трофеев дикарей. Здесь были африканские щиты из кожи и древесной коры, копья, стрелы и ассегай.

Графиня бросила на это варварское снаряжение задумчивый взгляд. Какие-то неприятные воспоминания заставили ее нахмуриться. Внезапно остановившись посреди комнаты, она сначала безнадежно махнула рукой, а потом, видимо, на что-то решилась.

– Посмотрим! – прошептала она.

Нажав кнопку, на которой было обозначено «граф», она сняла трубку.

– Алло! Лионель!..

Мадам де Праз говорила тихо, стараясь заглушить свой голос и прикрывая рукой отверстие трубки.

– Лионель!

Ей наконец ответили каким-то нечленораздельным ворчанием.

– Алло! Лионель...

– А? Что? Мама?

– Ты еще спишь?

– Вернее, еще не проснулся.

– Поздно вернулся?

– Не знаю, когда...

– Хорошо. Подожди меня.

Мадам де Праз осторожно отворила дверь, на цыпочках прошла через вестибюль и тихонько поднялась на верхний этаж.

Беспорядок в комнате сына свидетельствовал о его буйном возвращении. Фрак валялся на полу, цилиндр был напялен на часы, помятый белый жилет покоился на стуле в соседстве с лакированными ботинками, повсюду были разбросаны предметы, уличающие ночного гуляку.

– Боже мой! Мама! – воскликнул молодой человек, вскакивая с постели. – Я опять заснул.

Взглянув на эти вещи, слишком явно говорящие о беспутно проведенной ночи, мадам де Праз спросила:

– Лионель, сколько тебе лет?

– Двадцать три, – ответил он с лукавой улыбкой.

– Бездельник!

Однако она поцеловала его с нескрываемым восхищением.

Она уселась на край постели и погрузила свой тусклый взгляд в бегающие глаза сына.

– Что с вами? – спросил он. – Чем вы так озабочены? Что-нибудь новое?.. Вы бледны, маман.

– Лионель, что я говорила тебе четыре года тому назад, когда умер твой дядя?

– Вы сказали, что были бы очень счастливы, если бы я женился на Жильберте, и что я должен ей понравиться... Вы об этом?

– Да. Это моя мечта. Ну и чего ты добился?

– Я...

Лионель умолк и опустил вниз злые глаза.

– Я тебе отвечу сама, – сказала мадам де Праз сердито. – Вот чего ты добился: Жильберта втюрилась в какого-то Жана Морейля и хочет за него выйти замуж.

Лицо Лионеля сразу подурнело, как будто по волшебству, и он не сдержал проклятия.

– Она сама вам сказала? – спросил он.

– Только что.

– Что вы ей ответили?

– Ничего определенного. Она свободна!

– Свободна? Я надеюсь, вы заявите свои права! Покажете свою власть...

– Какие права? Какую власть? Подумай, милый мальчик! Жильберта –

полная хозяйка. Я всего только ее домоправительница. Мы здесь в ее доме! Чего я добьюсь, если без всякого основания воспротивлюсь воле моей племянницы? Вооружившись кодексом законов, она живо от меня избавится и потребует у меня отчета, который... Твои карточные долги, Лионель... Ты хорошо знаешь, что...

– Стой! Я понял. Хорошо, хорошо!

– Я всегда лелеяла мысль, – продолжала графиня, которая, казалось, уже близка была к слезам, – что ты женишься на ней и в качестве мужа изменишь наше положение и вознаградишь меня за мои страдания...

– Да-да, знаю, – нетерпеливо прервал ее Лионель. – Но еще не все погибло, подожди! Я вел себя глупо, признаюсь. Я давно должен был постараться ей понравиться. Может быть, еще не поздно... Будет не поздно, если вы найдете вескую причину устранить этого Морейля. И тогда... я заглажу мое невнимание к ней... На наше несчастье попался нам этот Морейль! Это замечательный субъект, редкий образчик добродетели.

– Разве ты с ним знаком?

– Настолько, насколько такой человек, как я, может быть знаком с таким человеком, как он.

– Объясни.

– Это человек серьезный, усидчивый, художник-дилетант. Его нельзя встретить ни в барах, ни на дансингах, – с кривой усмешкой сознался Лионель. – А я...

– Он богат?

– Очень. Особняк на авеню дю Буа. Лошади. Автомобиль «роллс-ройс». Ни одного порока. Ни дамы сердца, ни вообще какой-нибудь дамы. Одним словом – безупречен!

Мадам де Праз грустно и недоверчиво прервала его.

– Можно навести справки, – сказала она. – Разве существуют на свете безупречные люди!

– Bravo, маман. То, что вы сказали, совсем не глупо! Мы ничего не потеряем, если это сделаем. Если же мы потерпим в этом неудачу, мы придумаем другую комбинацию. И деньги Лавалей не уйдут из наших рук!

– Только деньги? А кузина? Ведь она очаровательна!

– Подумаешь!

– Мне хотелось бы тебя видеть и богатым и счастливым, мой мальчик!

– Богатым – значит, уже счастливым! Ладно! Я с сегодняшнего же дня поведу за Жаном Морейлем самое бдительное наблюдение. Мы, по крайней мере, узнаем, действительно ли он такая редкостная птица!

И цинично добавил:

– В общем, если бы в прошлом году болезнь Жильберты приняла другой оборот, мы теперь не оказались бы в таком критическом положении. Если не ошибаюсь, наследство перешло бы к вам...

Мать пристально на него поглядела. В бледных глазах ее мелькнул испуг.

– Успокойся! Я не способен тронуть даже муху! – воскликнул он. – Но если обстоятельства складываются благоприятно, если вмешивается рок, что же – тогда приходится выбирать...

– Значит, ты ее совсем не любишь?

Он отрицательно мотнул головой. Мадам де Праз вздохнула и задумалась.

– А ведь она очень привлекательна! И клянусь тебе, мне бы хотелось сделать ее счастливой!

– Выдайте ее за Жана Морейля!

– Не шути! Ты знаешь, что ты один для меня существуешь, мой мальчик! С тех пор как ты родился, ты один существуешь!

– А папа?

– Никогда я не любила его так, как тебя.

– А... дядя?

– Я вышла бы за него только для того, чтобы сделать тебя богатым.

– Вы молодец, маман! Итак, сейчас же разыщу нашего бывшего управляющего Обри и разработаю с ним план наблюдения. Как вы к этому относитесь?

– Чудесно придумано! Это преданный слуга.

– Он привратник дома номер сорок семь на улице Турнон. И мне кажется, что он очень недолюбливал Жильберту...

– Еще бы! Ведь это она настояла на том, чтобы я отказала ему!

– Замечательно!

В эту минуту молодое звонкое меццо-сопрано огласило весь особняк: это Жильберта напевала для своего собственного удовольствия бравурную песенку.

– Она еще в своей комнате, – заметила мадам де Праз. – Тем лучше. Я не хочу, чтобы она узнала о моем разговоре с тобой.

Графиня скользнула вниз по лестнице черной обманчивой тенью и заперлась в своем кабинете.

Все еще думая о событиях, грозивших провалить все ее надежды, Элизабет, графиня де Праз, вынула из-за корсажа маленький ключик, с которым никогда не расставалась, и стала отпирать несгораемый шкаф.

Четыре секретных замка щелкнули один за другим. Тяжелая дверца повернулась на петлях.

Показались виньетки всевозможных ценных бумаг, заполнявших сверху донизу железный шкаф. Мадам де Праз вынула несколько пачек, прикосновение к которым, по-видимому, доставляло ей величайшее наслаждение, и собиралась было засунуть руку в темную глубину шкафа, как вдруг голос наверху оборвался и умолк.

Графиня поспешно положила все на место: засунула разрозненные пачки ценностей в глубину, прикрыла их другими, захлопнула стальную дверь, защелкнула замки и снова спрятала ключ на своей чахлой груди.

Глава III. Господин Фейяр рассказывает все, что знает

В семь часов вечера Жан Морейль, предварительно условившись по телефону, позвонил у дверей своего друга, нотариуса Фейяра, самого «светского» нотариуса в Париже. В этот вечер Жан Морейль и Фейяр должны были присутствовать на первом представлении лирической драмы. Они условились вместе пообедать в одном из кабаре, так как Жану Морейлю необходимо было побеседовать с джентльменом нотариусом.

Тот ожидал его во всеоружии. На обоих друзьях были одинаковые костюмы, уравнивавшие чиновника с денди: черный макфарлан, шелковый цилиндр, белый фуляр на шее и почти одинаковые трости. Однако между банальным шиком должностного лица и изящной манерой Жана Морейля была целая пропасть.

– Ага! Явился наконец, красавчик!

Жан Морейль шутливо от него отмахнулся. Фейяр продолжал:

– Ладно, ладно, сказочный принц! Ты, каналья, сам знаешь, что хорош! Поглядите-ка на этого Антиноя! Ну-ка, походи немного, покажись! Откуда, черт возьми, у тебя эта гибкость? Нет? Не хочешь мне доставить удовольствия? Ну, тогда расскажи, зачем пришел ко мне. Я уверен, что только дело могло заставить тебя ко мне явиться... Что же это? Покупка бумаг? Недвижимости? Говори. Выйдем... Ты расскажешь по дороге.

– Вот что, – начал Жан Морейль. – Со мной удивительнейшая история...

– Женишься?..

– Ты угадал.

– На ком?

– На мадемузели Лаваль, дочери исследователя Африки. Ты смеешься?

Они уселись в экипаж, и Фейяр объяснил:

– Я смеюсь по двум причинам, старина. Прежде всего, я доволен, очень доволен твоим выбором. Жильберта Лаваль – восхитительная девушка, о ней говорят очень много хорошего... очень избалована, само собой разумеется, но, несмотря на это, по всеобщим отзывам, у нее прекрасный, твердый и прямой характер.

– Вот не ожидал, что ты так осведомлен!..

– Тебе, видишь ли, повезло, как всегда: я – их нотариус. Но я улыбнулся главным образом из-за тетушки, мадам де Праз, и ее сынка!

– А в чем дело?

– Как! Ты не понимаешь? Ведь ты же разбиваешь их тайные мечты!..

– Должен тебе признаться, – заявил порывисто Морейль, – что я почти ничего не знаю о семье Лавалей и что...

Нотариус вперил в него насмешливый, недоверчивый взгляд. Жан Морейль, опустив глаза, рассеянно играл перчаткой.

– Да что ты, право? – воскликнул Фейяр. – Насмехаешься надо мной, что ли? С тобой никогда не знаешь...

– Уверяю тебя... И если бы ты мог...

– Ты не шутишь?

На него глядели голубые умные, полные энергии глаза.

– Если ты можешь что-нибудь мне рассказать о семьях Лавалей и Празов, – сказал Жан Морейль, – прошу тебя, сделай это... Я люблю мадемуазель Лаваль и на ней женюсь, но до сих пор несколько не интересовался намерениями мадам де Праз и ее сына. Правда, я видел мадам де Праз, но только мельком; а что касается Лионеля де Прази, то я иногда с ним встречаюсь и совершенно к нему равнодушен... не симпатизирую, это будет вернее. Уверяю тебя, что не пришел к тебе затем, чтобы о них расспрашивать. Посвяти меня только в таинство брачного контракта...

– Хорошо, – ответил нотариус. – Прости меня за мои сомнения. Но мне так странно, что ты пускаешься в такое дело вслепую... Наша задача, видишь ли, не соединять любящие сердца, а сводить семьи, которые уверены, что подходят друг другу. Вот почему ты так удивляешь меня. Кроме того, дорогой мой, я никогда в жизни не привыкну к этому твоему настроению, которое на тебя временами находит...

– Настроение? Какое такое настроение?

– Ты вдруг, ни с того ни с сего, так глубоко задумываешься, уходишь в свою скорлупу, как сейчас, и делаешься таким рассеянным, что невольно задаешь себе вопрос: «Знает ли он, по крайней мере, о чем с ним говорят?»

Жан Морейль расхохотался:

– Я занят важным делом! У меня из головы не выходит одна задача...

Фейяр внимательно на него посмотрел.

– Странное существо! – сказал он наконец. – Я умру, не поняв тебя, о поэт! о философ! о артист! о загадочная личность!

– Я тебя слушаю, – сказал Жан Морейль. – Ну, приступай: «Жили-были...»

– Жили-были две сестры Осмон. Старшая, Элизабет, вышла замуж за графа де Праз, бедного офицера. Вторая, гораздо более молодая, по имени Жанна, была избранницей выдающегося и довольно богатого человека, Гюи Лавалья, исследователя Центральной Африки. Лет через десять после замужества старшей муж ее, капитан де Праз, умер почетной смертью, что для человека военного означает: умер на поле битвы. Он оставил сына Лионеля... Ты меня слушаешь, Жан, да?

– Конечно, слушаю.

– Но вид у тебя такой, точно ты на луне... Продолжаю. И вот, мадам де Праз осталась бедной вдовой. Но ее сестра, мадам Лаваль, красавица мадам Лаваль, имела многомиллионное состояние, жила в Нейли, в одной из лучших вилл, и проводила каждое лето в прекрасной усадьбе Люверси, в долине Шеврез. Все эти богатства достались ей от отца Лавалья, промышленника, и Жанна, с согласия мужа, предложила своей сестре, мадам де Праз, поселиться у них вместе с сыном. Это предложение было принято с восторгом. Надо тебе сказать, что Лавали были удивительнейшими людьми. Жалко, что судьба похитила у тебя их любовь! Они обожали свою дочь, тогда еще маленькую милую резвушку. Но Гюи Лаваль следовал своему непреодолимому призванию. Оно было сильнее любви, сильнее отеческой привязанности. Его пожирала страсть к путешествиям, к опасности далеких экспедиций. Он был в разъездах шесть месяцев в году. Сам понимаешь, что в подобных условиях он с радостью ухватился за мысль, что графиня с сыном будет жить с ними вместе, и думал, что жене будет очень покойно в обществе старшей сестры. В скобках скажу тебе, что это доброе дело вскоре оказалось выгодным делом, так как мадам де Праз была настолько же экономной хозяйкой, насколько мадам Лаваль – пленительная женщина – была расточительной и не признавала порядка, и очень скоро сделалась полновластной госпожой в буфетной, кухне и погребе. Так шли дела... Ты меня слушаешь? Ты уверен, что меня слушаешь?..

Так, говорю я, шли дела до самой смерти мадам Лаваль. Это было, насколько я помню, лет пять тому назад. Она умерла в Люверси в то время, когда господин Лаваль находился дома, и по его вине. Это настоящая трагедия.

За несколько дней до этого господин Лаваль вернулся из глубины Африки и среди множества редкостей привез с собой несколько змей, которых собирался отдать в зоологический сад...

– Ах, помню, слышал об этом! – сказал Жан Морейль. – Об этом писали в газетах. Одна из змей убежала, да? Она укусила мадам Лаваль во

время сна?

– Да, так оно и было. Гюи Лаваль был убит горем. Боялись за его рассудок; надо сказать, что мадам де Праз ухаживала за ним с большим самоотвержением, несмотря на то что ее собственное горе было очень глубоко.

Но Гюи Лаваль был безутешен. Он считал себя виновником несчастья, и это сознание его мучительно преследовало. Как только он в состоянии был уехать, он подготовил новую экспедицию в Верхний Нигер. Те, кто посещал его в это время, вынесли впечатление, что он больше не вернется. Но помешать ему ехать было невозможно. Через шесть месяцев он уехал и действительно больше не вернулся.

Перед отъездом из Франции он оставил у меня завещание, по которому в случае его смерти он вверял свое дорогое дитя в руки мадам де Праз, и в таких выражениях, что не было никакого сомнения в том конце, который он себе готовил. Он погиб в стычке с отрядом дикарей во время отчаянно смелой разведки, в которой он отказался от всякого конвоя. Его тело было все исколото стрелами и ужасно искалечено.

Это известие повергло весь замок в глубокое отчаяние. По этому поводу говорили, что мадам де Праз не могла скрыть своего горького разочарования. Она старалась всеми силами удержать господина Лавалья во Франции. Несомненно, что со смертью сестры перед ней открылись широкие возможности. Ясно было, что довольно скоро, перестав оплакивать сестру, она будет стремиться сделаться второй мадам Лаваль. А так как мадам де Праз не создана для любви, то злые языки говорили, что ей просто не хотелось выпустить из рук миллионы ученого. Совершенно очевидно, что эти миллионы ей нужны были не для себя, а для сына. Ибо эта скромная женщина – страстно любящая мать. Лионелю было тогда семнадцать или восемнадцать лет. Жильберте Лаваль лет тринадцать. Ясно, что мадам де Праз лелеяла мечту женить сына на племяннице. Но, так как тысячи обстоятельств могли помешать осуществлению ее планов, она стремилась, выйдя замуж за Лавалья, осторожно закрепить за собой часть его состояния. Эта мечта тоже рушилась вместе со смертью Лавалья, и у мадам де Праз оставался единственный шанс: обвенчать Лионеля с Жильбертой. И вот, представь себе: теперь на ней женишься ты! Сам посуди... Да ты что же, спишь, Морейль, что ли? О чем ты думаешь?

Молодой человек заморгал глазами, словно бы очнувшись от сна.

– Я думаю, – сказал он, – о маленькой итальянской лампе, которую видел сегодня на выставке у антиквара. Маленькая бронзовая лампа с золотой подставкой, изображающей змею медянку. Мне хочется включить

ее в мою коллекцию... Мне кажется, я ее куплю...

Фейяр был так изумлен, что сразу не ответил. Эта беспечность ошеломила его. Он рассердился.

– К черту! – вскрикнул он, краснея. – Стоило мне так распинаться! Не знаю, как мне тебя изругать! Оригинал! Вот тебе: ты оригинал! Запомни!

– Фантазер, скорее! – с веселой улыбкой поправил его Морейль.

– Слушай, – посоветовал нотариус спустя минуту, – остерегайся графини! Поверь мне, старина! Нет, мерси, я не курю перед обедом...

Жан Морейль закурил папиросу и, выпустив дым колечком, попросил:

– Ну объясни же, что такое брачный контракт...

Экипаж остановился. Они вошли в кабаре.

Глава IV. Обри и его хозяйева

Когда Жильберта сообщила тетке, что собирается пригласить к себе Жана Морейля, мадам де Праз ей не противоречила из осторожности. Помимо того что в ее привычки уже вошло ни в чем не отказывать племяннице, – это была традиция, которую она не желала нарушать, – она была рада тому, что обстоятельства позволяли ей поближе разглядеть этого неприятного претендента на руку Жильберты.

* * *

Жан Морейль был принят у мадемуазели Лаваль на правах близкого друга. Лионель воспользовался этим, чтобы, насколько позволяла ему вежливая холодность жениха Жильберты, установить с ним более тесное знакомство. Он старался бывать там, где бывал Морейль: на гольфе, теннисе, в фехтовальном зале. Но через несколько дней подобного рода слежка показалась ему если не смешной, то совершенно бесполезной, и он решил отказаться от нее, тем более что бывший метрдотель Обри следил за ним неустанно и не заметил ничего подозрительного в поведении молодого человека.

Лионель сообщил графине о своем решении. Но неожиданно он встретил в ней резкий отпор, тем более непонятный, что для этого не было никакой видимой причины.

– Я совсем недолго наблюдаю за Морейлем, – сказала она, – и уже составила себе о нем мнение. Я чувствую, я уверена, что он от нас что-то скрывает. Его задумчивость, его озабоченность что-нибудь да значат. В его жизни есть какая-то тайна...

– Какая же? – с раздражением воскликнул Лионель. – Говорите яснее, черт возьми!.. Ведь я...

– Мы узнаем какая, будь спокоен, – сказала мать. – В настоящий момент у меня всего только такое впечатление. Но мои впечатления меня редко обманывают.

Это была правда. Лионель часто преклонялся перед проницательностью матери.

– Я знаю, – сказал он, – у вас есть чутье. Боюсь только, что вы теперь свои желания принимаете за предчувствия. Черт возьми! Мне хочется,

чтобы Жильберта стала моей женой, ведь у этой девчонки туго набитая мошна!

– Надо, чтобы ты на ней женился! – сказала мадам де Праз.

Лионель поглядел на нее довольно непочтительно.

– Да что с вами такое? «Надо, надо!»... Надо было бы, да! Но раз мы не можем убедить Жильберту в том, что Жан Морейль ее недостоин, нам придется придумать что-нибудь другое для того, чтобы она не вышла ни за него, ни за кого-нибудь другого! Я придумаю, будьте покойны!

– Нет! Нет! Это глупо! – воскликнула графиня.

– Честное слово! Вы меня смутили. Неужели я вас пугаю? Ведь я ничего не сказал!..

– Боже! Лионель, что ты такое подумал? Нет, нет! Я тебя ни в чем не подозреваю, дитя мое!

– Неправда!.. Я видел испуг в ваших глазах.

– Нет! Нет! Нет! Не верь этому, мой мальчик!

Она бросилась обнимать его, умоляя о прощении. Но он не менял своего каменного лица и не спускал с нее жесткого взгляда.

Она обвила руками шею сына и подняла на него полные любви бесцветные глаза.

– Не надо сердиться! – сказала она. – Тебе ничего не надо придумывать, мой мальчик! Уверю тебя... Слышишь, уверю тебя, что у Морейля что-то есть, что-то, что он от нас скрывает! А раз он что-то скрывает, то это скверно для него и превосходно для тебя!..

Чувствуя, что он сдается, она нежно и настойчиво продолжала:

– Хочешь, я тебе помогу? Да? Не правда ли? Я сама повидаюсь с Обри и разберу хорошенько, в чем там дело...

– Как хотите! – промычал Лионель.

* * *

В тот же вечер возле дома № 47 на улице Турнон остановился автомобиль. Из него вышли графиня де Праз с сыном. Оба вошли в квартиру привратника.

Обри уже поджидал их. Он кланялся не переставая.

Отвратительная физиономия. Седоватый человечек с лживыми глазками. Голова, втянутая в плечи. Длинные руки гориллы. Вкрадчивая походка... Благодаря своей профессии Обри сохранил умение делаться незаметным, стусевываться, бесшумно двигаться и действовать

втихомолку.

Метрдотель никогда не должен привлекать к себе внимания. Он должен как-то витать над столом, за которым прислуживает, мягко прикасаться к серебру, стараясь заглушить его звон, передвигать посуду, не издавая бряцания. Это – человек-невидимка. Самые опытные из них добиваются того, что создают впечатление, будто все делается само собой, по какому-то волшебству, каким-то призраком, который, разливая вино, шепчет вам на ухо: «Барзак», «Шамбертен», «Амонтильядо».

Таков был и Обри, который, несмотря на столь редкие таланты, не сумел скрыть от Жильберты Лаваль своего обезьяньего уродства, состоявшего не столько из физических недостатков, сколько из морального убожества. Ничто так не выводило из себя Жильберту, как вечная двусмысленная улыбка, кривившая бритые губы этого изворотливого и коварного антропоида. Вот почему она упросила тетку освободиться от него. Этого и не мог простить ей Обри.

Мадам де Праз, устроившая его привратником одного из домов, принадлежавших племяннице, время от времени доверяла ему различные поручения. Он выполнял их ловко, вкрадчиво, как услужливая тень.

* * *

– Дорогой Обри, – начала мадам де Праз, – дела не подвигаются. Скажите, что вы успели сделать до сих пор? Садитесь, Обри, садитесь!

– Графиня очень добры, – сказал он, усаживаясь с почтительной неловкостью. – В поведении господина Морейля нет ничего предосудительного. Господин граф велел за ним следить, я следил добросовестно.

– Беспрепятственно?

– Без малейшего препятствия. Большую часть времени этот господин витает в облаках. Во всяком случае, он никогда не сидит без дела; видно, что он работает, что голова его чем-то занята...

– Верно! – сказала мадам де Праз. – О чем же он думает?

Лионель авторитетно заявил:

– Вам хорошо известно, что Жан Морейль – ищущий, усидчивый художник...

Мадам де Праз остановила его досадливым жестом.

– Как у него распределено время, Обри?

– Господин Морейль встает очень рано. Отправляется верхом в Буа...

– Всегда в Буа? Вы уверены?

– Я в этом вполне уверен, – отрезал Лионель. – Я уже несколько раз ездил туда вместе с ним и обследовал это.

– Затем, – продолжал Обри, – господин Морейль возвращается домой и очень скоро после этого выходит снова и занимается разного вида спортом до завтрака, ради которого часто остается в клубе. Иногда у него утро бывает занято каким-нибудь деловым свиданием или прогулкой пешком. А потом он живет так, как сказал господин граф: посещает концерты, картинные галереи и музеи; сидит в библиотеке; заходит к антикварам и в магазины случайных вещей... Словом, ничего подозрительного.

Вначале меня беспокоили его прогулки в автомобиле. Но я познакомился с шофером господина Морейля. Господин Морейль говорит ему с вечера, куда они поедут на следующий день. Я нанимал то такси, то мотоциклет, – чтобы замести следы, – и являлся на место всегда раньше Морейля. И здесь, графиня, я тоже не нашел ничего такого...

– Куда же он ездит?

– Осматривать старинные памятники или исторические усадьбы в предместьях. Бывает у антикваров. Шофер довольно разговорчив. Я от него узнаю все, что хочу.

– Правду ли говорит этот человек?

– Очевидно, графиня: я много раз проверял его.

– Да?.. Ну а по вечерам, после обеда?

– Для парижанина его круга господин Морейль выезжает довольно редко. В театр, в концерт. Иногда в мюзик-холл. Никогда не кутит. Кажется, раньше он бывал на Монмартре, как все молодые люди, но теперь туда не заглядывает.

– Следовательно, господин Жан Морейль по вечерам регулярно возвращается к себе домой и по временам довольно рано. Что он делает дома? Работает?

– Да, графиня.

Лионель, стоя к ним спиной и глядя в окно, пояснил:

– Он автор ценного труда «Женщины в произведениях Эжена Делакруа». Теперь он кончает большую книгу «Дендизм в Англии». Он сам денди или желает им быть, как д'Орсей или как д'Оревилли, он спортсмен и литератор. Когда же ему работать, как не ночью, маман?

– Вы уверены в этом, Обри?

– Ведь невозможно проникнуть в его дом, особенно ночью...

– Но... с чьей-нибудь помощью...

Обри хранил молчание и этим как бы говорил: «Это довольно опасно, графиня; можно скомпрометировать этим многих людей...»

– Да... – задумчиво проговорила мадам де Праз.

– Знаете что? – сказал Лионель. – Я слышал, что у Жана Морейля есть прозвище «Человек, который не спит». Мне говорили, что он всю ночь до самой зари просиживает за столом. Он почти не отдыхает. Один из его друзей, врач, обратил мое внимание на его глаза, в которых что-то особенное, характерное для бодрствующих по ночам людей.

Но мадам де Праз пробормотала сквозь зубы:

– В общем, наше наблюдение, – и твое, и ваше, и мое, – производимое с утра до вечера, но не с вечера до утра, не дало никаких результатов. И все-таки мой инстинкт мне подсказывает...

– Что подсказывает? – прервал Лионель с ворчливым нетерпением.

– Когда на меня глядят чьи-нибудь глаза, – продолжала мадам де Праз, – я всегда вижу, таится в глубине их какая-нибудь тайна или нет... Обри, Лионель, надо узнать, действительно ли Жан Морейль проводит свои ночи за работой...

– Это не совсем удобно, графиня.

– Прежде всего узнайте, не проходит ли кто-нибудь по ночам в этот дом и не выходит ли из него перед рассветом.

– Женщина? – насмешливо спросил Лионель.

– Черт его знает! – пожала плечами мадам де Праз.

– Очень возможно, – сказал Обри с самой пошлой улыбкой.

Глава V. «Странность» Жильберты

– Да нет же, дорогая Жильберта, я не нахожу ничего неприличного в том, что Жан Морейль пригласил тебя к себе, – говорила мадам де Праз. – В наше время покажется совершенно естественным то, что тебя просят посетить дом, который, может быть, будет твоим. Но так же естественно и то, что мне нужно пойти вместе с тобой. Надеюсь, это тебе не неприятно?

Жильберта, стараясь подавить свое недовольство, принужденно улыбнулась.

– Конечно, тетя, мне это не неприятно. Но как вы, однако, отстали от века!

И она отвернулась, когда мадам де Праз похлопала ее по щеке с выражением снисходительного негодования.

– Ах, Жильберта, как плохо я тебя воспитала!

В маленькой модной гостиной Жана Морейля был сервирован чай для обеих посетительниц. Жильберта, силясь совладать со своим настроением, проявляла чрезвычайную экспансивность и отчаянно злоупотребляла вульгарными выражениями. Она ходила взад и вперед, покачивая бедрами, и смешно подражала ленивой походке очаровательного уличного мальчишки.

Мадам де Праз сдерживалась, но была, несомненно, скандализована и, лакомясь пирожным, осматривала все кругом будто бы равнодушным взглядом.

– У вас есть папиросы? – спросила Жильберта.

– Пожалуйста, – поспешно ответил Жан Морейль.

* * *

Он прошел в смежную курительную комнату, куда за ним последовала Жильберта, послав поднявшейся было тетке самую отчаянную и самую насмешливую гримасу.

– Что с вами? – нежно спросил Жан Морейль.

– Она меня изводит...

– Однако... – сказал он снисходительно.

– Поймите же, что она меня изводит! Изводит потому, что пришла сюда за мной по пятам. Пришла все обнюхать, все разглядеть... Я не могу

от нее отвязаться. Меня тошнит от нее.

– Но, Жильберта, ведь она права. Поставьте себя на ее место... Дорогой мой друг, будьте же сами собой. Я вас гораздо больше люблю без этого жаргона!

Она взглянула на него, и ее опечаленные глаза внезапно наполнились слезами. Она схватила его за руки.

– Ах! – прошептала она. – Любите меня, Жан! Если вам это не нравится, я больше не буду. Скажите мне, вы любите меня, да? Никогда не разлюбите? Никогда?

Он посмотрел на нее серьезно и нежно, и она почувствовала, как растворяется ее сердце в волне счастья и радости. Все, что минуту тому назад заставляло ее огрызаться и вставать на дыбы, все разом улеглось.

– Не думайте, Жан, что я не люблю тетку... Я к ней очень привязана...

– Правда ли?

– Правда! Правда!

– Нехорошо, что мы оставили ее одну. Я не имею права, как хозяин... А папиросу? Выбирайте.

– Мерси, не хочу... Вам ведь хочется, чтобы я не курила? Да, да, Жан? Скажите, что вам хочется! Мне так приятно доставить вам удовольствие!..

Он рассмеялся необыкновенно счастливым смехом, очаровавшим Жильберту.

– Да, это верно, я не люблю, когда вы курите.

– Какой вы милый! Какой милый!

– Я вас люблю, – сказал он совершенно серьезно и вместе с тем радостно.

Она хотела ответить, но в горле что-то задрожало.

– Пойдемте! – сказал он мягко.

* * *

Мадам де Праз, приложив руку к глазам, рассматривала прелестные картины на стенах гостиной.

– Хотите посмотреть остальные? – спросил Жан Морейль. – Мне хочется показать вам мое последнее приобретение. Если вы любите Коро...

Их глазам открылась огромная коллекция бесценных полотен и красивейших скульптур. Жан Морейль принялся объяснять. Он обладал большой эрудицией и глубоким художественным вкусом. Мадам де Праз узнала об искусстве такие вещи, мысль о которых ей никогда не приходила

в голову; для Жильберты, упоенной тонкостью его рассуждений и его знаниями, голос жениха звучал точно музыка.

– А что здесь, под стеклом? – спросила она.

– А, это мой личный музей, – сказал Жан Морейль. – У каждого своя мания.

– Ключи, старые ключи... – констатировала графиня.

– Старинные лампы... – пробормотала Жильберта.

– Да, совершенно верно, – ответил Морейль, как бы извиняясь. – Ключи и лампы. Я начал их коллекционировать с самого детства. Эти две вещи всегда притягивали меня. Странно, не правда ли?

– Символично, – заметила мадам де Праз. – Вы любите открывать, освещать?

– Возможно, – возразил он довольно небрежно.

– Мне кажется, – вставила Жильберта, – что за такое время должно бы накопиться гораздо больше ламп и ключей... Может быть, это уже вас теперь не интересует?

– Нет, интересует. Но, представьте, между мною и этими витринами есть маленькая тайна...

– Признавайтесь!

Мадам де Праз была олицетворением любезности и вежливости: она слушала по-светски внимательно.

– Ну вот, я покупаю лампу или ключ только при определенных обстоятельствах: или для того, чтобы поощрить себя, или чтобы вознаградить за что-нибудь. Лампы – поощряют, ключи – вознаграждают.

– Ничего не понимаю! Можно узнать... – смеясь, спросила Жильберта.

– На что мне поощрение? За что награды? Но это легко отгадать. Каждая из этих ламп и каждый ключ соответствуют какому-нибудь труду или изысканию... Ребячество, конечно. Не говорите никому, надо мной будут смеяться!

– Ах! Какая чудная лампа, зеленая, с желтой подставкой! Что за изящество!

– Итальянская работа. Золото с бронзой, – ответил Жан Морейль. – Она вам нравится? Возьмите ее. Доставьте мне удовольствие подарить ее вам.

Сконфуженная Жильберта взяла в руки лампу, подняла ее на свет, чтобы получше разглядеть, и поспешно поставила назад, на столик.

– Что с вами? – удивился Морейль. – Что с вами?

Бледная, не в силах совладать с собой, Жильберта стояла несколько секунд не шевелясь, прикрыв глаза рукой. В это время мадам де Праз,

внимательно рассматривая лампу, говорила:

– Держу пари, что там змея!.. Да, так и есть!.. Подставка! Подставка изображает змею!

– Как? Это золотое украшение?..

Но Жильберта, сияясь улыбнуться, уже сознавалась:

– Да... Простите меня... Это нелепо.

– Это с ней случается с самой смерти моей бедной сестры, – сказала мадам де Праз. – Вы, наверное, знаете...

Жан Морейль кивнул и взял руку Жильберты в свою.

К ней постепенно возвращалась краска.

– Подумайте, как это глупо! А?

– Нет, нет, это не глупо! О нет! – говорил вдумчиво Жан Морейль. – Очевидно, вы когда-то испытали глубокое потрясение.

– Да, – сказала мадам де Праз. – Ужас, которому нет слов. Но ведь с тех пор прошло пять лет, и Жильберте уже пора отделаться от этой странности... Поговорим о другом, хорошо? Для нее будет лучше. Я и сама не могу думать без дрожи об этой трагедии.

– Тетя, надо, чтобы он узнал! После мы не будем об этом больше разговаривать. Я хочу, чтобы он... понимаете... чтобы он знал решительно все о моей маме...

Она растянулась в кресле, все еще взволнованная, и приложила свой висок к руке мадам де Праз.

– Расскажите, тетя, расскажите ему.

Мадам де Праз не решалась, она боялась прошлого...

– Не противоречьте ей, графиня, – умолял Жан Морейль.

Она ответила с грустной торжественностью, не ускользнувшей от слушателей:

– Мне придется воскресить ужасное воспоминание... Все это как будто вчера только произошло...

* * *

– Случилось это в Люверси в августе. Мы приехали туда в начале июля: моя сестра, Жильберта, я и Лионель...

– ...который тогда провалился на экзамене на бакалавра! – прервала ее Жильберта.

– ...Мой родственник Гюи Лаваль, несколько месяцев бывший в отъезде, известил нас, что вернется к десятому августа. Мы ждали дня его

приезда как праздника и хотели все отправиться в Париж встречать его на вокзале. К несчастью, накануне этого необычайного дня моя сестра вдруг слегла. Простуда, которую она запустила, осложнилась бронхитом. Когда Гюи Лаваль прибыл в Люверси, он нашел свою жену вне опасности, правда, но серьезно больной...

– Тетя, не забудьте про змей...

– Да... Гюи Лаваль привез из Центральной Африки всевозможные редкости, из которых многие были живыми. Он привез весь свой багаж в Люверси и, не желая покинуть замок до выздоровления жены, он долее, чем это ему было желательно, продержал у себя десятка полтора змей, предназначенных для зоологического сада.

Среди этих рептилий была одна змея, черная, с белыми пятнами, длиной в метр. Она представляла собой бесценную редкость, так как никто никогда не встречал этого вида змей, водившихся в самой глубине Африки. Гюи Лаваль бесконечно гордился своей находкой. В оранжерее, где временно приютили этих отвратительных животных, черная с белыми пятнами змея занимала отдельный ящик, спереди снабженный решеткой. Гюи Лаваль охотно показывал свой зверинец и, бесстрашно играя с огнем, любил демонстрировать ядовитые, острые и тонкие зубы змеи...

– Я помню это! – воскликнула Жильберта. – Я и Лионель непременно присутствовали при этом каждый раз. Папа употреблял для этого нечто вроде небольших вилок, с помощью которых он делал змею неподвижной. И для того, чтобы показать механизм выделения яда, он надавливал на один из зубов. Тогда можно было видеть, как клык нажимал на похожий на нарыв ядовитый мешочек и ужасная жидкость стекала по зубу, как по трубочке...

– Таким образом твой отец обломал один из зубов этой змеи, – подхватила мадам де Праз. – После этого случая он ужасно сердился на самого себя и перестал демонстрировать своих чудовищ. Мы знали, с какой невероятной быстротой действует змеиный яд. Мы знали, что приобретение этой змеи стоило жизни негру, которого она укусила. Ученые должны были анализировать ее яд, как только змея поступит в их распоряжение. Вы увидите, как им пришлось разочароваться, на наше несчастье!

– Тетя, надо раньше объяснить устройство комнат...

– Да, комната моей сестры была расположена в нижнем этаже, впрочем, довольно высоко над землей. Рядом находился просторный будуар с дверью, выходившей в комнату Жильберты. Гюи Лаваль и Лионель жили наверху в первом этаже, где обычно была также и моя комната. Прислуга

жила на самом верху, в мансардах.

Я целый день находилась возле сестры, а ночью спала на складной кровати, которую ставила в будуаре для того, чтобы явиться по первому зову больной. Но, считая, что я должна спать спокойно по ночам, так как оставалась при ней неотступно весь день, сестра требовала, чтобы дверь из ее комнаты в будуар была заперта. Вы лучше поймете, для чего она прибегала к этой предосторожности, если я скажу вам, что не проходило ни одной ночи, чтобы она не испытывала отчаянной жажды. Ей были запрещены прохладительные напитки; она обычно звонила горничной, которая поспешно спускалась вниз и подавала ей горячую настойку. Вот для того, чтобы я не просыпалась от шума шагов горничной, она и требовала, чтобы дверь оставалась закрытой. На самом же деле я и во сне прислушивалась к малейшему шуму рядом и каждую ночь слышала, как сверху спускается девушка и проходит к сестре.

Однажды вечером – это было девятнадцатого августа – температура у сестры Жанны поднялась выше обыкновенного. Было очень жарко, очень душно, и ухудшение в ее состоянии можно было объяснить погодой. Я не обеспокоилась этим и, как всегда, ушла к себе, предварительно отворив у сестры окно под закрытой ставней, так как она жаловалась на отсутствие воздуха. Врач разрешал такого рода проветривание. На всякий случай я велела горничной закрыть это окно, когда она принесет настойку. Мари – так звали горничную – ушла в одно время со мной. Но в будуаре я нашла Жильберту... в одном белье...

– Я не могла уснуть в ту ночь, – сказала Жильберта, – и мне непременно хотелось еще раз поцеловать мамочку. О, я не забуду этого последнего поцелуя!.. Бедная мама! Я долго, долго обнимала ее! Когда я вошла в будуар, тетя уже легла... Продолжайте, тетя...

– Эта девочка была необычайно возбуждена, – продолжала мадам де Праз, – она попросила у меня разрешения спать со мной, я взяла ее к себе в постель и очень скоро заснула.

– А я, – прервала Жильберта, – не могла уснуть... Постель была узка, и было так душно, или, может быть, у меня было предчувствие... Я не смела шевельнуться, чтобы не стеснить вас, тетя... И всю ночь до рассвета лежала с открытыми глазами. Под маминой дверью была светлая полоса от ночника. И я ничего не слышала.

– А я спала очень крепко! – сказала мадам де Праз. – Между тем при первых лучах солнца я вскочила с постели с неотступной мыслью: «Мари не приходила. Неужели Жанна не позвала ее? Ей лучше? Или хуже?..»

Сестра была мертва. Тело казалось мраморным от покрывавших его

пятен.

Я позвала шурина. Он стоял как безумный перед очевидностью катастрофы и сразу даже не понял ее причины. Единственное существо, которое на его глазах умерло от молниеносного укуса змеи, был чернокожий... Вы понимаете, не правда ли, мне не нужно объяснять?.

Только через два часа стало известно, что исчезла змея. Ящик ее был пуст. Она проскользнула через щель в ящике, которая оказалась шире, чем думали. Помещение для нее было сделано наскоро! А Гюи Лаваль был совершенно непредусмотрителен.

Известие об этом исчезновении внушило ему ужасное подозрение. Он внимательно осмотрел руки и ноги бедной Жанны. Тогда только он разглядел на левой кисти почти незаметный укол, обнаруживающий укус змеи.

Можно было подумать, что змея жестоко отомстила за те пытки, которым подвергал ее шурина.

Я вам не стану описывать ни слез, ни леденящего ужаса, которые вызывала в нас мысль об этой скрывшейся змее, убежища которой никто не мог обнаружить. Где же могла быть эта змея? В парке? В замке?.. Само собой разумеется, что ее начали искать прежде всего в комнате сестры. Ее там не нашли. Но легко было проследить, как она вошла и вышла. Для того чтобы войти, она воспользовалась...

– Окном? – спросил Жан Морейль. – Приоткрытым окном?

– Да, – сказала Жильберта, – окном или, вернее, ставнями, сплошными, наглухо закрытыми железными ставнями, в каждой из которых вырезано маленькое отверстие в виде сердечка. Очевидно, змея вошла через одно из этих «сердечек». Благодаря ночнику они были видны в темноте. Ее привлекли эти светлые пятна, и она проскользнула в одно из них.

– Но каким образом? На стене были шероховатости?

– К несчастью, это было легко, – объяснила мадам де Праз. – Стены замка обвиты столетним плющом. Стебли его толщиной с древесный ствол. Толстые ветви обрамляют окна; одна из таких ветвей находилась на расстоянии четверти метра от «сердечка». Змея могла обвиться частью туловища вокруг ветки и просунуть голову в отверстие...

– Ну а чтобы спуститься в комнату?..

– Скользнуть по ставне вниз, опереться о шпингалет окна, который я как раз закрыла перед сном, чтобы не скрипела рама; потом скользнуть на какой-нибудь соседний стул, с него на ковер и подползти к белой руке, которая, допустим, свесилась с постели...

– Да, – согласился Жан Морейль, – все это вполне логично. Но не было ли других отверстий, через которые змея могла бы проскользнуть?

– Никаких! – подтвердила Жильберта.

– Вентилятор?

– Нет!

– Какая-нибудь отдушина?

– Да, была, но с очень частой решеткой.

– Камин?

– Он был закрыт сверху донизу металлическим щитом.

– Крысиная нора где-нибудь?

– Нет, нет!

– А двери?

– Мама не была трусихой, – сказала Жильберта, – но, любя жить в нижней комнате, она в то же время желала чувствовать себя в безопасности; обе ее двери (одна наверх, другая в будуар) были снабжены задвижками. Конечно, дверь в будуар с тех пор, как я ночевала внизу, оставалась свободной. Между моей и маминой комнатой был только будуар. Ну а дверь наверх, которая тоже находилась недалеко от постели, была всегда на задвижке. Возле мамы лежал железный пруттик, которым она могла открывать дверь, не вставая с постели. Я даже сама задвинула задвижку перед сном и только утром откинула ее, когда бросилась за отцом. Значит, в эту ночь мама не позвала горничную и не отодвинула задвижку для того, чтобы она могла войти; и змея не могла воспользоваться ни этой дверью, ни щелкой какой-нибудь, так как дверь всю ночь оставалась закрытой.

– Но ведь змея могла вползти в комнату раньше, чем двери были заперты, – заметил Жан Морейль. – Она могла свернуться где-нибудь под кроватью...

– Это предположение тоже разбирали, – ответила мадам де Праз. – Но я и Жильберта ушли из комнаты в половине десятого, а привратник замка, делая свой обычный обход, видел змею в ящике в половине одиннадцатого.

– Откуда следует, – заметила Жильберта, – что змея могла выскользнуть из своей клетки между половиной одиннадцатого и часом ночи.

– Почему часом ночи? – спросил Жан Морейль.

– Потому, что как раз в это время мама просыпалась и звала горничную. А в эту ночь она этого не сделала, оттого что скончалась.

– Это только предположение. Для того чтобы выползти, мне кажется, змея не могла воспользоваться «сердечком».

– Вы правы. Все признали, что это если и не совсем невозможно, то маловероятно; а надо допустить, что убежала змея через ту или другую дверь в течение тех двух ужасных часов, которые протекли со времени нашего пробуждения до того момента, как мы бросились искать ее, то есть когда отец догадался, что это ее дело. Когда мы с тетей утром вошли в мамину комнату, змея, вероятно, находилась где-нибудь поблизости, прячась в каком-нибудь углу, под кроватью, за шкафом, что ли!.. Я до сих пор дрожу, когда вспоминаю об этом...

Где змея? Этот ужасный вопрос тяготел над нами, ввергал нас в отчаяние... Следующие за этим дни и ночи мы проделали все на свете, чтобы найти ее. Передвинули мебель, сняли деревянную обшивку со стен. Исследовали водопроводные трубы, печи, выкурили дымом калориферы, заложили цементом решительно все отверстия. Парк был осмотрен пядь за пядью, деревню и лес обошли во всех направлениях. И ничего не нашли! Но все это не имело смысла, потому что существуют дупла деревьев, трава – словом, тысячи мест, в которых пестрая змея может оставаться совершенно незаметной, в неподвижном состоянии, а движется она с такой быстротой, что всегда возьмет верх над вашей хитростью.

Мне не было еще тринадцати лет. Все это произвело на меня такое впечатление, что меня пришлось увезти. Люверси мне казалось адом. Я всюду видела змей... И теперь еще – вы сами в этом убедились...

* * *

Жан Морейль выслушал рассказ с самым учтивым вниманием и даже поборол ради него свою легендарную рассеянность.

Он спросил с видимым интересом:

– Ну а потом?

– Никто никогда не видел эту змею, – сказала Жильберта, – но что это доказывает? Ровно ничего! Они живут сто лет!.. Во всяком случае, в Люверси я не вернусь ни за какие сокровища!

– Как? Вы туда ни разу не ездили?

– Ни разу. Мне страшно. Для того чтобы я поехала, нужно, чтобы мне показали труп этой змеи! О, я ее узнаю! Еще одной такой не найти. Меня не обманули бы!.. И все-таки я очень жалею о Люверси... У меня остались о нем прелестные воспоминания, и грустные и веселые! Не могу вам выразить, Жан, как я люблю этот замок, этот парк! Когда я думаю о них, мне кажется, что там ждет меня старенький добрый дедушка. И меня это

очень мучает... Мне хотелось бы поехать обнять его... И... я не могу...

– Вы были бы рады, если бы кто-нибудь доставил вам эту змею живой или мертвой?

Жильберта грустно пожала плечами. Она не верила в это. Но, подняв глаза на Жана, она прочла в его взгляде такое горячее участие, что не могла удержаться и протянула ему обе руки...

Они переживали необыкновенную минуту счастья и совсем забыли о свидетельнице, которая кипела злобой, но внешне как будто даже покровительствовала этому любовному дуэту. Жан Морейль не удивился, когда она поторопилась прервать их идиллию, продолжая говорить о Люверси и змее.

– Дорогая девочка, – сказала она, делая доброе и умоляющее лицо, – ты должна сделать над собой усилие и побороть свое предубеждение. Уж давно пора. Вот уже пять лет, как змея не обнаружила нигде своего присутствия; значит, она издохла. Я лично думаю, что ее замуровали в одной из тех дыр, которые так старательно заливали бетоном. Теперь уже очевидно, что всякая опасность миновала. И если б ты мне поверила, мы, вместо того чтобы ездить в Довиль, как в прошлом году, или в Э-ле-Бен, отправились бы этим летом в Люверси...

Жильберта испуганно отмахнулась.

– Ни за что, тетя! И не думайте об этом!

– Уговорите ее, месье Жан. Она вас послушает, – прибегла к его помощи графиня. – Подумайте: ведь Люверси – волшебное место. На всей земле нет лучшего уголка!

– Я это очень хорошо знаю. Но что делать? Я там умру от страха!

Жан Морейль и графиня поглядели на девушку со снисходительной улыбкой.

– Не будем настаивать, не правда ли? – сказал Морейль.

«Черт возьми! – подумала мадам де Праз. – Они всегда будут во всем согласны!»

– И потом, как знать, – продолжал Жан Морейль, – вдруг вам кто-нибудь принесет эту змею живой или мертвой?..

И он задумался о чем-то, несмотря на присутствие Жильберты и ее тетки, которым показалось, что он мысленно отделился от них и унесся куда-то в те таинственные области, которые обозначают словом «небеса».

Однако в основе его мыслей была, по-видимому, какая-то забота. Складка на лбу выдавала внутреннюю тревогу...

– Спуститесь на землю! – резво воскликнула Жильберта.

Лицо Жана осветилось улыбкой, и он впервые перевел им свои мысли

в слова.

– Любопытная вещь! – сказал он. – Меня змеи никогда не пугали. Напротив. Я довольно долго жил в Индии, и меня больше всего интересовали укротители змей. Я с некоторыми из них даже подружился и, признаюсь, сам научился их искусству. Я свистел в индийскую дудочку и заставлял танцевать этих змей. Я даже достиг в этом деле довольно большого успеха.

– Неужели? – спросила изумленная Жильберта. – Ну вот: ваше бесстрашие и моя трусость будут компенсировать друг друга! Все к лучшему!.. Скажите, вы об этом думали?

– Нет... Я думал... не знаю о чем... по поводу змей... Не знаю, какое-то неясное, старое воспоминание, что ли, которое я не могу выловить из тумана забвения. Но это пустяки, это не имеет значения...

– Значит, – продолжала Жильберта, которая не в силах была оторваться от этой темы, – значит, можно научить змей танцевать!

– Да, при звуках свирели... Но перестанем о змеях! Не лучше ли для вас оставить этот разговор?..

– Нет, поговорим еще, поговорим!

– Вы бравируете своим страхом, потому что знаете, что нечего бояться...

– Значит, они танцуют?

– Они приподнимаются и покачиваются в такт. Можно также их подзывать, заставить приползти...

– О! Неужели кто-нибудь мог бы, находясь снаружи, вызвать к себе змею, вползшую в дом, или змею, внесенную в комнату?..

Жан Морейль побледнел, заметив волнение Жильберты.

– Неужели это возможно?! – воскликнула изумленная графиня.

– Очень возможно, – сказал Жан Морейль. – Жильберта, давайте займемся чем-нибудь другим...

Но девушка, в свою очередь, задумалась над чем-то. Лицо ее судорожно сжалось. Она наконец сказала, продолжая думать вслух:

– Нет, в эту ночь я услышала бы звуки свирели... Я ничего не слышала. Ничего!.. Нет, это невозможно! И кто же, в конце концов?.. Я ничего не слышала... Ничьих следов не обнаружили нигде...

– Это не имеет значения. Ты, надеюсь, помнишь, что в Люверси повсюду асфальт. Вокруг замка нигде нет ни гравия, ни песку; вот почему мы не нашли никаких следов и, что еще важнее, не нашли следов ползания...

– Почему вы считаете, что это еще важнее?

– Потому, дитя мое, что совершенно невероятно, чтобы какой-нибудь человек желал смерти твоей матери, между тем как роль змеи здесь неоспорима. Если же она не оставила следов на асфальте, то только потому, что на нем не остается следов...

– Верно, – сказали одновременно Жильберта и Жан.

– Ну, довольно об этом! – весело объявила мадам де Праз. – Жильберта, милочка, я думаю, что нам пора уходить. Ты совершенно оправилась?

– Мерси, тетя. Я могу идти.

– Мне хочется, – сказал Жан Морейль, – чтобы вы унесли какое-нибудь воспоминание о первом посещении вашего будущего дома. Не будем больше говорить об этой лампе. Но... выберите сами. Все, что здесь имеется, принадлежит вам.

Все трое стояли возле витрины. Жильберта подошла к ключам. Ее жесты и взгляды выражали шаловливое лукавство. И она сказала несколько мелодраматически, но с дрожанием в голосе:

– Нельзя ли, Жан, вместо всех этих ключей – ключ от вашего сердца...

– Вот он!

Он шутливо указал на огромный средневековый ключ.

– Не говорите глупостей! – воскликнула Жильберта, нежно ударив его по руке. – Это ключ от подземелий, наполненных золотом и драгоценностями. Тетя! Хорошо, что ключ от вашего шкафа не так громоздок! Представляете вы себе эту махину у вас на груди!

Мадам де Праз инстинктивно поднесла руку к указанному месту.

– Нет! – продолжала Жильберта, осматривая коллекцию и напевая что-то про себя, желая придать себе настроение, совершенно противоположное истинному. – Ключ от сердца Жана Морейля... Да ну же! Ключ... от сердца... Жана Морейля...

– Вот он! – сказал молодой человек. – Он сделан из всевозможных ключей. Возьмите его.

Он протянул ей маленькое старинное зеркальце, вырезанное каким-нибудь Бенвенуто и украшенное жемчужной каемочкой; потемневшее от времени стекло хранило в своей глубине улыбку Жильберты...

Глава VI. Тревога графини

Клуб этот был маленьким пышным, комфортабельным дворцом. Там царила обычная полугишина, поддерживаемая тяжелыми портьерами и пушистыми коврами, заглушающими звуки.

– Граф де Праз здесь? Я графиня де Праз.

И так как лакей в красных штанах и зеленом фраке выразил легкое сомнение, мадам де Праз сухо добавила:

– Я его мать...

Лакей вежливо поклонился.

– Я посмотрю, здесь ли господин граф.

Он проводил посетительницу в скромную, изящную приемную, носящую мрачную и холодную печать мест, обитаемых исключительно мужчинами.

Через несколько минут швейцар почтительнейше доложил мадам де Праз о том, что граф Лионель находится в зале для бокса и что он просит графиню пройти к нему.

Мадам де Праз последовала за швейцаром через целый лабиринт коридоров и наконец добралась до зала, обитого сверху донизу черным деревом. Под ногами был коричневый мягкий линолеум.

Лионель вышел из противоположной двери. Он был закутан в какой-то фантастически кричащий капот экзотического цвета. На шее было мохнатое полотенце. На босых ногах – легкие туфли с белыми шнурками. Растрепанные волосы и все лицо в красных пятнах свидетельствовали о какой-то серьезной «взбучке». На руке его была огромная перчатка. Он поспешно завязывал пояс на своем шуршащем кимоно.

– Пожалуйста, простите меня, маман, за то, что я принимаю вас здесь. Но, поверьте, ваш визит может изумить хоть кого! Я подумал, что вы хотите сообщить что-нибудь спешное... Что же случилось?

Они уселись в плетеные кресла и глядели друг на друга с минуту: он – как будто смеясь над всеми женщинами вообще и матерью в частности, но в то же время не скрывая любопытства, она – нерешительно и испуганно.

– Что же? – повторил Лионель. – Говорите же!

– Ты, может быть, найдешь, что это глупо... Мне казалось, что я должна предупредить тебя немедленно, не теряя ни минуты... А теперь мне кажется, что поддалась совершенно неосновательным страхам...

– Да скажите же, в чем дело, черт возьми?

– Ты ведь знаешь, что Жан Морейль пригласил к себе Жильберту и меня на чашку чаю. Я только что оттуда и отправила Жильберту одну в Нейли, чтобы сейчас же заехать к тебе. Я... я не знаю, как тебе объяснить, как точнее сказать... Представь себе... по поводу одной лампы заговорили о смерти твоей тетки... Ну, словом, мы с Жильбертой рассказали ему про ужасную ночь девятнадцатого августа и про все, что было потом... Я не могу тебе точно сказать, какая связь между теми замечаниями и наблюдениями, которые запали мне в голову. Но я твердо знаю, что постепенно мною овладела какая-то шальная мысль... Ну и вот я говорю и ничего не могу сказать... Слушай, Лионель, я тебе задам один вопрос, который тебе, конечно, покажется очень странным... Когда ты был в пансионе, ты никогда не был знаком с индусами? Ты никогда не вступал в какие-нибудь отношения с укротителями змей?

Ошеломленный неожиданным вопросом, Лионель расхохотался.

– Никогда! Да ведь вы бы знали об этом! Никогда в жизни, ни на минуту я не вступал ни в какие отношения с этими людьми! Но что все это значит?

– Это значит, что ты снял с моей души тяжесть, которая чуть не придавила меня.

– Каким образом?

– А таким, что если бы допрос установил противное тому, что ты утверждаешь, на тебя пало бы подозрение...

– В чем? – спросил заинтересованный Лионель.

– В том, что ты впустил змею в комнату тетки и вызвал ее или велел кому-нибудь вызвать ее оттуда после того, что случилось в запертой комнате.

Лионель мгновенно вспыхнул и перестал смеяться.

– Вы с ума сошли! Или я это слышу во сне? Кто мог бы меня обвинить или заподозрить?

– Возможно, что Жан Морейль. Вот почему, как только эта мысль у меня определилась, как только я почувствовала опасность, я поспешила тебя предупредить, чтобы ты знал, как ответить на вопросы, если бы это понадобилось.

– Допрашивать! Меня!

– Ну, конечно, нет. Но в интимной беседе можно многое выведать!.. Впрочем, откуда я знаю, что Жак Морейль собирается углубиться в эту трагедию в Люверси? Он только два раза спросил Жильберту: «Что, если вам доставят эту змею, живую или мертвую?»

– Ну и пусть ее ищет! Пусть найдет! Это и мое самое искреннее

желание. Я охотно ему помогу в этом при случае!

– И я, конечно! И от всей души!

– Но, бедная моя маман, что вас заставляет думать, что кто-нибудь будет копаться в этой истории, станет осложнять ее, искать в+ней преступника и к тому же еще обвинять меня?

– Все это, дитя мое, я отчего-то вдруг вбила себе в голову. Мать везде видит опасность... Я нахожусь под впечатлением таинственности, которой окружает себя Жан Морейль с его ключами и лампами... Эта таинственность теперь мне показалась совершенно иной: не такой, какую мы до сих пор предполагали. Я уже думала было, что я ошиблась, но теперь вижу, что нет... Когда он заговорил об укротителях змей сразу после того, как разбирали вопрос, замешан ли кто-нибудь в деле смерти твоей тетки...

– Кончайте, маман, вы меня интригуете. Почему вы колеблетесь?

– В первый раз со времени события я разобралась в следующем: если бы кого-нибудь стали обвинять в убийстве твоей тетки, то прежде всего подозрение пало бы на тебя, мой мальчик. На тебя, так как в то время ты уже был мужчиной. Естественно, что на тебя, тем более что после события прошло пять лет и ты не мог бы установить, что ты делал той ночью.

Лионель, с гневным презрением глядевший на мать, воскликнул:

– Но из каких же побуждений я стал бы это делать в вашей бессмысленной гипотезе?

– Из каких побуждений? Ты забыл о той злобной клевете, которой осыпали меня после смерти твоего дяди? Из каких побуждений? Да просто для того, чтобы сделать его вдовцом и дать возможность твоей матери выйти за миллионера Гюи Лавалья!

Молодой человек воздел руки к небу и снова громко расхохотался, и так откровенно, что его заразительный смех расшевелил бы кого угодно, только не графиню.

Она сказала:

– Тут совсем неважно, обоснованно ли это подозрение. Ты понимаешь ведь, что я за тебя совершенно спокойна: я не сомневаюсь в том, что змея сделала свое убийственное дело без чьей-либо помощи. Шум разбудил бы меня или Жильберту, которая не спала и лежала рядом со мной; она тотчас сказала мне, если бы что-нибудь услышала. Нет, об этом не может быть и речи. Дело только в том, чтобы вовремя отпарировать обвинение, которое мне сначала казалось вероятным и которое теперь мне кажется совершенно несостоятельным, потому что, слава богу...

– Я незнаком с раджами и не умею укрощать змей!.. Ха-ха-ха! Нечего сказать, и пришло же вам в голову!

Мадам де Праз пронизала взглядом сына и вдруг залюбовалась им. Выражение материнской гордости разлилось по ее тусклому лицу. Она припала головой к груди Лионеля.

– Что делать! – сказала она робким голосом. – Я вдруг перепугалась... Я так люблю тебя, мой мальчик!

– Вы сегодня женщина с ног до головы... У вас какие-то страхи! Вы нервничаете, возбуждены... Держу пари, что вы хотите мне рассказать еще кое-что!.. Ну говорите же!

– Ты не рассердишься?

Она робко улыбнулась, и он увидел в ее туманных глазах все обожание, всю снисходительность любящей матери. Лионель нахмурил брови и сделал недоверчивую мину.

– Ты в последний раз сказал мне одну ужасную вещь по поводу Жильберты... Помнишь? Утром, у тебя в комнате... Ты намекнул на грипп, который был у нее в прошлом году и чуть-чуть не оказался для нее смертельным...

– Признаюсь, не помню...

– Конечно, вот это-то меня и пугает! Ты не отдаешь себе отчета в том, какие чудовищные вещи ты говоришь. Я твоя мать и знаю, что за этим ничего нет. Но люди судят о нас по нашим словам столько же, сколько по делам. Предположи, что тебя обвинили в каком-нибудь преступлении, – как ты пожалеешь об этих невольно и так легкомысленно сорвавшихся с твоих уст словах, в которых ты сам себя рисуешь в таких ужасных красках!

– Напомните, что я вам тогда сказал...

– Ты мне сказал, что, если бы Жильберта умерла, я получила бы ее наследство и в общем все вышло бы к лучшему Ты, конечно, не думаешь этого. Зачем же говорить? Если ты при других обстоятельствах скажешь что-нибудь подобное, люди создадут о тебе ложное представление – понимаешь?

Они стояли друг против друга, и Лионель пристально вглядывался в настойчивый и умоляющий взгляд матери, в котором горела вся ее душа, пылкая, беспокойная и решительная.

Лионель, против своего обыкновения, сказал не слишком резко:

– Да, маман, в этом вы правы. Я буду следить за собой... Прошу вас верить мне, и, клянусь вам честью, мой... цинизм только на словах. Я не могу себя упрекнуть ни в каких таких действиях...

– Я это знаю, Лионель! – порывисто бросилась к нему графиня.

– Да, конечно, вы мне это уже сказали. Но с женщинами никогда нельзя быть уверенным... Ни в чем не могу себя упрекнуть, повторяю!

Пока ни в чем. Может быть, и никогда ни в чем! Это зависит...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Между нами... я с вами сейчас говорю как с самим собой... я во что бы то ни стало хочу получить Жильберту и ее состояние, вернее, получить миллионы Лавалей вместе с дочерью или без нее!..

Мадам де Праз беспокойно зашептала:

– Ловкость и интрига, больше ничего не надо. Позволь мне руководить тобой. Следуй только моим советам!

– Я им следую.

– Наблюдение за Жаном Морейлем по ночам?

– Мы с Обри уже условились. С сегодняшнего вечера начнем.

– Дай Бог счастья... Но следи и за самим собой. Обещаешь?

– До свидания! – сказал Лионель, не возвращая матери ее долгого поцелуя. – А вы следите за своими нервами! Вы меня расстраиваете своими индусскими историями!

Мадам де Праз обернулась на пороге. Бледная умоляющая улыбка показалась на ее губах. Лионель с недоумением поднял кверху свои атлетические плечи, задрапированные кимоно.

Глава VII. Тайна

Месяцем раньше было бы очень трудно вести наблюдение за домом Жана Морейля, но в конце апреля деревья, окаймлявшие некогда триумфальный путь и только что одевшиеся богатой листвой, значительно облегчили это дело.

Обри наметил зеленую чащу, расположенную как раз против калитки особняка. Лионель должен был присоединиться к нему в десять часов вечера, чтобы им вместе начать работу на этом естественном наблюдательном посту.

Им не стоило никакого труда проскользнуть туда незаметным образом. Несмотря на то что было светло от электрических фонарей, безлюдность этих мест упрощала операцию.

– Что за поганое занятие! – проворчал Лионель.

Обри приложил палец к губам, и они приступили к делу.

В трехэтажном особняке было тихо, все окна тонули во мраке, за исключением двух, выходящих не на улицу, а в сад. За решеткой виднелись деревья, поднимающие к небу свои широкие ветви. Узкие полоски света прорезывали тень, отбрасываемую фасадом, и свидетельствовали о том, что одна из комнат, защищенная ставнями, освещена.

Это был кабинет Жана Морейля. Лионель и Обри знали это, но не это интересовало их. Они собирались выследить не Жана Морейля, а ту особу, которая, по их предположениям, пользуется ночным временем, чтобы проникнуть в особняк с согласия молодого человека, несмотря на то что он был уже женихом Жиль-берты.

Лионель следил глазами за редкими прохожими, но ему становилось невтерпеж, и он время от времени прогуливался взад и вперед и высмеивал и осуждал выдумку матери. Теперь, находясь за этой завесой из листвы, перед мирным и немым отелом, перед этими освещенными окнами, говорившими об усидчивом труде, он более чем когда-либо сознавал, что подозрения мадам де Праз – плод ее воображения. Разве не смешно торчать здесь и шпионить в компании с привратником, имея целью поймать кого-то, кто, конечно, не придет и даже вовсе не существует?

Лионель чувствовал, что его скверное настроение постепенно переходит в ярость.

«Ну один раз – куда ни шло, – думал он, – но больше меня сюда не

заманят!»

Время шло. Было так тихо, что слышалось, как в доме часы отбивают каждую четверть.

Пробило одиннадцать.

– Только! – прошептал Лионель, зевая.

Почти уже не видно было прохожих. Экипажи появлялись изредка и направлялись только в сторону Парижа. Кругом шмыгали кошки, то неслышно, как привидения, то надрываясь от плача, как дети. Лионель выходил из себя от злости и скуки. Наконец он улегся на земле, желая вздремнуть. Вдруг Обри тронул его за плечо и сделал знак. Однако никого не видно было ни с одной стороны, ни с другой.

– Что? – прошептал Лионель.

Он увидел, что Обри высунул голову и слушает.

Он тоже прислушался.

Часы пробили половину. Где-то протяжно замыкал кот.

Бесшумно и медленно приотворилась калитка, и появился человек, мелькнув точно безмолвная тень на стене. Он осторожно прикрыл калитку с очевидной целью заглушить малейший шум. В руках у него был ключ или отмычка, которую он, подозрительно оглядываясь, положил в карман. Он бросил вокруг себя быстрый взгляд и, почти задев плечом стены, неслышными шагами направился вдоль по улице.

Лионель и Обри свободно могли разглядеть его фигуру. Фуражка была надвинута на самые глаза. Воротник пиджака поднят. Лицо тонуло во мраке. Он шел, шлепая ногами, высоко подняв плечи, прижав глубоко засунутые в карманы руки к бокам; ноги были одеты в парусиновые туфли. У него были спокойные и хищные движения ночной кошки. Можно было отгадать в нем человека, который умеет ходить крадучись, вдруг одним прыжком бросаться в бегство и мгновенно исчезать, смешиваясь с тьмой, как бы чудом каким-то сливаясь с окружающей обстановкой или с тенями ночи.

Можно было с уверенностью сказать, что это какая-то темная личность, относящаяся к служащим этого дома. Все в его походке, в одежде подтверждало это. Обри и Лионелю пришла в голову одна и та же мысль: этот апаш совершил кражу в доме Жана Морейля!

Лионель не знал, что делать, и спрашивал себя, надо ли дать мошеннику уйти безнаказанно, как вдруг заметил, что походка, фигура или какая-то другая характерная особенность в этом человеке были ему знакомы. Тогда без всякого перехода он подумал, что воображаемый грабитель – просто тайный агент на жалованье у Жана Морейля, которых

нанимают среди подонков для секретных надобностей. Отчего бы Морейлю не иметь своего Обри?

В этот момент Обри приблизил свои уста к благородному уху графа и шепнул:

– Надо последить за этим типом, граф. Я это сделаю. Оставайтесь здесь и наблюдайте за домом. Я скоро вернусь и все расскажу.

– Ступайте! – сказал Лионель.

Человек, дойдя до угла, пересек пустынную аллею, направляясь дальше. Обри потонул в тени деревьев. Лионель потерял его было из виду, но затем увидел снова – Обри переходил широкую мостовую.

Весь квартал был погружен в глубокий покой. Окна кабинета освещали листву деревьев мягким, мирным светом. Лионель сравнил в уме свое положение с положением Жана Морейля, который, удобно рассевшись в кресле, обложенный со всех сторон книгами, являл собой фигуру английского денди. Он досадливо махнул рукой и вдруг испугался, увидев горящие в темноте глаза присевшего существа великолепной кошачьей породы.

После получасового ожидания Лионель по шороху в траве почувствовал, что к нему кто-то осторожно приближается.

Это был Обри.

– Сорвалось! – сказал он. – Я потерял его из виду. По той стороне аллеи уже никого не видать. Я шел наугад... Досадно.

– Как вы думаете, кто это? – прошептал Лионель. – Вор или...

– Кто знает, может быть, и убийца. Уж очень у него подозрительный вид, черт возьми!

Лионель молчал. Его охватила какая-то тревога. Но из самолюбия он предпочел о ней не говорить. У этого скрывшегося только что вора не было с собой никакого узла, никакой ноши. Если он что-нибудь и украл, то, во всяком случае, нечто такое, что легко было скрыть. Ведь кредитные бумаги или драгоценности занимают очень мало места, и можно совершенно незаметно для других иметь на себе сотни тысяч франков... Украл этот человек или нет, это не должно иметь ничего общего с тем, что произошло в особняке, пока он, Лионель, оставался здесь, против калитки. Если на следующее утро в доме найдут труп Жана Морейля, если в настоящую минуту он вместо того, чтобы комфортабельно сидеть за письменным столом, валяется где-нибудь на полу, убитый неизвестным злоумышленником, – какая невероятная опасность для Лионеля де Праза в одном том, что он простоял целые часы перед особняком, спрятавшись в кусты и как бы выжидая момента, чтобы попасть в дом! Мягкая земля,

лишенная травы, выдаст его присутствие. И как легко будет отгадать следы от его подошв, отпечатавшиеся здесь, под деревьями!

– Надо убираться отсюда, – решил он.

Нащупав карманы, он убедился в том, что не выронил из них ничего такого, что может помочь сыщикам напасть на след, и решил хорошенько утоптать это место, раньше чем уйдет.

Время шло, отмеряемое глухим звоном часов. Против ожидания никто не явился нарушить трудолюбивое бдение Жана Морейля.

В четыре часа ночи окоченевшие и унылые Лионель и Обри собрались было снять осаду, когда вдруг услышали собачий лай, который несколько минут настойчиво и гневно приближался к ним, потом резко оборвался.

– Подождем немного, – посоветовал Обри.

Они подождали и вскоре различили тень, движущуюся вдоль зданий. Свет фонарей позволил им узнать в этой тени бродягу, вышедшего из особняка в половине одиннадцатого.

– Вот так штука! – процедил сквозь зубы Обри.

Человек шел прямо на них. Доверчивый к этому часу ночи, когда весь Париж уже спит, он не прятал больше лица в воротник пиджака. Он приближался с каждым шагом, храня в походке какую-то особую, нахальную грацию.

Две пары уставившихся на него сквозь листву глаз подстерегали тот момент, когда можно будет отчетливо видеть его черты... Это мгновение наступило... К величайшему своему изумлению, Лионель и Обри узнали это лицо, но не узнавали его выражения.

Это был Жан Морейль, в чем нельзя было сомневаться, но Жан Морейль с бегаящими глазами и испитым лицом, Жан Морейль, которого неведомый внутренний огонь освещал каким-то ложным светом.

Лионель схватил Обри за руку.

Они видели, как этот странный человек украдкой вошел в дом, бесшумно открыл дверь, осторожно переступил порог и исчез...

– Вот тебе и раз! – воскликнул Обри.

Во всяком случае, окна наверху все еще светлыми стрелами прорезывали темноту ночи. Одно из этих окон открылось, щелкнули ставни, и на каменном балконе появился апаш с папироской в зубах. Он появился только на мгновение и вернулся назад в дом, снимая с себя по дороге пиджак.

Потом вышел снова, все еще продолжая курить, но одетый в более изящное домашнее платье, облегающее его стройную фигуру. Он прислонился к откинутой ставне и загляделся на звезды, держа папиросу с

изящной манерой клубмена. В тонком его профиле, который выделялся в полосе теплого света, не осталось и следа от прежнего неприятного выражения. Жан Морейль снова сделался самим собой.

Он ушел. Свет погас. Граф де Праз и его сообщник вышли из своего убежища. Когда они очутились на некотором расстоянии от дома Жана Морейля, Обри, все еще ошеломленный тем, что видел, спросил:

– Что все это значит, господин граф?

– Все очень просто, – ответил Лионель с отвратительной, торжествующей улыбкой.

– Просто?

– Ну да, просто и объяснимо! Это называется раздвоением личности!

– Ах, вот что! – протянул Обри.

Глава VIII. Альбом

Чуть брезжил рассвет, первые воробьи шумно приветствовали друг друга, когда Лионель де Праз вернулся домой.

В общем, это для него было вполне обычно. И если бы его кузине Жильберте, случайно проснувшейся на заре, пришлось в голову высунуться в окно для того, чтобы насладиться красотой рождающегося дня, она не нашла бы ничего подозрительного в том, что молодой кутила окончил свой день, когда другие его только начинают.

Однако ее удивило бы, что вместо того, чтобы направиться в буфетную и выпить там прохладительную и пенистую смесь, Лионель прошел прямо в библиотеку, порылся в каталоге и снял с полки несколько книг в суровых переплетах. Он спрятал их под полый своего пальто, как будто стесняясь своей благородной ноши, и с необычайными предосторожностями поднялся к себе в комнату.

Мадам де Праз услышала его шаги. У нее был тонкий слух и чуткий сон, и притом еще, хоть она и спала прекрасно, ей не давала покоя мысль о Лионеле и Обри, стерегущих особняк Жана Морейля. Что они делали? Что узнали? Может быть, ничего... Эта мысль тревожила ее сквозь сон, точно глухое тиканье будильника.

В ранний час, когда вернулся Лионель, несущий с собой надежду или разочарование, будильник шумно зазвенел. Мадам де Праз охватило сильное желание вскочить с постели, накинуть пеньюар, бесшумно открыть дверь... Да, дверь мешала ей удовлетворить любопытство. Мадам де Праз чувствовала себя неловкой в роли следователя. Замок мог щелкнуть, петли заскрипеть, дерево – издать треск. Эти несносные звуки резко раздадутся в утренней тишине сонного дома и разбудят племянницу, спящую поблизости. А мадам де Праз так же, как и Лионель, понимала, что не следует делать ничего такого, что может возбудить в Жильберте недоверие к ним. Наоборот, надо стараться поддерживать во всем обычный порядок. Какая-нибудь неосторожность могла все погубить: Жильберта была из тех своенравных девушек, которые могут выйти за человека из-за того только, что семья этому противодействует; мадам де Праз не строила на этот счет иллюзий. Для того чтобы разбить надежды Жана Морейля, надо зародить желанное решение в самом сердце Жильберты. Необходимо, чтобы она до самого конца чувствовала себя независимой и свободной в своих действиях. Если не удастся представить ей факт, который вызвал бы

в ней полный переверот, нечего и думать повлиять на нее. Нет, нет! Полная осторожность во всем! Никаких хождений к Лионелю в необычное время! Никаких подозрительных звуков при первых проблесках зари!

Впрочем, мадам де Праз вспомнила довольно кстати, что Жильберта должна рано проснуться, чтобы ровно в девять отправиться на прогулку верхом. Так она условилась с Жаном Морейлем накануне. У него имелась восхитительная ирландская лошадь, умная, хорошо обьезженная, – идеальная лошадь для молодой девушки. В девять утра он должен привести лошадь Жильберте, и они отправятся в Булонский лес до завтрака. Во время этой сентиментальной прогулки мадам де Праз и Лионель успеют наговориться.

Обдумывая таким образом и перебирая в своей седой голове всевозможные предположения и козни, мадам де Праз дождалась обычного часа. Наслаждаясь тем сопротивлением, которое она оказала своему жадному любопытству, эта женщина, так хорошо владеющая собой, заставила себя с особой тщательностью проделать свой утренний туалет.

Когда она входила в свой кабинет, у ворот дома послышался конский топот. Сторож широко раскрыл ворота, и Жан Морейль въехал во двор верхом. С ним был мальчик, ведший под уздцы лошадь для Жильберты. Жан Морейль спрыгнул с седла и направился к двери.

– Который час? – прошептала мадам де Праз. – Половина девятого...

Жан Морейль остановился, когда Жильберта весело окликнула его из окна первого этажа:

– Вы поторопились!

– Простите. Лошади были готовы, и я тоже. Мне было скучно.

– Чудесно! Я даже рада, знаете? Вы хорошо выспались?

– Великолепно.

– Подождите меня в гостиной. Согласны? Я скоро! Через двадцать минут я буду готова!

Мадам де Праз приготовилась уже выйти в гостиную, чтобы принять Жана Морейля, как вдруг перед ней очутился Лионель.

– Подождите! – прошептал он. – Я видел, как приехал Морейль, поэтому поскорей спустился, чтобы вам сказать... Есть новости. Но я хотел бы еще удостовериться. Словом, я предпочитаю, чтобы вы были в курсе того, что я знаю, что я видел. Это только начало, но оно много обещает...

Мадам де Праз прошептала:

– Скорее!

Это замечательно, слышите! – сказал Лионель, смеясь отвратительным смехом. – Замечательно!

Мадам де Праз смотрела на него не мигая, наперед предвкушая наслаждение.

– Знаете ли вы, что такое раздвоение личности? – продолжал Лионель, издеваясь. – Что такое переменное сознание?

На лице мадам де Праз выразилось радостное изумление.

– Не может быть! – неистово обрадовалась она. – Жан Морейль?..

– Как я вам доложил, маман!.. Значит, вам известно, что это такое?

– Я видела на сцене «Прокурора Галлерса»...

– Я тоже. Вот это-то мне все и объяснило. Только не будем слишком увлекаться. Когда я вам все расскажу, вы увидите, что у нас еще много работы. Я догадываюсь, я чувую тайну, которую мы, конечно, используем. Но сейчас я знаю только одно: этой ночью Жан Морейль вышел из своего дома под видом какой-то темной личности и отсутствовал несколько часов.

– Небо, благослови нас! – дрожащим голосом прошептала графиня.

– Я хотел вас предупредить сейчас же, прежде чем вы увидите Морейля.

– Ты очень хорошо сделал.

– А теперь пойдите к нему. Как только он уедет, мы продолжим наш разговор. Я не покажусь. Но мне хотелось бы видеть его физиономию после того, что произошло сегодня ночью. Какую мину он скорчит?.. Позвольте!.. Ведь я могу видеть его через стеклянную дверь, а сам останусь незамеченным...

– Интересное испытание. Попробуем! – сказала графиня.

Особняк был построен давно, в эпоху Второй империи, когда архитекторы считали еще вполне возможным оставлять в доме темные коридоры. Один такой коридор шел вдоль гостиной. Чтобы осветить его, Гюи Лаваль прибегнул к единственно возможному средству – стеклянным дверям. Это было не очень удачное решение, так как мелкие стеклянные рамы, выходявшие во мрак коридора, не представляли собой ничего приятного для того, кто находился в гостиной, хотя хозяева и старались замаскировать их высокими растениями.

Темный коридор, устланный мягким ковром, облегчал дело нескромному наблюдателю. Мадам де Праз и ее сын шли неслышными шагами. Они видели все, что происходило в гостиной, через стекло, замаскированное листьями пальм.

Жан Морейль сидел возле окна. Он взял со стола альбом с фотографиями и медленно перелистывал его. Он выглядел совершенно отдохнувшим. Свежий цвет лица, ясные глаза говорили о здоровье спортсмена, только что проснувшегося от десятичасового сна без

сновидений. Ярко освещенный лучами раннего солнца, тонкий и грациозный в своем костюме для верховой езды, Жан Морейль как будто позировал художнику, чувствовалось, что этот молодой человек одарен врожденным изяществом. Даже если бы он очутился в самой убогой обстановке, он все равно был бы таким же... И все-таки!

Лионель вспомнил виденного ночью апаша: как непохож он был на этого молодого человека, этого двуликого Януса, который обратил к нему свой светлый лик после того, как показал уже прежде темный. Им овладело странное оцепенение, которое он испытал уже однажды в ту ночь, когда Жан Морейль появился на балконе своего кабинета. Но после этого Лионель успел порыться в книгах. Теперь он знал тайну этого человека, знал, какое чудовищное психологическое явление заключает в себе раздвоение личности. И, не умея черпать душевного спокойствия в ученых трудах, он вынес из них только еще более сильное недоумение и недовольство. Он сомневался в своих чувствах, в памяти, в разуме...

Мадам де Праз, которая не имела таких причин изумляться – ее глаза ведь не видели того, что видел сын, – первая заметила какую-то особенность в Жане Морейле. Он разглядывал фотографии не так, как это делает всякий праздный человек, желающий сократить время ожидания. Он рассматривал их тщательно, одну за другой. И чем дальше, тем больше на его лице отражалось удовлетворение. В нем происходила какая-то внутренняя работа. Брови были нахмурены, губы сжаты. Все в нем обнаруживало беспокойного мыслителя, который из глубины сознания стремится вызвать какое-нибудь беглое воспоминание или ускользающее от него объяснение.

Он закрыл альбом, положил его на стол и медленно зашагал по комнате, все еще погруженный в глубокое размышление. Наконец, как бы прогнав жестом надоевшую ему мысль, он снова уселся в кресло, равнодушно постукивая ручкой хлыста по башмакам. Мадам де Праз решила, что можно войти. И она вошла, а Лионель убрался восвояси.

* * *

Мадам де Праз не любила бесцельных речей, Жан Морейль легко мог убедиться в том, что графиня хочет воспользоваться тем, что они одни.

– Я очень рада поговорить с вами в отсутствие Жильберты, – сказала она после нескольких банальных фраз. – Прошу вас, постарайтесь уговорить ее вернуться в Люверси! Помогите мне, ведь вы имеете на нее

такое влияние! Помогите мне победить это болезненное предубеждение... Ведь в этом нет здравого смысла!

– Я вполне согласен с вами, графиня. Но дайте мне время. Я не думаю, чтобы такого рода странности могли исчезнуть так быстро. По моему мнению, это дело требует терпения. Я за это возьмусь с удовольствием...

– Если бы вы знали, что такое Люверси, я уверена, что ваше красноречие сделалось бы еще убедительнее. Как досадно слоняться по разным гостиницам, когда можно наслаждаться очаровательной, приятной жизнью в этой усадьбе. Вам хотелось бы увидеть ее? Лионель поехал бы с вами туда очень охотно...

Возможно, что у мадам де Праз была какая-нибудь задняя мысль. Но Жан Морейль как будто не подозревал о ней. Он вежливо ответил:

– Когда вам будет угодно, графиня.

– Тем более, – с улыбкой сказала мадам де Праз, – мне показалось вчера, что вы были бы счастливы, если бы вам удалось отыскать змею...

– Нет, – сказал он. – Я думал об этой истории после того, как расстался с вами. От всей этой трагедии, по моему мнению, остался один ребяческий страх в душе молодой девушки. Этот страх рассеется со временем, если мы все поможем ей. Я, впрочем, полагаю, что змея давно покинула этот бранный мир, поэтому поиски не только будут тщетны, но даже повредят делу. Мадемуазель Жильберта увидит в этом только подтверждение своим безумным страхам. Если она должна будет смотреть на мою поездку в Люверси как на нечто вроде следствия или розысков, мне кажется, лучше будет от этого совсем воздержаться.

– Но без ее ведома...

– Простите меня, но я не желаю от нее скрывать что бы то ни было. Кроме того, если она узнает об этом, если вообразит, что я без ее ведома роюсь в лесах Люверси, какой от этого получится позорный эффект! Она еще больше укрепит в своем мнении, что змея еще существует!.. Нет, оставим этот проект, графиня, хотя бы пока...

На лице графини выразилось удивление. Но, когда появилась Жильберта, в ботинках, в шпорах и солидной мужской шляпе, мадам де Праз заявила, что во всем с ним согласна.

Несколько минут спустя, когда всадники уже выехали из ворот, мадам де Праз, подойдя к столу, взяла в руки альбом, который Жан Морейль рассматривал с таким увлечением... В альбоме были все снимки, сделанные в разное время с мадам Лаваль. Их было множество. Вот она одна, вот среди друзей. На одной из фотографий она была изображена играющей в гольф, на другой – верхом на своем любимом пони. Снимки

напоминали о путешествиях, маскарадах, балах – печальная и драгоценная коллекция, отражающая всю жизнь этой очаровательной женщины. Альпинистка, охотница, шофер, коломбина на карнавале, королева в комедии, белоснежная новобрачная под руку с мужем в строгом фраке, мать, баюкающая маленькую Жильберту, красавица, улыбающаяся из-под кокетливой шляпки... Альбом хранил изображения мадам Лаваль, увековеченной в самых красивейших позах.

Неужели этот альбом так взволновал Жана Морейля? Графиня старалась вспомнить выражение его лица. Ей показалось, что Жан Морейль имел вид человека, тщетно старающегося вспомнить, где и при каких обстоятельствах видел он особу, портреты которой были перед его глазами.

При всяких других обстоятельствах такое предположение (ведь это было всего только предположение) не произвело бы впечатления на мадам де Праз. Но, зная о том раздвоении, которое претерпевает личность Жана Морейля, она отнеслась к этому совершенно иначе. В высшей степени заинтересованная, она загорелась острым желанием узнать об этом еще больше и почувствовала явное удовлетворение, когда увидела, что сын входит в гостиную.

– Знаешь, что он только что рассматривал? – сказала она ему. – Фотографии твоей тетки!

Лионель, не успев еще войти, остановился как вкопанный, устремив на мать пронизывающий взгляд.

– Поговорим, – сказала она. – Разберемся в наших делах... Расскажи подробнее, что вы с Обри видели сегодня ночью.

Он рассказал и добавил:

– Наша библиотека не слишком богата медицинскими книгами; однако я нашел несколько сочинений, которые меня в достаточной мере просветили насчет того, что такое раздвоение личности. Бывает, что человек раздваивается, то есть он поочередно представляет собой два совершенно разных существа, даже часто совершенно противоположных, которые не знают друг друга и не имеют между собой никакой связи. Бывает, что второе существо лишь очень редко появляется в жизни первого существа. Появляется периодически, в определенные дни и часы и точно так же исчезает. Эта вторая личность может существовать только несколько мгновений. И, наоборот, может получить большое значение, захватить четверть или половину жизни «субъекта». Наконец, в книгах приводятся случаи, когда вторая личность кончает тем, что убивает первоначальную, и, таким образом, это второе ее состояние постепенно превращается в новую индивидуальность, душа которой несколько не похожа на душу первой.

– Ты мне не рассказал ничего нового. В общем, это истинная история банкира Вильямса и выдуманная соответственно научным данным история «Прокурора Галлерса». Первый из них сделался совершенно другим человеком. Второй, вымышленный драматургом Линдау соответственно научным наблюдениям, был вором ночью и чиновником днем.

– Совершенно верно. Тэн, Азам, Диафай, Рибо согласны между собой во всех пунктах. Если хотите, я прочту вам их сочинения или статьи. Вы найдете там сотни примеров «раздвоенного сознания», аналогичного случаю Вильямса или Галлерса. Это, собственно говоря, болезнь личности.

Мадам де Праз о чем-то задумалась.

– Ты говоришь, обе эти личности не знают одна другую? Их память, следовательно, остается разобщенной? Значит, воспоминания человека номер один не похожи на воспоминания человека номер два?

– Таково правило, хотя и подозревают, что между той и другой памятью имеется связь, дающая место смутным воспоминаниям.

– Ага! – сказала графиня, бросив взгляд на альбом.

Лицо ее потемнело.

– Все это, – сказала она, – очень интересно. Но у нас одни только предположения. Ты видел, что Жан Морейль вышел из дома и вошел в него в образе ночного бродяги? Хорошо. Откуда ты знаешь, что здесь раздвоение личности? Он просто переоделся.

– Во всяком случае, он это сделал с подозрительной целью. Но оставим эту мысль, маман. Достаточно было заметить его походку и в особенности лицо, чтобы убедиться, что это не переодевание, это невероятное чудо, это перевоплощение можно объяснить только патологически.

– Ладно, пусть так. Значит, случай сделал вас свидетелями исключительного явления, которое, может быть, никогда больше не повторится.

– Да, вот это вопрос! И мы это скоро узнаем. Теперь вы понимаете, что мы будем за ним наблюдать каждую ночь неотступно...

Мадам де Праз снова задумалась.

– Болезнь... – произнесла она, размышляя. – Душевная болезнь... Но знаешь ли ты, что этого мало для того, чтобы Жильберта отвернулась от этого человека? Она добрая! Она начнет говорить о заботах, о лечении, исцелении...

– Пф! Зависит, как изобразить дело. Не так легко выйти за вора и – кто знает? – может быть, и за убийцу!.. И если вор или убийца действует под влиянием душевного расстройства, его держат в заключении. За

сумасшедшего не выходят замуж! Можно его любить, заботиться о нем, но выходить за него замуж – нет!

– Там видно будет, – продолжала мадам де Праз. – Пока что давайте наблюдать за ним, лучшего мы ничего не можем сделать. Поживем – увидим! Но нельзя ни в чем быть уверенным. Лучше, как говорят, иметь в запасе две веревочки. У меня есть проект, который зреет в моей голове уже два-три дня. Только что, во время короткого разговора с Жаном Морейлем, я старалась держаться определенной линии. И будет осторожнее с моей стороны, если я буду и дальше ее держаться. В случае, если твое открытие не скоро приведет к цели, я буду рада, что у меня есть наготове другой проект нападения.

– Какой?

– Не суйся в мои мелкие комбинации. У тебя достаточно дела со слезкой. Кроме того, это – женская выдумка. Выдумка матери... Дай мне самой это закончить.

Лионель глядел на нее, невольно любуясь ею. «Все та же», – как будто думал он.

– Согласись с тем, что я не ошибалась, – сказала она. – В жизни Жана Морейля есть тайна. Его задумчивость, рассеянность, полеты вдаль... Вот видишь!..

– Да. Должно быть, в эти минуты его смутно волнует «другая личность», апаш... Поэтому я уверен, что события этой ночи должны еще повториться. Тем не менее, – воскликнул вдруг Лионель, – это ужасно! Тайна! Иметь тайну в жизни, единственную тайну, которую не можешь разгадать! Эти лампы, ключи, эта жажда все знать, всему учиться, разве все это не кажется вам до невозможности комичным?

Глава IX. Мадемуазель Ява

Нужно ли говорить о том, что Жильберта Лаваль ездила верхом совершенно как мальчишка? Одна нога тут, другая там. То, что о ней уже известно, достаточно ее рисует. Она была из тех современных наездниц, к которым больше не подходит устаревшее слово «амазонка» и которые отсылают в самое далекое прошлое седло с крючками, длинную юбку и цилиндр.

Возможно, что Жан Морейль, как денди, и жалел об этом в душе. Но, сам будучи прекрасным наездником, он ценил изящную и уверенную езду молодой девушки, умевшей владеть своими движениями. Лошадь шла под ней грациозным, спокойным и размеренным шагом.

Препятствия возле тира для голубей они проехали держась очень близко друг к другу. Жан Морейль предложил поехать в Арменонвиль, чтобы там чего-нибудь выпить.

Лошади были уже в поту. Весенний день походил, скорее, на июльский. Жан Морейль и Жильберта ехали шагом по тенистой дороге. Они уже успели объехать лес во всех направлениях.

– Итак, – сказал он, – второго июня, через месяц! Что может нам помешать? Раньше, мне кажется, не удастся повенчаться из-за разных формальностей...

– Значит, решено? Второго июня?

– По рукам! – сказал он, протягивая руку в перчатке. Пришпоренные лошади пошли рядом. Всадники глядели друг на друга счастливыми глазами. Потом с сожалением расцепили руки, давая дорогу маленькой кавалькаде молодежи, промчавшейся мимо галопом и оглушившей их шумным смехом, криками и скрипом седел.

– Куда мы поедem... после? – спросила Жильберта.

– После второго июня?.. Хотите в Люверси?

– Вы шутите...

– Конечно, шучу, хотя будущее полно неизвестности...

– Странно, что вы подумали о Люверси, Жан. Когда я была маленькой, я любила мечтать о том, как я буду там счастлива с вами!

– Со мной?

– Да. Вы, конечно, в моих мечтах были... как вам сказать... белым юношей... белым, как белая страница... И вот вы пришли, и на странице появился портрет. В Люверси есть скамья, старая каменная скамья...

Сколько раз я сидела на ней рядом с вашим призраком!.. Как глупо, что нельзя этого осуществить!..

– Зависит только от вас.

Жильберта гримаской выразила свое сомнение.

– А между тем я вовсе не трусиха, – сказала она. – Это не страх... Это гораздо хуже. Этому противится все мое существо. Просить меня, чтобы я вернулась в Люверси, все равно что просить меня броситься в огонь или воду. Даже если бы вы меня об этом просили...

– Я не прошу, – ответил Жан. – Не дальше как сегодня мадам де Праз пробовала убедить меня, чтобы я заставил вас побороть ваше предубеждение. Я отказался. Напротив, я полагаю, что вы не должны насиловать свою природу.

– Мою природу... признаюсь, у меня какая-то глупая природа. Ведь змея эта, наверно, давно издохла! Мой разум кричит мне об этом. А нервы сильнее разума!.. Не правда ли, ведь она издохла?

– Я в этом убежден. Даже уверен.

– О, уверены!..

– Да, да, уверен. Так же уверен, как если б видел ее мертвой своими собственными глазами.

– Вы заинтриговали меня.

– Я не могу объяснить все это. Это, должно быть, интуиция...

– В таком случае отчего вы не настаиваете на том, чтобы и я разделила эту уверенность?

– Потому, что еще есть время. Потому, что первые аффекты, – а это, несомненно, аффект, – излечиваются весьма медленно, и я боюсь вам надоедать, иначе задержу ваше исцеление, которое медленно, но верно в вас происходит. Вот почему я никогда не буду торопить вас вернуться в Люверси. Я даже попрошу вас не думать об этом.

– Я вас не понимаю...

– Мне кажется, что так разумнее! Бывают такие склонности, привычки, странности, на которые надо нападать не с фронта, а с тыла, делая вид, что их не замечаешь...

– В сущности, – сказала Жильберта с некоторым удивлением, – теперь вы удерживаете меня от посещения Люверси! Это совершенно для меня неожиданно!

Впоследствии Жильберта не раз вспоминала о впечатлении, которое произвел на нее этот разговор. В тот момент он оставил в ней какое-то неясное, слишком беглое и бледное ощущение. Но позднее ей пришлось сознаться, что Жан Морейль показался ей тогда странным, загадочным и

даже непонятным. Она вспоминала, что после этого разговора наступило неловкое молчание и она перестала расспрашивать Жана только потому, что они уже приехали в Арменонвиль. За столиком на террасе она не решалась вернуться к прежней теме. Она предпочитала не видеть больше в глазах Жана Морейля этого взволнованного и тревожащего ее выражения, которое в них внезапно появилось.

В Арменонвиле былолюдно. Это место, славившееся своими цветниками, густой зеленью, озером, было одним из лучших сельских мест вблизи Парижа. Здесь можно было наслаждаться красотой женщин, прелестью туалетов, лаской солнца, смягченного завесой листвы, ароматами весны и модных духов. К журчанию разговоров примешивалось щебетанье птиц. Лошади ржали. Автомобили непрерывными гудками усиливали всеобщий гул.

Жан и Жильберта переживали счастливейшие минуты. В их высоких хрустальных бокалах солнечными красками играл оранжад. Стройные соломинки протыкали насквозь ледяные пластинки. Молодые люди находились в каком-то блаженном состоянии. Любовь зарождала в них влечение друг к другу, которое они сдерживали с наслаждением и мукой.

Жильберта внезапно побледнела и вскочила с места. Жан Морейль посмотрел в ту сторону, куда были устремлены ее глаза. Он вскрикнул;

– Ну нет! Вот нелепость!

Довольно далеко от них женщина обходила столики, держа в руке чашку, в которую посетители бросали монеты. Эта женщина была высока ростом и красива специфической красотой. Одну знаменитость такого рода называли Золотой Каской. Эту вполне можно было назвать Черной Каской. Это была красавица проститутка с беззастенчивым взглядом, полным апломба и лукавства. Ее спутанная черная шевелюра, взбитая наверх, поддерживалась гребнями, обсыпанными фальшивыми камнями, и вырисовывала на смуглых щеках вычурные завитки. Черное с красным театральное платье облегалo ее восхитительные формы. Даже на таком расстоянии ее профиль, несколько вульгарный, выделялся чистотой линий. На ней были высокие шнурованные ботинки, странно подчеркивавшие округлости и изгибы ног. Но самое необыкновенное – то, что вызывало шепот, когда она проходила в этой светской толпе, что заставляло женщин вскрикивать и бежать от нее, был не следовавший за ней по пятам шоколадного цвета щенок с зеленым бантом на голове, – самое необыкновенное в ней были змеи, мелкие, скользкие, изворотливые змеи, которые обвивали ее шею и руки, точно живые ожерелья и липкие браслеты.

– Ужасно! Ужасно! – прошептала Жильберта. – Уйдем! Уйдем, прошу вас!..

Женщина со змеями подходила к ним, протягивая каждому посетителю чашку и временами водворяя на место соскользнувшую змею. Она кричала нараспев, как на рынке: «Пожертвуйте укротительнице, господа!»

– Я уйду, Жан!

– Да нет же, нет, Жильберта! Я не позволю... Гарсон!

Подошел метрдотель. Жан Морейль сунул ему стофранковый билет.

– Отдайте его этой женщине... Пусть она уйдет и не проходит мимо нас. Поняли?

Человек поклонился. Они видели, как он подошел к этой странной женщине. Она взяла деньги, утвердительно кивнула головой и взглянула в сторону Жана Морейля.

В этом взгляде, сначала равнодушном, вдруг блеснул какой-то огонек и сейчас же потух. Расстояние помешало Жильберте и Жану заметить это. Еще на мгновение черные глаза задержались на них обоих. Все нашли естественным, что женщина, смущенная тем, что ее выпроваживают, была несколько сбита с толку. Наконец она повернулась и ушла, беспечно покачиваясь на ходу. Придя сюда, она оставила на песке маленький саквояж из рыжей кожи. Она открыла его и начала укладывать в него змей, которых срывала с шеи и с рук под внимательным наблюдением шоколадного щенка. Вокруг нее столпились гарсоны с салфетками под мышкой. Когда она удалилась, отправивший ее метрдотель вернулся к Жану.

– Что за фокусница? – спросил Жан Морейль.

– Это Ява, – ответил он. – Вы не знаете Яву, сударь?.. Она выступает в кабаре. Иногда, как видите, она приходит сюда. Ее пускают, потому что она очень приличная. Ну и, кроме того, это необыкновенно, как хотите... Мадам боится змей?

– Сколько с меня? – спросил Жан Морейль, вынимая из бумажника другой билет в сто франков.

Он расплатился. Жильберта стремительно сунула оставшуюся сдачу гарсону.

– Ого! – рассмеялся молодой человек. – Вы даете на чай по-царски!

– Он назвал меня «мадам»! Когда я с вами, мне это так приятно!.. В первый раз! «Мадам Жан Морейль!» О Жан, как я счастлива сегодня!..

Десять минут спустя они уже садились на своих лошадей.

Едва выехав из Арменонвиля, оба всадника поравнялись с Явой. Она

лениво шла по мостовой с собачкой и с чемоданом в руке. На этот раз она внимательно осмотрела их обоих, в особенности Жана Морейля. В ее взгляде была жестокость, злая складка залегла в углах дерзких губ.

– Ого! – прошептала Жильберта. – У нее далеко не робкие глаза!

Они проехали мимо. Позади них раздался крик:

– Фредди! Фредди!

Собачка засуетилась при виде лошадей.

– Фредди! – снова крикнул слегка охрипший голос.

– Не оборачивайтесь! – сказала Жильберта. – Мне будет неприятно.

Лошадь внезапно споткнулась. Уверенная до сих пор ручка судорожно дернула поводья. Жан Морейль улыбнулся Жильберте насмешливой, любовной улыбкой. Но она отвернулась от него, стараясь скрыть слезы, и пустила лошадь галопом.

Глава X. В баре

Графиня обо всем столковалась с Лионелем. Решено было после прогулки пригласить Жана Морейля пообедать. День прошел без всяких событий, и обед был один из самых банальных. Он имел одну только цель – облегчить заговорщикам наблюдение за жертвой.

Жан Морейль явился в безупречном смокинге и весь вечер был очаровательно весел, хотя и впадал несколько раз в свойственную ему задумчивость. Все наблюдения этого вечера ничего нового не дали. Когда Лионель перелистывал альбом, Жан Морейль не подошел к нему, чтобы еще раз взглянуть на фотографии мадам Гюи Лаваль. Когда коснулись раздвоения личности по поводу идущей в «Одеоне» пьесы «Прокурор Галлерс», он к этому проявил только вполне обычный светский интерес.

Несмотря на позднее время, он не торопился уйти и сделал это с большим сожалением лишь около полуночи, причем не выказал никаких тревожных признаков подчинения каким-нибудь таинственным силам. Но все это ничего не доказывало. В этом убеждали Лионеля прочитанные им книги.

Он вышел вместе с Морейлем и скоро расстался с ним, желая закончить ночь в грузинском кабачке. Но как только жених Жильберты вернулся домой, Лионель занял наблюдательный пост против особняка. Он был один. Обри сидел в засаде на другой стороне аллеи.

Прячась в тени деревьев по ту сторону мостовой, Обри не спускал глаз с куста, в котором скрытый там Лионель ждал событий. Так они условились.

Несколько позже часа ночи в кустах появился огонек. Обри знал, что это значит: Жан Морейль вышел. Огонек погас и через минуту зажегся два раза подряд. Обри понял, что Жан Морейль пошел в том же направлении, как и накануне.

Обри увидел, как человеческая тень пересекла аллею. Не теряя времени, он погнался вслед за своей жертвой. Апаш шел очень быстро и, казалось, ни о чем не беспокоился. Он не оборачивался. Было очень легко идти за ним при условии, если слежка продлится немного времени... Обри носил обувь на резиновой подошве, поэтому шел неслышно. Он не старался скрываться в тени, это показалось бы слишком подозрительным в случае, если бы Жан Морейль вздумал обернуться, обеспокоенный каким-нибудь легким шумом или под влиянием интуиции.

Но этого не было. Странный человек прямо и твердо шел к какой-то неизвестной цели. Предположив, что так же было и накануне, Обри не мог себе простить того, что тогда потерял его след.

На этот раз все сложилось наилучшим образом в интересах мадам де Праз и ее сына. Два полицейских агента встретились с мошенником и его преследователем. Вид их не произвел никакого впечатления на Жана Морейля и не заставил его свернуть с дороги. Он на ходу закурил папиросу, защищая огонь ладонями обеих рук. Скоро он направился в ту часть района, которая примыкала к городским укреплениям.

На углу под газовым фонарем стояла женщина, кого-то подстерегая и вглядываясь во тьму; увидев Жана Морейля, она пошла к нему навстречу. Глаза ее заблестели. Обри осторожно отступил. При свете фонаря он имел время разглядеть характерные черты ночной красавицы: ее властное лицо, сине-черную шевелюру, убранную сверкающими гребнями, черное платье с пурпурной отделкой.

На одно мгновение мужчина и женщина слились в горячем объятии, затем они пошли; рука женщины обвилась вокруг стана Жана Морейля.

«Чудесно! Чудесно! – говорил про себя Обри. – Все складывается как нельзя лучше!»

Довольно улыбаясь, он пошел вслед за любовниками.

Дорогой Обри обдумывал увиденное. Лионель де Праз объяснил ему в общих чертах необычайное явление «переменного сознания». Бывший метрдотель, продувной и хитрый, хорошо усвоил это объяснение. Он знал, что ему надо делать в этой слежке за Жаном Морейлем; но, несмотря ни на что, необычайность приключения, новизна положения не переставали изумлять его, и обязанность наблюдать за такой странной личностью вызвала у него в душе какое-то непонятное и очень неприятное чувство, в котором он по простоте своей не мог разобраться.

Словом, если бы его заставили ходить по следам абсолютно нового существа, например жителя Луны, спустившегося на Землю, эффект был бы такой же. Результатом всего этого было то, что внимание Обри достигло своего максимума. Связанный с самой непостижимой тайной, он до крайности не доверял человеку, который так сильно отличался от всех других людей. Для склада его ума объяснение таким явлениям нечего было искать ни в науке, ни в медицине, ни в психиатрии, о которой он впервые в жизни услышал. Такие случаи могли быть только чудом. И Обри воображал, что случайности судьбы сделали его участником какой-то волшебной сказки, в которой ему приходилось выполнять весьма деликатную и несколько непонятную роль. Если бы он выслеживал

единорога, кентавра или, как мы уже сказали, жителя Луны, он не мог бы быть более внимательным или более изумленным. Встанем на его место и представим себе наше душевное состояние, как бы культурны и образованны мы ни были, – что бы было, если бы нам пришлось ходить ночью по пятам за человеком, который представляет собой не самого себя, а совершенно другое существо?

Между тем Жан Морейль и его подруга вошли в маленький, низенький домик, дверь которого закрылась за ними.

Обри внимательно осмотрел вывеску. Это был ночной кабачок. Справа и слева от двери деревянные ставни маскировали окна.

Обри задумался. Стоит ли ему входить в неизвестный ночной кабачок? Можно с уверенностью сказать, что это ночной каба́к. Чтобы убедиться в этом, достаточно было в этот поздний час видеть лучи света, пробивающиеся через щели в ставнях, и слышать долетающий оттуда глухой шум. Недоумевающий Обри прислушивался к этим звукам, которые не позволяли, однако, судить о том, какого рода собрание там происходило. Смотря по тому, что именно он воображал, он придавал этим сливающимся голосам то мирный, то угрожающий характер...

Но случилось так, что дверь отворилась снова и пропустила трех граждан, совершенно спокойных и твердо стоящих на ногах, на них, как на Обри, были поношенные брюки и спортивные рубашки. В ту же минуту в бар вошла довольно приличная чета. Обри, уже не колеблясь, вошел вслед за ними.

Они прошли первое, плохо освещенное помещение, занятое цинковой конторкой в форме дамской шпильки, оставлявшей небольшое свободное пространство. Типичный для парижских баров зал в этот час ночи был совершенно пуст. В следующих залах было более оживленно. Обри с самого начала успокоился насчет последствий своего предприятия. Это, собственно говоря, был не каба́к. Он больше походил на обычное кафе без всяких претензий. Здесь были мраморные столики, на стенах – зеркала в поцарапанных рамах, в углу – расстроенное пианино; много табачного дыма и многочисленное собрание кутил, большей частью из самых подонков того особого мирка, который принадлежит к любителям велоспорта. Кабачок был местом ночных и дневных свиданий всех, кому велосипед дает какой-нибудь заработок. Из механических мастерских, велодрома сюда стекались десятки мастеровых, служащих, учеников и чемпионов-велосипедистов, к которым примешивались люди сомнительной репутации, презирающие «Буффало» или «парк Принцев» и которые, приходя сюда, поддерживали старую традицию.

Появление Обри прошло незамеченным благодаря людям, вошедшим раньше его. Впрочем, собравшиеся обратили свое внимание на Жана Морейля и его спутницу, которая в ту минуту расточала свои ласки собачонке шоколадного цвета с зеленым бантом на голове. Это животное млело от удовольствия и не отходило от саквояжа из рыжей кожи.

Женщине кричали со всех сторон:

– Змей, Ява! Змей!

Девушка, казалось, не была расположена их показывать. Брови ее были нахмурены, она бормотала что-то нечленораздельное, между тем как спутник ее глядел на нее насмешливым взглядом.

Обри уселся неподалеку от трех собутыльников, шумливое настроение которых было ему на руку. Эти пьяницы, наверное, разговаривают с ним, и он от них многое узнает... Между тем он внимательно прислушивался к перебранке между Жаном Морейлем и его подругой.

– Показывай змей, раз тебя просят! – говорил Морейль.

Она не покорялась. Не спуская с него горячего, свирепого взгляда, полного любви и бешенства, она шептала:

– Говори правду, Фредди! Ведь я видела, видела, видела тебя! Видела верхом на лошади сегодня утром! Странно, но так оно было, я не рехнулась!.. С кем ты был? Кто она, такая шикарная? Кто? Я хочу знать! На остальное мне наплевать!.. Кто эта девка?.. Я окликнула тебя. Почему ты не ответил?..

Лицо Жана Морейля приняло какое-то особенно жесткое выражение. Он отрезал:

– Брось трепаться! Совсем рехнулась! Не знаю, о чем ты говоришь.

Ява сдерживала слезы. Все глядели на них. В воздухе нарастало любопытство.

– Бросишь фокусничать? – процедил мужчина сквозь зубы.

Ява с мрачным отчаянием опустила голову.

В публике снова закричали:

– Змей! Змей! Змей!

Кто-то крикнул:

– Показывай ты, Фредди! Покажи разок змей сам, Фредди!

– Вот это ловко будет! – заметил один из соседей Обри.

Хозяин бара, человек с толстым животом и голыми руками, начал уговаривать Фредди, не отходя от своей стойки, где он то и дело звенел стаканами:

– Да ну же! Фредди! Удружи! Давно мы тебя не видали за работой, лентяй!.. Господа и дамы, захотите только и вы увидите опасные опыты

Ужа-Фредди!

– Фредди! Фредди! – раздавалось со всех сторон.

– Дай чемодан! – приказал Жан Морейль Яве. – Так и быть, покажу, что умею.

На его губах появилась самоуверенная улыбка. Он снял пиджак, засучил рукава розовой с белыми полосками рубашки до локтей.

На правом предплечье была татуировка: синий уж, обвивающий руку.

Перед ним на стол поставили открытый чемодан. Он присел на корточки по-восточному и поднес к губам легкую свирель.

– Тише! – скомандовал хозяин бара.

Ява уныло отгоняла слишком любопытствующих зрителей.

Сосед Обри был маленький смуглый парнишка, сухопарый и угловатый; согнутая спина его указывала на увлечение велосипедным спортом. Вместе с двумя другими товарищами, не менее тощими, чем он сам, они как будто праздновали чью-то победу.

– Ого! Уж Фредди! Интересное имя, – вставил словцо Обри.

– Еще бы! – ответил сосед. – Другого такого бездельника, как этот красавчик, не найдешь!

– Заткни фонтан! – крикнул ему другой. – Его за это называют Ужом, что он – лентяй.

– Неужто ты думаешь, что я его не знаю, болван! Я еще тогда сюда приходил, когда он без Явы работал...

Обри с нетерпением задумался над тем, какой такой «работой» займется Жан Морейль под именем Уж Фредди, когда вдруг раздалась нежная, тягучая и монотонная мелодия. Скрестив ноги и сидя на корточках возле своего саквояжа, Уж Фредди играл на дудочке, беспечно покачиваясь из стороны в сторону. Собачонка Бенко, сидя на стуле возле саквояжа, внимательно слушала его, наклоняя курчавую головку то вправо, то влево, и самым комичным образом встряхивала своим зеленым бантом-мотыльком.

В кабачке все затаили дыхание.

Звуки флейты завораживали. Сначала они походили на горячий свист ветра в камышах джунглей, потом посыпался ряд не очень мелодичных, но бесконечно ласкающих звуков и таких тихих, что все услышали внутри чемодана шелест и легкие толчки.

Обри вздрогнул. Внезапно, с упругостью пружины, заставляющей выскакивать из коробки игрушечного черта, из чемодана высунула несколько дюймов своего тела змея; ее плоская голова тянулась к музыканту, то быстро выбрасывая вперед, то пряча раздвоенный кончик

языка. За первой показалась другая, за ней – третья. В одно мгновение весь чемодан превратился в сосуд, из которого торчал отвратительный букет из змей. Казалось, что в таинственном чреве этого чемодана таится отрубленная голова Медузы.

Флейта участила ритм, она свистела. Покачивание музыканта превратилось в танец туловища вокруг неподвижных бедер и следовало в своих движениях колебаниям мелодии. Змеи наклонялись то в одну, то в другую сторону, точно стебли, сгибаемые ветром.

Раздался нескончаемый протяжный свист флейты, и всякое движение замерло. Действительно, в этом свисте было нечто непрерывное и устойчивое – олицетворение неподвижности в звуке, что-то, напоминающее бесконечную линию горизонта. Эта мелодичная прямая линия закончилась целым рядом дрожаний. Уж Фредди, подобный индийскому факиру, такой же невозмутимый и важный, как они, издавал теперь журчание, такое нежное и легкое, как будто боялся оборвать его собственным дыханием и пальцами, осторожно перебегающими по отверстиям дудочки. Это журчание изображало извивы пресмыкания, волнообразные линии в пространстве тишины. Уж Фредди подчеркивал их, придавая своим плечам текучую подвижность...

Змеи поползли. Они растекались скользким пучком по мраморному столику, беспрестанно связывая и развязывая свой узел. Оттуда они пробрались на колени Фредди, и одна из них внезапно выбросила свое тело вверх к его шее и обвилась вокруг нее кольцом.

Вскоре Фредди был весь перевязан змеями, точно древесный ствол в тропическом лесу. Они были у него на плечах, на голове, на кистях рук. Все их треугольные головки тянулись к нежной свирели. Жесткие глаза, устремленные в одну точку, горели; быстро шевелились вилообразные язычки. И синяя татуированная на руке Фредди змея, как будто тоже повинувшись звукам нежной мелодии, извивалась блестящими кольцами и поднимала великолепно вычерченную голову.

Этот момент Ява избрала для того, чтобы обойти публику и собрать деньги. Когда она вернулась, держа в руках полную тарелку кредиток, Фредди перестал играть, снял с себя свое змеиное кашне и водворил ужей в их кожаное жилище.

Загремели аплодисменты. Сам хозяин соблаговолил покинуть стойку и раскупорить для Фредди бутылку шипучего.

– Если б ты захотел, ты был бы богачом. Ява тоже умеет это делать, но у тебя, дружище, у тебя это выходит замечательно! За один сеанс каждый вечер я дал бы тебе...

– Отвяжись! – сказал Фредди.

Хозяин досадливо махнул рукой и, высоко подняв руку, одним духом опорожнил свой бокал.

Обри поставил бутылку вина своим трем соседям, но они не очень доверяли этому новому пришельцу, так как принадлежали к тому кругу, где недоверие – правило. Обри почувствовал, что всякий прямой вопрос вызовет вражду. Он пустился на все хитрости и с тысячью трудностей узнал наконец самое существенное из того, что ему нужно было узнать. Тот из трех собутыльников, который давно, раньше других посещал этот кабачок, уже нашел здесь Ужа Фредди. Это было два года тому назад. В то время он сам показывал своих змей. Ява появилась в его жизни позднее. В общем, никто из них не знал, чем занимается Фредди. Это никого не касалось. Они видели его только по ночам в кабачке.

От Обри не ускользнул подозрительный огонек в глазах собеседников. Впрочем, время шло. Посетители кабачка мало-помалу расходились. В баре оставалось еще человек двадцать; одни из них оживленно болтали, другие были погружены в пьяное отупение.

В одном из отдаленных уголков сидели Ява и Уж Фредди. Он развалился в ленивой позе и мирно курил папиросу за папиросой. С праздным и равнодушным видом оглядывал он публику. А она, положив свою красивую и горячую головку к нему на плечо, что-то тихо ему говорила, устремив свой томный, взволнованный взор в пространство.

Обри видел их сквозь густую завесу дыма, но не мог расслышать того, что говорила Ява. Она как будто просила о чем-то, умоляла... Молчание ее собеседника приводило ее в отчаяние, раздражало. Она вдруг встряхнула его за плечо... Он не шевельнулся. Осмелев, она сделала это еще сильнее. Но Жан Морейль, или, вернее, Уж Фредди, – потому что Жан Морейль в это время был вычеркнут из списка людей, – Фредди медленно повернул к девушке жестокое лицо, произнес какое-то короткое ругательство, о котором можно было догадаться по выражению губ, поднял руку... Этого было достаточно, чтобы ему на шею бросилась обожающая его Ява, полная смирения и раскаяния.

Однако Фредди довольно часто поглядывал на круглые стенные часы между плакатами, прославляющими необычайные достоинства аперитивов с нелепыми, но звучными названиями. Между тем лучше, чем часы, стеклянный потолок этого зала, внезапно отразивший бледный свет зари, показал, что наступил конец ночи.

Фредди вскочил на ноги. Ява схватила свой чемодан и поспешила за ним. Бенко, встряхнувшись, сонно поплелась за ними следом.

Обри предусмотрительно опередил их в полумраке. Он видел, что Фредди, выдержав судорожное объятие Явы, удалился. Она провожала его взглядом, пока он совсем не исчез во тьме.

Выслеживать Фредди дальше не имело никакого смысла. Но Обри хотелось знать, что будет делать Ява, и он узнал это.

Ява, погруженная в свои грустные мысли, опустив голову, двигалась невеселой походкой и нисколько не заботилась о том, преследует ее кто-нибудь или нет. Впрочем, женщина, в особенности в Париже, всегда является предметом преследования; бедняжки так привыкли к тому, что за ними тянется один или несколько назойливых воздыхателей, что за ними очень легко следить, не вызывая никакого подозрения. Они принимают сыщика за ухажера, только и всего.

Но Ява даже не заметила присутствия Обри. Он видел, как она вошла в дом с вывеской «Меблированные комнаты».

Удовлетворенный, почти счастливый, Обри повернул назад. Ночь была плодотворна. Оставалось только отдать кому следует отчет о том, что произошло.

Это он выполнил в десять часов утра. Лионель выслушал доклад привратника и сообщил ему, что Жан Морейль вернулся домой при первых проблесках зари. У Лионеля хватило терпения простоять до тех пор в кустах.

Как бы интересны ни были сообщения Обри, он не мог предвидеть того эффекта и того изумления, которое они произведут на Лионеля де Прази. Молодой человек заставил его несколько раз пересказать сцену со змеями. Имя, прозвище, казалось, произвели на него совсем особое впечатление, настолько сильное, что Обри спросил у него причину.

– Это из-за альбома, – рассеянно ответил ему Лионель.

– Господин граф, разрешите мне вас спросить...

Но Лионель, занятый своими мыслями, которые, точно черные тучи, сгущались мало-помалу в более отчетливые формы, спросил, вместо того чтобы ответить на вопрос:

– Обри, сколько времени вы на службе у моей матери?

– Господин граф, я поступил на службу к мадам де Праз незадолго до смерти мадам Гюи Лаваль, у которой несколько месяцев служил метрдотелем.

– Следовательно, пять лет тому назад, во время кончины моей тетки, вы были в Люверси?

– Да, граф.

– Так вот, не встречали ли вы в то время Жана Морейля? Не видали ли

вы когда-нибудь Ужа Фредди, а это то же самое? Поройтесь хорошенько в памяти! Да ну же, Обри, потрудитесь! Вы по долгу службы постоянно находились в замке, когда там жила моя тетья, ведь я приезжал туда только на время каникул. Подумайте! Не помните ли вы какого-нибудь бродягу... нищего... почему я знаю?

— Господи боже мой, граф!

Слуга сразу раскусил, какого рода подозрение приняло уже конкретные формы в мозгу хозяина; слуга-сыщик побледнел, и они глядели друг на друга несколько секунд, глядели так, как если бы вдруг все окружающее каким-то чудом окрасилось в необычайные краски. Обри задумался. Наконец, все еще стараясь что-то вспомнить, он сказал:

— Нет, граф, не помню... Нет. Когда я недавно увидел Жана Морейля, когда вы мне его показали, приказав наблюдать за ним, его вид мне ничего не сказал... Ничего...

— И все-таки скажите, Обри! Все-таки!.. Эта белочерная змея!.. Знаете ли, что вчера утром Жан Морейль смотрел на фотографии моей тети как человек, который пытался что-то вспомнить?

— Господин граф, — сказал Обри. — Я ведь не ребенок. А то, что вы предполагаете... Право, мне жарко становится!..

Прежде чем расстаться, они долго еще сидели и думали каждый про себя о том ужасном предположении, которое высказал только что Лионель.

Глава XI. У префекта полиции

— Господин префект полиции будет здесь через минуту. Благоволите присесть, — сказал курьер.

— Хорошо, — ответил Лионель.

Он ждал недолго. Раздался звонок. Казалось, что этот звонок нажал невидимую пружину, заставившую курьера соскочить со стула, возле столика, за которым этот скромный служащий рассматривал на свет старые, уже отслужившие конверты.

— Сударь... — сказал он.

И открыл перед Лионелем мягко обитую двойную дверь. Казалось, что эта дверь была предназначена нарочно для того, чтобы заглушать крики допрашиваемых преступников.

Лионель вошел в типичный бюрократический кабинет. Посередине у черного стола, заваленного бумагами, сидел старый усатый человек с удивительно энергичным профилем, с угольно-черными глазами, метавшими искры. Он тихо разговаривал по телефону. Казалось, что он нашептывал что-то в это никелированное ухо.

Не прерывая своего шепота, префект полиции бросил на пришедшего один из тех молниеносных взглядов, убедительная пронизательность которых была слишком хорошо известна его подчиненным. Он сделал Лионелю знак рукой, прося его присесть в кресло, которое стояло сбоку стола, прямо против света.

Этот маленький седой старичок когда-то был рыжим и бешеным по натуре человеком; всю жизнь стараясь обуздать свою вспыльчивость, он достиг крайней степени самообладания. Холодный, суровый, логичный во всем резонер, непроницаемый для посторонних, он по своему душевному складу представлял нечто такое прямоугольное и прямолинейное, что его жесткая, подстриженная квадратом, стоявшая ежиком шевелюра, казалось, повторяла самые контуры его мозга.

Он окончил свой разговор по телефону, не спеша повесил трубку, посмотрел на визитную карточку, лежащую на его бюваре, и произнес ледяным тоном:

— Господин Лионель де Праз?

Лионель пролепетал, точно школьник:

— Он самый, господин префект, по рекомендации господина президента Кордье...

— Да... — протянул префект.

— Ну и вот... — робея, начал Лионель.

Тощий сановник, еще более съезжившийся от возраста, согнутый, сморщенный, точно пергамент, беззастенчиво смерил его глазами. Он привык уверенно и прямо смотреть в лицо людям, сильный своим ясновидением и властью, которую приобрел над себе подобными благодаря своей твердости и самообладанию.

— Я слушаю вас, — произнес он отдельно.

— Господин префект, — продолжал Лионель, — знаете ли вы такого... такую... темную личность, которую называют Уж-Фредди?

— Дальше, сударь? — спросил префект, насторожившись.

— Но... это почти все, что я имею вам сказать... Впрочем, не думайте... Я пришел сюда не расспрашивать, но сделать полезное дело, оказать услугу полиции, если возможно...

— Не сомневаюсь, сударь. Ваши слова вселяют уверенность. Вы спрашиваете меня, знаю ли я особу по прозвищу Уж-Фредди. Я вам отвечаю: да, знаю.

— Вы знаете, кто он? Вам известно его истинное имя?

— Я думаю, что знаю. Но что за важность! Этот человек нанес вам вред? Вы жалуетесь на него?

— Нет, никоим образом.

— В таком случае, я плохо понимаю...

— Господин префект, у меня есть причины поговорить с вами об Уж-Фредди. Первая — это то, что, может быть, действия этого апаша...

— Ого, апаш! Не слишком ли это сильно?

— Действия этого... парня, — поправился сбитый с позиции Лионель, — связаны с одной трагической смертью...

— Действительно?

— Да, сударь. Со смертью моей тети, мадам Гюи Лаваль, скончавшейся при трагических обстоятельствах в Люверси пять лет тому назад, в ночь с 19 на 20 августа.

Это показание имело своим ощутительным результатом то, что префект полиции если не поддался впечатлению, то, по крайней мере, хоть изумился. Какая-то искра мелькнула в его и без того горячих зрачках. Морщины на его лице чуть-чуть переместились. И все. По таким слабым признакам нельзя было угадать, о чем он думал. Лионель, однако, решил, что надо поставить точку.

— Но, — продолжал он, — это всего только предположение, и я не сказал бы этого никому другому, кроме вас, господин префект. Я напал на

верный след... Позвольте мне молчать об этом до нового доказательства.

Префект, снова сделавшись бесстрастным, показал знаком, что согласен.

— Вторая причина... вторая причина, не скажу, что она серьезнее, но она более спешная... — Лионель де Праз начал неуверенно топтаться на месте. — Господин префект, у меня очаровательная кузина, дочь бедной мадам Гюи Лаваль скончавшейся в Люверси. Ну вот, моя кузина Жильберта, так сказать, невеста Жана Морейля... Что вы думаете об этом, господин префект?

Никогда еще такой неумолимый взгляд не копался в душе Лионеля.

Старик сказал наконец:

— Благоволите, сударь, объяснить все прямо, без обиняков. Я вас не понимаю.

Все более и более смущаясь, Лионель взялся за дело с другой стороны.

— Бывают такие парадоксальные положения, такие ненормальные факты, которых полиция не может не знать. Если б она их не знала, мне кажется, обязанностью каждого честного человека было бы предупредить...

— Ага! Насколько я понял, вы хотите мне раскрыть подобное «парадоксальное положение» или «ненормальный факт». Очень интересно.

Лионель, поставленный в такое положение, которого он больше всего хотел бы избежать, сказал довольно сухо:

— Я не доносчик. Насколько мне известно, я джентльмен. Мне было бы противно выслеживать кого-нибудь. Я отказался бы от этого, конечно. Однако мне хотелось бы узнать, в курсе ли полиция тех фактов, которые, как мне известно, происходят; наблюдают ли за этой таинственной авантюрой?.. Ибо, господин префект, в конце концов, я это делаю только для блага ближнего...

Префект полиции видел, что он сбивается. Он улыбнулся, но старое лицо не сделалось от этого веселее.

— Я приду к вам на помощь, господин де Праз. И поверьте мне, я прекрасно понимаю все те естественные побуждения, которые привели вас ко мне, так же, как те причины, которые в настоящую минуту мешают вам свободно изложить ваше дело. Будьте спокойны, сударь, оба имени, которые вы только что произнесли, знакомы префектуре. Мы знаем, в каком, — правда, очень необычайном, — отношении друг к другу они находятся. Все, что вы нам можете сказать, не даст нам ничего нового, будьте уверены. И, как говорится, мы «не спускаем с него глаз». Это странный случай. Я благодарю вас за то, что вы говорите о нем со мной, и

вполне понимаю вашу тревогу. Но позвольте вам сказать, однако, что, по моему разумению, она не имеет оснований. Мне кажется, я не ошибаюсь в том, что господин Жан Морейль — порядочный человек.

— Значит, Уж-Фредди не преступник?

Префект, помолчав немного, сказал:

— Я должен вам сказать всю правду. Тот, кого вы называете Уж-Фредди, не всегда был честным человеком. Не скажу, что сейчас он ведет примерный образ жизни. Он ленив... Но этот... этот ночной гуляка был раньше мошенником, которых встречаешь на пустынных улицах и которые просят вас дать прикурить... Не буду распространяться. Достаточно вам знать, что одно высокое вмешательство положило этому конец, и близкий друг Жана Морейля ревниво охраняет честность Ужа-Фредди. Благодаря этому бодрствующему и тайному союзнику, который в Париже занимает весьма видное положение, так называемый Фредди не попадет в тюрьму и не сядет на скамью подсудимых... если только злые инстинкты не возьмут верх, чему я не желаю верить. Я полагаю, сударь, что теперь вы достаточно осведомлены об интересующем вас деле?

Лионель ответил вполголоса, ударяя на каждом слоге:

— Уверены ли вы во всем том, что говорите, господин префект? Дадите ли вашу голову на отсечение за то, что в прошлом Жана Морейля или, вернее, в прошлом Ужа-Фредди нет чего-нибудь такого, за что посылают в Гвиану или на эшафот?

— Это серьезно, господин де Праз. Не позвать ли мне секретаря, чтобы он стенографировал ваши показания?

Лионель поспешно сказал:

— Нет! Я вам только что докладывал: это одни подозрения...

— По поводу этого старого дела? Этой трагедии в Люверси?

— Простите меня. Когда у меня будут доказательства, я вам их принесу. До тех пор предположим, что я ничего не говорил.

— Всегда к вашим услугам.

— Часто ли вам приходится рассматривать случаи «раздвоения личности», господин префект?

— Гораздо чаще, чем это думают. Есть несколько таких случаев, даже официальных. Много тайных. Где взять простого человека? Разве наш мозг не находится во власти противоречий? И преступник, убивший или совершивший кражу, разве не искупает преступление того лица, которым он был одну только минуту, пока наносил удар, и которое потом исчезло в нем навсегда?.. Вы сами, граф де Праз, поклянетесь ли в том, что вы всегда и везде одно и то же лицо? Если случайно я извлек бы из той папки

заметки, касающиеся вашей второй личности, что могли бы вы мне сказать, зная, что в рассматриваемом нами явлении оба сознания почти всегда совершенно отделены одно от другого и не сообщаются между собой?

Лионель постарался найти эту шутку превосходной. Но то, что, хотя бы шутя, ему самому примерили двойную маску «переменного сознания», переполнило его досадой. Он поторопился уйти.

— Прощайте, сударь, — сказал ему префект. — Не бойтесь заглянуть ко мне еще раз, если понадобится... Я думаю о трагедии в Люверси...

Лионель тоже думал об этом и повторял про себя многозначительную фразу префекта: «Он не попадет в тюрьму и не сядет на скамью подсудимых, если только скверные инстинкты не возьмут в нем верх»...

В этих словах был настоящий план кампании, о котором Лионель де Праз думал с дьявольской радостью, отвечая поклоном на короткий и вежливый поклон маленького властного старичка.

Глава XII. Сообщения Мари Лефевр

На следующее утро на станции Эперней из поезда, прибывшего из Парижа, вышел пассажир. Он ехал во втором классе. У него был приличный вид. Но опытный глаз мог разглядеть в нем характерные черты сыщика. Он направился в центр города и, взглянув на табличку с названием улицы и на номер дома, развязно вошел в лавочку торговца овощами.

— Мадам Лефевр? — спросил он, приподнимая свою соломенную шляпу.

— Я, сударь.

Лавочница, подвижная брюнетка, занятая покупательницами, повернулась к нему лицом.

— Мне надо вам сказать несколько слов, мадам. Я вас не задержу.

Лицо лавочницы нахмурилось, она предвидела неприятность. Посещение неизвестного лица всегда неприятно, особенно если оно с места в карьер изрекает вам: «Мне нужно вам сказать два слова».

— Эжень! — позвала она. — Поди сюда на минутку.

Из задней комнаты вышел человек в синем переднике, лет сорока, ворчливый и непреклонный на вид.

— Со мной, видишь, хотят поговорить. Отпусти тут вместо меня.

Посетитель учтиво поклонился.

— Насчет чего? — спросил лавочник.

— Мадам, — начал посетитель, — не правда ли, вы мадам Мари Лефевр, рожденная Симон? Вы находились на службе у мадам Гюи Лаваль пять лет тому назад в качестве горничной?

— Да, сударь, — прошептала она.

— Позвольте мне задать вам несколько вопросов.

— Зайдите сюда, — сказал муж.

Оба, муж и жена, молча хмурясь, пропустили гостя в маленькую комнату, смежную с магазином и похожую на столовую.

— Что еще случилось? — спросила бывшая горничная неуверенным голосом.

— Абсолютно ничего, мадам, будьте спокойны. Мы хотим только выяснить несколько подробностей, касающихся смерти мадам Лаваль, и подумали, что вы и ваш муж можете их нам сообщить. Ибо, — сказал он, обращаясь к мужчине, — ведь вы были садовником и привратником в Люверси во время несчастья, не так ли?

Малоразговорчивый Лефевр утвердительно кивнул головой и мигнул глазами.

Она заговорила более обстоятельно.

— Мы уехали почти сейчас же после смерти хозяйки для того, чтобы повенчаться. Я к ней была очень привязана и не ладила с графиней: очень уж она во все совалась. Лефевр был вдовцом. Мы в этом Люверси и познакомились. А как только повенчались, мы поселились здесь, на его родине. Как видите, торгуем понемногу.

— Мели! — крикнула она. — Выйди к покупателям. Мы заняты.

В ту же минуту в лавку ворвалась растрепанная девица, вытиравшая руки о свой грубый передник. Она растолкала женщин, щупавших, взвешивавших в руках и обнюхивавших овощи и фрукты.

Посетитель довольно милостиво слушал краткое изложение Мари Лефевр.

— Скажите мне, — снова начал он, — в дни, предшествовавшие той ужасной ночи, не давалось ли вам какое-нибудь указание, по которому можно было предвидеть что-нибудь?

— О сударь! Каким образом?.. Подобное несчастье!..

— Говоря «предвидеть» я думаю о всех тех мелких фактах, которые сначала проходят незамеченными, а после события делаются ясными. Понимаете? Так, например, не заметил ли кто-нибудь, что ящик для змей был не совсем прочен?

— О нет! — сказал Лефевр. — Так как я сам заботился об этих проклятых животных, я могу вам даже поклясться, что если кто-нибудь был поражен, так именно я!

— Поражены чем?

— Бегством этой дьявольской змеи.

— Почему?

— Да потому, что ящик был в превосходном состоянии.

— А щель? Щель, через которую она выползла?

— Она, конечно, ее расширила. Без этого...

— Значит, накануне, в течение всего дня, эта щель...

— Я вас могу уверить только в том, что 19-го утром, накануне несчастья, никакой щели в ящике не было. Был только промежуток меньше чем в сантиметр между двумя досками.

— Возможно ли, на ваш взгляд, чтобы эту щель проделал кто-нибудь извне? Или изнутри, когда змеи уже не было в ящике?

— Конечно. Но кто же? И с какой целью?.. Чтобы подумали, что змея выползла сама?.. Я понимаю, о чем вы думаете, но, признаюсь, мне это

никогда в голову не приходило...

— Слушай, Эжень, — прервала его жена, она была чем-то сильно взволнована. — Не надо так говорить. Ты хорошо знаешь, что мы, мы одни подозревали, что тут что-то неладное... Конечно! Раз уж к этому вернулись, будем откровенны!

Лефевр бросил на нее быстрый взгляд и задумался. Она продолжала:

— Нам ведь бояться нечего, не правда ли? Мы никакого вреда не сделали...

— Да мы ничего, собственно, и не знаем, — сказал муж.

— Что же вы знаете? — спокойно спросил посетитель.

— Мы знаем, — ответила женщина, — что змея была убита и что ее похоронили в парке, в рощице, в ту же ночь, когда умерла мадам Лаваль.

Посетитель прикусил губу; во взгляде его мелькнул беглый огонек.

Жена Лефевра продолжала:

— Мы с Лефевром уже дали друг другу обещание.

Но никто еще об этом не знал. По ночам мы устраивали свидания в парке. После обхода, который он делал в половине одиннадцатого, я приходила в рощу, и мы до самой полуночи просиживали там и потихоньку болтали...

— А если бы мадам вам в это время позвонила?

— Я услышала бы это в такой тишине и прибежала бы в замок, он был недалеко. Впрочем, мадам Лаваль звонила мне по ночам только с тех пор, как заболела, и никогда раньше часу ночи не звала меня. Совершенно регулярно, каждую ночь, около часу, она просила свое лекарство!

— Вернемся к рассказу, пожалуйста!

— И вот, я вам уже сказала, мы были в роще. Вдруг мы с Эженом услышали шаги человека, который очень осторожно продвигался вперед. Мы замолчали. Нас не могли увидеть. Человек остановился недалеко от нас, и мы очень хорошо слышали, что он копает землю лопатой, Он рыл яму... Мы не видали, кто это был. Мне так было страшно, что мы замерли на месте и не двигались еще долго после того, как он ушел. Наконец я, вся дрожа, вернулась домой. Я поднялась в свою комнату по черной лестнице и не закрыла глаз всю ночь. Значит, если бы мадам позвонила, я бы сию же минуту была у нее.

— Какой был час, когда этот человек копал яму?

— Это было около полуночи, — сказал Лефевр.

— Значит, так как змея издохла в полночь, то мадам Лаваль должна была скончаться раньше. Запишем. Скажите мне теперь вот что: когда вы узнали, что именно этот человек делал ночью в роще?

— Ну, конечно, первым моим делом утром было посмотреть, что там закопали. Но известие о смерти мадам Лаваль уже все перевернуло в замке вверх дном. Я гораздо позже проскользнул туда... Я нашел это место, где была свежая земля возле дерева. Я порылся там и откопал черно-белую змею. Ей размозжили голову... Я снова зарыл ее...

— Но почему вы ничего об этом не сказали? Ведь весь замок был в ужасе от того, что змея где-нибудь скрывалась и всем грозила смертью.

Мари Лефевр возмутилась:

— Сказать! Надо было сознаться в том, что у нас было свидание! Еще во времена мадам Лаваль было бы ничего! Она была очень добра. А при графине! Она моментально выбросила бы меня вон.

— Не одобряю! — сказал посетитель.

— Да ведь дело же не в вас! — воскликнула Мари.

— Наконец, еще один вопрос: есть ли у вас какие-нибудь подозрения относительно личности того человека, который закопал змею?

— Никаких, сударь. Мы довольно часто об этом говорили... — сказал Лефевр. — Но никак не могли понять, кто это мог быть. Раньше я был убежден, что змея была убита кем-нибудь из замка — кем-нибудь, у кого она случайно оказалась на дороге, когда выползла из комнаты мадам Лаваль. Но, когда я увидел, что никто не говорит об этом и все повсюду ищут змею, у меня появились подозрения...

— Вам не пришло в голову, что здесь могло быть преступление?

— Нет, сударь. Мысль о преступлении — никогда! Мы думали, что вышла какая-то непонятная нам штука, окончившаяся несчастьем — смертью хозяйки.

— Словом, вам никогда не приходило в голову, что преступник, умеющий укрощать змей, мог воспользоваться черно-белой змеей для того, чтобы убить мадам Лаваль?

Супруги Лефевр воскликнули в один голос:

О, это? Нет, нет, никогда!

— Разве это возможно? — спросила Мари Лефевр.

— Если бы мы предположили такую вещь, — сказал Лефевр, — мы сейчас же рассказали бы все, что знали!

— Однако же, господин Лефевр, отчего этот человек, закопавший змею, хранил молчание?..

— О, это понятно... Допустите, что это был кто-нибудь из замка... Ведь мы тоже были из замка, я и Мари. Ведь мы ни в чем не повинны, не правда ли? А ведь и мы молчали? Разве мы могли заговорить? Ведь мы тогда себе самим повредили бы...

— Вот это самое мне и было нужно. По-вашему, этот человек не пожелал рассказать, при каких обстоятельствах он встретил где-то в парке черно-белую змею — змею, которая выползла из запертой комнаты мадам Лаваль, что доказывает, что она снова вылезла в «сердечко» ставни, так как все двери комнаты были отперты только утром. Кого вы подозреваете?

Лефевр отчеканил:

— Из замка — никого.

— Потому что, первым делом, это бросилось бы в глаза. Подумайте сами: кроме слуг, истинно преданных и которых я всех знаю за людей спокойных, было всего двое мужчин: господин Гюи Лаваль и господин Лионель де Праз, муж и племянник мадам Лаваль...

— Этого еще недостаточно для того, чтобы их исключить, — сказал посетитель. — Господин Лаваль вполне мог встать среди ночи и предаваться какому-нибудь таинственному занятию. И господин де Праз тоже. Первый, может быть, и не был занят здоровьем своей жены; а второй, восемнадцатилетний херувим, напротив, может быть, и прислушивался сквозь ставни к дыханию своей тетки. Сомнительно, я согласен. Тем более, что ни мадам де Праз, ни Жильберта не слышали в эту ночь никакого подозрительного шороха... Но прежде всего установим одну вещь: человек в роще был мужчина?

— Могу поклясться, — сказал Лефевр, — хотя в этом нас уверили только уши... Глазами мы его не видали.

— Впрочем, — продолжал полицейский, — здесь замешаны только две женщины: мадам де Праз и мадемуазель Жильберта...

— О! — воскликнула Мари Лефевр. — О них нечего и думать!

— Я думал бы все-таки, из принципа, если б не обладал уверенностью в том, что они всю ночь оставались в комнате, смежной с комнатой мадам Лаваль. Тут у меня неоспоримые доказательства... Но у вас, кажется, только что имелась еще одна причина думать, что человек в роще не был из замка. Какая это «причина»?

Лефевр взглянул на жену. Она покраснела и опустила голову.

— Говорите, я вас очень прошу!

— Ну вот... Я была доверенной моей хозяйки. И... у нее был один... молодой человек, которому она покровительствовала и кем украдкой интересовалась. Он ей писал на мое имя и по моему адресу... Это было доброе дело, клянусь вам! Ничего другого здесь не было! Мадам мне это много раз говорила. Если б не это, я не повиновалась бы ее капризу... Дело шло о молодом мальчишке, который свихнулся, и мадам хотела наставить его на истинный путь...

— Кто это был? Как его звали? — торопливо спросил посетитель.

— Не знаю. Я его никогда не видела. Я передавала письма, как только их получала, вот и все.

— А куда девались эти письма?

— Мадам сжигала их. С тех пор, как она заболела, я сжигала их при ней. Но, так как ей уже трудно было писать, я думаю, что этот молодой человек приехал в Люверси, чтобы ее увидеть в эту ночь... Он уже, наверно, несколько дней жил в деревне. На последних его записках был штампель Люверси...

Посетитель нахмурил брови.

— Все это, — сказал он через мгновение, — все это еще не бросает никакого света на бегство черно-белой змеи. Если кто-нибудь и пользовался ею как живым оружием, — после того, как расширил щель в ящике, чтобы заставить поверить в ее бегство, — кто же это может быть?

Мари Лефевр решила наконец, после очень долгих колебаний:

— Мадам говорила об этом молодом человеке, как о совершенно безнравственном существе... Мне часто приходилось предостерегать ее от него. Но она ничего не хотела слушать. Она говорила о священной миссии, о спасении, об искуплении...

— Мадам Лаваль была очень хороша, не так ли? И взбалмошна и капризна?

— Это был избалованный ребенок, сударь! Сильно увлекающаяся женщина. И очень славная! Она не была создана для такого мужа, как господин Лаваль, который постоянно находился в разъездах. Вот она занималась...

— К несчастью!

— О да! Но знаете, за честность ее я ручаюсь!

Лефевр с многозначительным лукавством покачал головой. Но посетитель так глубоко задумался, что, казалось, вовсе забыл о присутствии супругов.

Мари Лефевр тронула его за рукав.

— Я вам хотела сказать еще одну вещь, — начала она. — Когда я выходила в парк к Лефевру, я всегда старалась закрыть дверь за собой и брала с собой ключ.

— Это не имеет никакого значения. Были другие двери и другие ключи. Самое важное — где письма... где они?

— Какие письма? — спросил Лефевр.

— Те, которые мадам Лаваль посылала неизвестному. Что он с ними сделал?

И, схватившись за виски, он облокотился на стол и погрузился в бездну предположений.

Эта поза, мало похожая на позу полицейского, поразила Лефевра:

— Виноват... Я забыл спросить у вас вашу карточку... Карточку из префектуры...

— У меня ее нет. Я работаю как любитель, за свой счет. Это дело меня особенно интересует.

Лефевр вскочил:

— Да как же так! Как же так! Это неправильно! Кто вы такой? Я хочу знать, кто вы такой!

Посетитель не шевельнулся. Он продолжал мучительно сжимать свои виски.

— Ваше имя! Ваши бумаги! — требовал Лефевр.

Вынырнув наконец из своей тяжелой задумчивости, пришедший вынул из внутреннего кармана туго набитый бумажник.

— Бумаги? Вот вам, получите!

На столе оказались две бумажки по пятьсот франков.

Муж и жена переглянулись в полном согласии друг с другом.

— Что вам подать? — спросил Лефевр. — Белого вина?

— Ничего. Мерси.

Его глаза блуждали и вдруг остановились на одной точке стены, где висел на гвозде старый, своеобразного вида ключ.

Он встал из-за стола и подошел к стене, чтобы лучше рассмотреть любопытный предмет.

— Это ключ от погреба, — сказал Лефевр.

— Ого! Какая старина! — залюбовался сыщик. — Семнадцатый век, эпоха Людовика XIII.

— Вы знаток в этом деле? — учтиво спросила Мари Лефевр, опуская глаза на кредитные билеты, которые держала в руках. — Если вы, сударь, хотите получить этот ключ, мы можем обойтись без него... Сделаем новый..

— Я, может быть, куплю его у вас когда-нибудь, — прошептал гость.

Либо он не мог оторваться от своих мыслей, либо на него подействовала какая-нибудь другая причина, но он произнес эти слова таким странным и таинственным тоном, что Лефевры не смели настаивать.

Он заметил это.

— Эта драма в Люверси — страшно запутанная история. И я предчувствую, что мне придется отказаться от нее, я не сумею ее разъяснить...

— У вас ужасно опасное ремесло! — сказала женщина. — Господи! Я бы ни за что этим не занималась!

— Да, мадам, очень опасное. И временами окружающий вас мрак так ужасен, что начинаешь бояться...

— Вы боитесь? — спросил лукаво Лефевр. — Но ведь змея же издохла!

— Да, — сознался посетитель. — Но жив ли убийца, который ею воспользовался? Я с ужасом спрашиваю себя о его имени!

Он несколько раз повторил «с ужасом» «с ужасом». Потом, выйдя из своего оцепенения, поблагодарил Лефевров и медленно пошел по улице.

— А ключ вам не нужен? Может быть, сохранить его для вас?

Он обернулся на эти слова, поколебался немного и решил:

— Нет, не нужно. Я...я не покупаю ключей, мадам.

И он ушел.

* * *

Первый поезд увез его в Париж. Но он вышел в Мо, где довольно далеко от вокзала его ждал автомобиль, имевший вид кабриолета.

Глава XIII. Татуировка Жака Морейля

Лионель де Праз без всякой задней мысли зашел к Жану Морейлю сразу же после того, как вернулся кабриолет, покрытый белой пылью. Жан Морейль интересовал его теперь только как Фредди. Ему надо было добраться до ночного Жана Морейля. Какое отныне имели значение жесты и действия дневного Морейля? Тот другой, был во сто раз более уязвим.

Лакей, впусивший его, сказал, что Жан Морейль только что приехал на автомобиле и что он переодевается.

— Скажите ему что я здесь, — ответил Лионель.

Его ввели в изящную библиотеку, окно которой выходило во двор, где шофер обливал водой машину

Жан Морейль вошел в библиотеку в широкой пижаме, облегающей стройный стан молодого человека.

— Не стоило беспокоиться, — извинялся Лионель, — Я подожду бы, пока вы будете совсем готовы...

— Что нового? — спросил Жан Морейль, крепко пожимая руку графа.

— Ничего. Я проходил мимо. Мне пришло в голову захватить вас с собой. Вы, конечно, помните, что у нас сегодня в доме намечается?

— Как мог бы я забыть! Вам не скучно будет меня подождать? Каких-нибудь четверть часа?

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогой друг!

— Я только что приехал из Лио.

— Работа в архиве, о которой вы мне говорили? Ну, как ваша книга? Подвигается?

— Понемногу.

Лионель заметил, что Жан Морейль был, как с ним часто случалось, рассеян, то есть в таком состоянии, когда ему ужасно трудно было сосредоточиться на чем-нибудь определенном. С тех пор, как граф де Праз начал изучать явления «переменного сознания», он вполне основательно искал причины задумчивости Жана Морейля в смутной и мучительной тревоге, которую ему причиняла другая «Личность». Если бы он присутствовал в лавке при разговоре супругов Лефевр, то дальнейшее еще больше убедило бы его в этом.

— Невесело? — спросил Лионель. — Черные тучи?

— Ба! У кого нет забот?

— Вы не нашли того, что искали?

— И да, и нет... — сказал Жан Морейль. — Пожалуйста, вот папиросы. Хотите книжку? Вон там записки о верховой езде Сен-Фаля с эскизами...

— Давайте, давайте, — согласился Лионель.

Жан Морейль вытянул вверх руку, стараясь достать том, находившийся в шкафу на самой верхней полке. При этом движении широкий рукав пижамы спустился до локтя... И Лионель заметил татуированную змею на руке Морейля. Последний сейчас же увидел, что Лионель заметил змею, и счел бесполезным скрывать ее.

— Черт возьми! — сказал он, бледнея. — Вы узнали мою тайну...

— Какую именно? — воскликнул Лионель игривым тоном. — Вот эту татуировку? Я ведь не Жильберта, я не испугаюсь.

— Один японский художник захотел как-то показать свое искусство во время моего кругосветного путешествия...

— Давно?

— Мне было семнадцать лет. Тогда это было в моде. А теперь я нахожу, что это идиотство, и если бы я мог тогда предвидеть, что моя невеста будет ненавидеть змей... Я вас прошу об одной услуге...

— Какой? Согласен наперед.

— Я вас прошу не говорить Жильберте об этой неприятной татуировке. По крайней мере до тех пор, пока я не уничтожу ее; это дело хирурга, эти маленькие операции производятся очень легко.

— Понятно! Понятно! Я ничего не скажу! Но чего вы ждете? Давно надо было освободиться от этого. Ведь вы знаете, что Жильберта не выносит змей...

— Я надеялся, что вылечу ее от этого. Я рассчитывал, что мне удастся прогнать у нее этот страх раньше чем через месяц...

— Каким образом?

— Я был уверен, что найду змею Люверси живой или мертвой. Я вбил себе в голову эту мысль. И вот...

Лионель слушал его с напряженным вниманием:

— И вот?

— Я чувствую, что совершенно не в силах выполнить эту задачу. Не знаю, почему. Она мне надоела... Она мне противна. Словом, хоть я и знаю вполне определенно, что змея издохла, я отказываюсь найти доказательства этого, что, впрочем, нелегко сделать...

— Издохла, это очевидно, — заявил Лионель.

— Я постараюсь, чтобы Жильберта разделила со мной эту уверенность. Но большего вы от меня не должны требовать.

— Странно! — удивился Лионель, который старался скрыть смутение

своих чувств. — Странно! Вы — человек ключей и ламп!..

— Да, действительно, странно... Я не могу этого объяснить. Я подчиняюсь этому, вот и все. Впервые в жизни такое отвращение мешает мне удовлетворить мое желание... Не будем больше говорить об этом.

— Рассчитывайте на меня. Я молчу — сказал Лионель. — И разрешите мне, — продолжал он, — пожалеть о том, что эта история в Люверси все еще остается предметом ужаса для Жильберты (для одной Жильберты). Ибо, не правда ли, вы сами, как и мы все, за исключением одной Жильберты, говорим змеи больше нет! И я не думаю, чтобы в этой трагедии были какие-нибудь таинственные осложнения... Вы этого тоже не думаете?

— Нет нет, я этого не думаю! — сказал с силой Жан Морейль.

— Жильберта была очень взволнована одним разговором... Вы ей рассказывали об укротителях змей... Она на одну минуту допустила мысль, что какой-нибудь преступник... мог направить змею... в комнату моей бедной тети...

— Фантастическая мысль, которую я постараюсь рассеять, потому что мы имеем все — слышите — все доказательства того, что никто в ту ночь не подходил к этой комнате, закрытой герметически, если не считать двух «сердечек» в ставнях. Все, не правда ли?

— Все, совершенно верно, — миролюбиво повторил Лионель. — Или придется допустить существование сверхъестественной бесшумной особы, которая направила бы змею, не производя ни малейшего шороха, то есть, вернее, никакого шороха...

— Не станем терять время на поиски вчерашнего дня. Примем факты во всей их простоте.

— Однако, — упорно настаивал Лионель, — эти самые факты, при всей их простоте, пугают вас...

— Не будем преувеличивать! Это дело внушает мне...только отвращение, больше ничего...

«Гм!» — подумал Лионель и сказал вслух:

— Во время вашего путешествия по Индии вы, кажется, сами научились укрощать змей...

— Это очень несложно.

Но за этим наступило молчание, во время которого Лионель, окутывая себя синим благоухающим дымом английской сигары, сделал вид, что рассматривал книжки в шкафу. Вдруг он легкомысленно и беспечно спросил:

— Вы никогда не были в Люверси?

Ответа не последовало, и он, быстро сделав полуоборот, воскликнул:
— А? Вы опять в стране мечтаний?.. Слушайте, Морейль!..

Он решил не повторять своего вопроса относительно Люверси: повторение подчеркнуло бы значение этого вопроса. Ответ, впрочем, был известен. Конечно, это будет: «нет». И, действительно, если даже Жан Морейль и был в долине Шеврез под видом Ужа-Фредди, он не мог помнить об этом. Эти ночи могли оставить в его душе лишь неуловимый след, подобный остаткам тех кошмаров, о которых не знаешь, снились они когда-нибудь или ты их сам вообразил...

— Мы опоздаем, — отрезал неожиданно Жан Морейль. — Мы поговорим еще об этом. Я побегу одеваться... Простите...

— Пожалуйста! — сказал Лионель.

Глава XIV. Маккиавелистический проект

Когда Жан Морейль и Лионель де Праз вышли из такси у ворот особняка в Нейли, прием гостей еще не начался. Мадам де Праз делала последние приготовления. Жильберта, собравшая вокруг пианино негров джаз-банда, отчаянно забавлялась тем, что исполняла свою партию в последнем модном шлягере. Этот бесенок, эта нимфа, розовая от счастья, пела и играла, почти подплясывала на своей табуретке в такт сногшибательной американской песне, в то время как вокруг нее пять черных рож сияли от радости, заражая весельем других.

Лионель и Жан Морейль боялись прервать пленительную какофонию. Жан Морейль смотрел на эту сцену с удовольствием. Лионель, схватив в объятия терракотный бюст, пустился в дикую пляску со своей импровизированной танцовщицей.

Все окончилось всеобщим гомерическим хохотом. Мадам де Праз высунула свое водянистое лицо.

— Жильберта!

— Я! — ответила девушка.

Мадам де Праз взяла под руку с одной стороны Жильберту, с другой — Жана Морейля и увлекла их в соседнюю гостиную.

— Дети мои, мне придется с вами поссориться... Жильберта мне сказала, что вы назначили день вашей свадьбы на второе июня. Но ведь это неразумно! Слишком рано! Ведь я не успею все приготовить! Вы не знаете, что это значит! Дайте мне, по крайней мере, хоть еще две недели! Ну, скажем, до 25 июня, согласны?.. Доставьте мне это удовольствие!

Она удержала в своей руке руку Жильберты, которая высвободила ее с гневной гримаской:

— Нет, тетя, это будет второго июня!

Мадам де Праз взглянула на смущенного Жана Морейля.

— Второго июня я не могу! — простонала графиня. — Или все будет неудачно! Эта свадьба должна быть необыкновенно удачной. Я за это отвечаю. И она будет такой, я этого хочу!

— Удачно или неудачно, а это будет второго июня! — упорствовала Жильберта.

— 25 июня, — заметил Жан Морейль, — неудобно... Мы предпочитаем второе, мадам.

Мадам де Праз настаивала на своем:

— Вы неразумны и просто недобры ко мне. Я у вас прошу всего две недели...

— Да ведь я же свободна, наконец! — воскликнула Жильберта язвительным тоном.

Жан Морейль сделал умиротворяющий жест. Но мадам де Праз встала на дыбы.

— Свободна?.. Ты совершенно забываешь о том, что эти две недели я могу у тебя потребовать. Я могу отсрочить твоё венчание на сколько я хочу...

Жильберта прошептала:

— Вы это способны сделать, тетя?

— Полно, полно, прошу тебя! — вмешался Жан Морейль.

— Конечно, нет, я этого не сделаю! — сказала мадам де Праз, вдруг смягчившись. — Но ты говоришь со мной так резко... Подойди, я поцелую тебя, детка! О, не плачь, не плачь, только не плачь!.. Слушай, слушай, Жильберта, если хочешь, мы с тобой заключим договор... Ты знаешь, как мне хочется, чтобы ты вернулась в Люверси. Ну вот, сделай над собой усилие, побори своё болезненное предубеждение, обещай мне поехать туда... Мне так хотелось бы отпраздновать твою свадьбу именно там! Это было бы так хорошо, так семейному! В Люверси ты у себя дома... Там покоится твоя мать... И это так близко от Парижа, у нас будет много гостей... Согласись хотя бы только сделать попытку... Поедем в Люверси на этой неделе, Жильберта, и я соглашусь на второе июня!

При первых словах мадам де Праз Жан Морейль вздрогнул. Однако он выслушал её до конца с дружеской улыбкой на лице.

— Я не согласен на то, чтобы Жильберта насильствовала себя... — начал он.

— Вы клянетесь мне, — сказала Жильберта тетке, — вы клянетесь мне в том, что, если я поеду в Люверси, больше не будет разговоров об отсрочке венчания?

— Клянусь! — заявила графиня с нежным материнским выражением в голосе. — У меня от этого прибавится работы, но я, по крайней мере, получу удовлетворение, что исполнила свой долг в отношении Люверси... Твоя мать всегда думала, что ты повенчаешься там...

— О, венчаться там! Нет, ни за что! Я только поеду туда, потому что вы этого требуете. Но только один раз, один-единственный!

— Ба! Больше мне ничего и не надо. Только первый шаг труден. Ты, может быть, сама решишь поселиться там недельки на две...

— На это даже не рассчитывайте!

— Поедем в четверг, согласны?.. Месье Морейль... А! Месье Морейль уже на луне... В четверг, в Люверси, в авто, согласны?

— Да... Да, конечно, мадам... В четверг утром?

— Конечно, — сказала Жильберта. — Чтобы успеть съездить туда и назад!

— Скверная девчонка! — сказала мадам де Праз, грозя ей пальцем.

— Видно, я вас очень люблю, тетя, если соглашаюсь на ваши условия!

— Я думаю, что если бы ты очень, очень любила кого-то...

Джаз-банд, загремевший по знаку Лионеля, приветствовал появление первого автомобиля у подъезда и заглушил ее слова.

Голос Жильберты слился с патетическими звуками саксофона.

— Итак, тетя, кончено: второе июня! Я сообщу об этом всем, всем!

— Да, да! — крикнула мадам де Праз, направляясь к входу в гостиную

Но, вспомнив о чем-то, отступила на шаг назад и сказала Жану Морейлю:

— Ах, чуть не забыла! Мы сегодня увозим вас с собой в театр. У меня ложа в Одеоне. Идет «Прокурор Галлерс». Вы знаете, наверное, это — возобновленный спектакль...

— Матап, — сказал Лионель. — Гости валом валят..

Мадам де Праз пожала плечами в знак неодобрения и поспешно вышла.

* * *

Праздник был в самом разгаре, и Лионель улучил минуту для того, чтобы отвести в сторону мать:

— Разве вы придаете такое значение возвращению Жильберты в Люверси?

— Нет, конечно! Но мне хотелось выиграть время и отсрочить свадьбу. Я слишком неловко за это взялась. Когда я увидела, что мне придется уступить, я просто придумала способ, не слишком похожий на капитуляцию. Ну вот, я и подсунула это Люверси. Долг платежом красен. И честь спасена. Впрочем, у меня и тут есть идея...

— Мне так показалось... Я не настаиваю... Я хотел только с вами поговорить. Два слова. У меня только что произошел интересный разговор с Жаном Морейлем у него дома...

И Лионель рассказал об инциденте с татуировкой и обо всем, что за этим последовало, обращая ее внимание на загадочный страх, который Жан

Морейль испытывал ко всему, что касается драмы в Люверси.

Мадам де Праз слушала нетерпеливо.

— Я вовсе не отрицаю того, — сказала она, — что в его образе мыслей что-то такое кроется. Но что именно? По-моему, работать в этом направлении надо слишком долго, и это трудно, чревато случайностями. А время не ждет. У нас всего месяц до свадьбы, вот что важнее всего. Нужно действовать самым быстрым, самым решительным образом. Надо пустить в ход все средства, чтобы помешать этому браку. Я трезво взвесила наши шансы. Я убеждена, что мы в настоящую минуту должны пренебречь выяснением роли Жана Морейля в смерти твоей тетки (если он даже играл в ней какую-нибудь роль, это еще надо доказать), и наш план должен состоять в том...

— Говорите!

Мадам де Праз удостоверилась, что никто не может их услышать. Они стояли в амбразуре окна. Кругом царило большое оживление. Звуки джаз-банда терялись теперь во всеобщем гуле разговоров, криков, смеха. Жильберта была центром внимания. Официальное сообщение о помолвке сделало ее кумиром, на которого полились поздравления, пожелания, нежность, улыбки, влажные взгляды... Графиня де Праз превращалась уже в бедную родственницу, которая сразу отойдет в тень, как только передаст связку ключей «жене Жана Морейля»...

Мадам де Праз воспользовалась всеобщим оживлением, чтобы совершенно свободно изложить сыну свой проект.

— Лионель, когда ты мне рассказывал о своем посещении префекта полиции, разве ты не обратил мое внимание на одну фразу... Разве префект не считает Жана Морейля-Фредди погибшим человеком, который снова может упасть на дно, стоит его только подтолкнуть?.. Не станем заходить так далеко и думать, что он мог убить. Но что он может украсть, это мне кажется весьма вероятным...

— Я вас понимаю. Нам нужен вор. Заставить его украсть, не так ли? Это чудесный план. Я об этом уже думал, будьте покойны.

— Да, сделать из него опять того, кем он был раньше. А если не был, то ввести его в это состояние! Мальчик мой, второе июня требует того, чтобы Уж-Фредди снова сделался взломщиком. Только в этом случае можно расстроить свадьбу.

— Помните, Жильберта страстно его любит и будет надеяться на его исцеление...

— Так или иначе, а свадьба будет отложена. Я уж позабочусь об этом, будь покоен. Ведь это будет не только мой долг, но и мое право. И тогда мы

сможем действовать как нам вздумается. Впрочем, я женщин знаю... Достаточно увидеть, что любимый человек превратился во взломщика или развращенного маньяка, чтобы к нему остыть!..

Лионель был ошеломлен. Он и до этого преклонялся перед энергией своей матери. Он знал ее сильный и властный характер, внезапно развертывавшийся под напором обстоятельств. Им овладело чувство дисциплины. Он был готов исполнять ее приказания.

— Что мне надо делать?

— Пусть Обри познакомится поближе с Ужом-Фредди. Пусть поскорей войдет к нему в доверие. И пусть его искусит. Пусть научит его, совратит. Для этого достаточно нескольких дней. Когда ему покажется, что он готов, что он достаточно созрел для подходящего случая, мы создадим этот случай.

— Полагаете ли вы, что я сам должен в это вмешаться?

— Лично — нет. Жан Морейль не знает Обри. А ты ему знаком. И, по моему, лучше не играть с огнем. Достаточно какого-нибудь слабого воспоминания, маленького контакта в памяти обеих личностей, и для нас все будет кончено.

— У нас есть противник...

— Человек, о котором говорил префект? Тот, кто наблюдает за тем, чтобы Фредди не скомпрометировал Жана Морейля? Я об этом думаю. Важно узнать, кто это, и действовать на его протекже без его ведома. Ты имеешь какое-нибудь понятие, кто этот скрытый ангел-хранитель?

— Никакого. Префект на эту тему был весьма лаконичен, а Обри не успел еще хорошенько обследовать ночную жизнь Ужа-Фредди.

— А Ява?

— Пока ничего о ней не могу сказать. Но с этой стороны я не предвижу препятствий. Это одна из тех девушек, для которых идеал — быть рабыней какого-нибудь циркового героя. Не думаю, чтобы ее интересовало преступное прошлое Ужа-Фредди или чтобы ей необходима была его незапятнанная честь. Скорее напротив...

— Было бы, однако, важнее, — сказала мадам де Праз, — чтобы Обри не держал ее в курсе своих намерений, и лучше пусть он действует тайком.

* * *

Лионель издали следил за танцующими Жаном Морейлем и Жильбертой. Его воображение рисовало ему синюю змею на руке

обнимавшего ее молодого человека.

— Если б она знала! — прошептал он.

И Лионель представил себе Жана Морейля не в костюме от английского портного, а в фуражке, без воротника и галстука, в холщовых башмаках — того Жана Морейля, которого он видел крадущимся в темноте ночи. Светское танго превращалось в вульгарную пляску, Жильберта принимала образ Явы...

— Если б она знала! — повторил он, глядя на мать с выражением нездоровой радости.

— Будь покоен! — уверила мадам де Праз. — Она узнает!

Слушая эти слова, Лионель не мог оправиться от изумления.

— Но ведь вы ее любите! — воскликнул он.

— Конечно. Но я прежде всего мать. А потом, разве я стараюсь не о ее счастье? Раз ответственность за ее будущее на мне, разве я могу отдать ее какому-то сумасшедшему который проводит ночи в кабаках?

Лионель сознавал, что это так, хотя все-таки был смущен той душевной легкостью, с какой мать приносит ему в жертву счастье Жильберты. Он не сомневался в том, что она точно так же принесла бы ему эту жертву, если б Жан Морейль оказался совершенно безупречным. Перед ним был поразительный пример материнской любви, выродившейся в страсть, в которую некоторые женщины вносят всю неистовую пылкость, всю исключительность большой любви.

— Ты не танцуешь? — спросила мадам де Праз.

— Да... — ответил задумчиво Лионель. — Я вспомнил о том, что Жан Морейль обедает с нами. У меня больше не будет случая с вами поговорить до театра. Вы мне ничего не скажете по этому поводу? Я полагаю, что вы прибегаете тут к гамлетовскому приему?

Он улыбнулся своему удачному намеку.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вы не помните? Значит, вы подражаете Шекспиру, сами того не сознавая. Ну, тапан, давайте обновим ваши классические знания... Гамлет подозревает королеву-мать и короля-отчима в том, что они убили короля-отца. Он приглашает их на импровизированный спектакль, в котором приезжие комедианты разыгрывают сострепанную им пьесу — пьесу воспроизводящую предполагаемое убийство. Королевская чета смущена, выдает себя; Гамлет, наблюдающий за ними, прикрываясь веером, испускает неистовые крики, и преступники обнаружены!

— Но в «Прокуроре Галлерсе» нет никакого убийства и ничего такого, что близко или отдаленно напоминает смерть твоей тетки...

— Да, но вы не поняли меня, не правда ли?

— Сказать по правде, вот почему я решила показать Жану Морейлю этот спектакль, изображающий его случай: я хотела знать, насколько глубоко это его волнует. Мне нужно определить, сильно ли мучает его вторая личность? Ибо нет сомнений в том, что он временами впадает в тревожное состояние. Эта задумчивость, мечты, не говоря уж об альбоме... Если обе его памяти хоть чуточку между собой сообщаются, как это иногда бывает, этот факт нам будет в высшей степени полезен...

— Для чего?

— Для... Ну, не станем разбирать всевозможных случайностей. Если они представятся, мы всегда успеем сделать из них надлежащие выводы. Строить предположения на предположениях мне всегда казалось разумным, но при условии, что останешься на намеченном пути и не теряешь времени на обдумывание всяких мелких «если». Впрочем, мы слишком долго болтаем, мой мальчик. Не надо давать повода к подозрениям. Иди танцевать, иди!

* * *

Когда Лионель с той шумной веселостью, которая создавала ему репутацию души общества, оказался в кругу обнявшихся парочек, Жильберта и Жан Морейль, заканчивая свое танго, обменивались редкими словами.

— Что делать, я нахожу такую систему вредной. Как при всяких нервных болезнях, здесь надо применять медленное лечение...

— Я лучше соглашусь на это, чем буду откладывать до 25 июня!..

— Это очень мужественно с вашей стороны, и я вам за это благодарен выше всякой меры. Но, я повторяю, это неразумно...

— Вы пугаете меня, Жан... Мне нужна храбрость, а можно подумать, что вы стараетесь у меня ее отнять! Одним словом, скажите, Жан: до сих пор вы были убеждены, что черно-белой змеи нет в живых... Неужели вы переменили мнение? Вы от меня что-нибудь скрываете?..

— Нет!

— Мне почему-то странно, что вы так об этом говорите! В ту минуту, когда ваша помощь мне более всего нужна, вы меня ее лишаете! Я согласилась ехать в Люверси только оттого, что ваша уверенность... меня успокаивала. И в тот момент, когда эта уверенность начинала жить во мне... я уже не нахожу ее в вас...

— Клянусь Жильберта...

— Нет нет! Я теперь уверена, что вы только притворялись, чтобы внушить мне доверие, пока не было и речи о возвращении в Люверси... А теперь вы как будто сами чего-то испугались... Так испугались, что никогда еще Люверси не внушало мне такого ужаса.

— Я в восторге от этого!..

— Как!

— В восторге. Если так, мы останемся там на самый маленький срок, чтобы только исполнить ваше обещание, и вы не вернетесь туда раньше, чем ваши нервы сами собой успокоятся, что я считаю самым существенным.

— Жан, все, что вы говорите, правда? У вас нет другой причины, более существенной, заставляющей вас опасаться за вашу Жильберту и за ее пребывание в Люверси? Жан, вы так мрачны с недавних пор! В ваших глазах тревога!.. Будьте откровенны!

— Другая причина? То есть, знаю ли я, жива или нет эта змея? Ну хорошо, дорогая! Ведь вы знаете, что я хочу ограничить наши посещения усадьбы Люверси этой прогулкой, назначенной на четверг, а потому разрешите мне пока оставить вас в неизвестности... Позднее...

— О, — возмутилась Жильберта;. — это уж слишком!

— Я люблю вас! — нежно сказал он.

Но она, совершенно сбитая с толку думала: «Неужели мы теперь оба боимся этого Люверси?»

Глава XV. В Одеоне

— Не забудьте ваш веер, тапан! — сказал Лионель.

Он развернул веер и глядел на мать, как глядит Гамлет, принц датский, со всех подмостков мира на свою недостойную мать и гнусного отчима.

Автомобиль уносил всех четверых в далекий театр на левом берегу Сены.

— «Прокурора Галлерса», — сказал Жан Морейль, в тот день более словоохотливый, чем всегда, — я видел в первый раз в театре лет пять или шесть тому назад.

— Ах! — воскликнула мадам де Праз. — Вам эта пьеса знакома? Отчего же вы сразу не сказали?

— Можно посмотреть эту драму еще раз, — сказал Жан Морейль, обходя вопрос. — Это — довольно значительное произведение по своей строгости, своему холодному, даже почти научному реализму. Но, конечно, пьеса изображает «раздвоение личности» в том виде, в каком его себе представляли психиатры того времени. В настоящее время, если не ошибаюсь, в медицинских кругах это явление считают симуляцией, на которую обычно способны неврастеники. Теперь преобладает мнение, что «переменное сознание» близко к «симуляции», и указанное мнение лишает это явление того значительного характера, которое оно принимает у прокурора Галлерса. «Переменное сознание» в таком виде, как оно показано в пьесе Линдау, самое ужасное бедствие, какое только может свалиться на голову человека; я до сих пор помню то сильное впечатление, которое на меня когда-то произвела эта драма. Я был еще довольно молод. В течение нескольких дней я не мог освободиться от этой навязчивой идеи... Даже воспоминание об этом тяжело. Странно! Для того чтобы говорить об этом, я должен над собой сделать усилие. Я стыжусь этого и никогда никому в этом не признавался!

Лионель украдкой переглянулся с графиней.

— В общем, — сделала вывод мадам де Праз, — вы не верите в то, что личность может раздвоиться?

— Так, как это понимают в житейском смысле или как неврологи об этом думали еще недавно, — нет! Они приняли слишком категорическую позицию. Они не признавали «симуляции», которую находишь в основе стольких психозов, когда даешь себе труд рассмотреть их внимательнее.

— Значит, вы отрицаете то, что человек может жить в двух видах,

например: ночью в одном, днем в другом, как этот прокурор Галлерс...

— ...как этот прокурор, который жил только на сцене! — дополнил Жан Морейль.

— Согласен! — сказал Лионель. — Но банкир Вильямс ведь существовал в действительности; он вел две совершенно различные жизни...

— Не надо смешивать! Это слабость памяти, и ничего другого!

— Ну а все примеры, приведенные Тэном, Рибо и т.д.?

— Старые заблуждения! Недостаточно строгие наблюдения!

— Однако, однако... Я, дорогой друг, знаю один такой случай... Необыкновенный случай, аналогичный случаю «Прокурора Галлерса», до такой степени схожий, что можно подумать, что эта пьеса и внушила этому субъекту бессознательное желание раздвоиться.

— Это меня несколько бы не удивило, — сказал Жан Морейль. — Судя по тому эффекту, который эта пьеса когда-то произвела на мою молодую впечатлительность, я легко могу допустить, что она могла бы вызвать у кого-нибудь и полубезумие. Но теперешние теории не подтверждают этого!

— Особа, на которую я намекаю, — продолжал Лионель, — ведет себя точь-в-точь так, как прокурор Галлерс, и она исповедует ваши теории, несмотря на то, что представляет собой живое подтверждение их лживости!

Жан Морейль рассмеялся.

— Вы смеетесь, как человек, который не слишком уверен в своей правоте, — сказал Лионель. — Я очень жалею, что не могу назвать имя моего «субъекта»...

— Неважно! Признаюсь, эти вопросы давно уже перестали меня интересовать...

Но физиономия Жана Морейля опровергла его слова, и мускулы его лица выражали усилие что-то вспомнить.

Надо сознаться, что развернувшиеся перед его глазами четыре акта драмы не вызвали в его душе ничего, кроме самого нормального интереса. Мадам де Праз сидела впереди с Жильбертой. Но Лионель подстерегал каждый жест, каждое движение лица своего соседа. Он заметил только, что Жан Морейль удваивал свое внимание каждый раз, когда Жемье, игравший роль Галлерса, изображал мучения прокурора, осаждаемого каким-то смутным страхом и по разным необъяснимым, неосязаемым признакам чувствующего, что его окружает тайна.

Испытание, следовательно, не дало ничего определенного.

В отместку за это мадам де Праз и ее сын, намерения которых нам известны, были вознаграждены взволнованным видом Жильберты. Для нее ужасные перевоплощения чиновника-бандита были откровением в области этих тяжелых, чудовищных явлений.

— Ужасно! — сказала она. — Ужасно!

И эти слова были сладкой музыкой для ее тетки и кузена.

«Жан Морейль, мой мальчик, ты пропал!» — думал Лионель.

Граф де Праз понимал, что вечер не даст больше никаких результатов и в последнем антракте вышел с намерением вернуться в ложу только при финальных репликах, когда Галлерс, исцеленный скорее театральным, чем клиническим, методом, навсегда расстается со своей второй личностью.

* * *

Лионель вышел и в двух шагах от Одеона встретился с Обри, которому и сообщил маккиавелистические инструкции матери.

Хитрый привратник, со своей стороны, рассказал о неудачных поисках, касающихся красавицы Явы.

Он отправился днем в меблированные комнаты, где она жила. При этом Обри взял себе в помощь знакомого тайного агента полиции, чтобы воспользоваться его престижем и карточкой.

Ява разговаривала с хозяйкой «меблирашек». Обри попробовал вмешаться в разговор. Но девица выказала неприступность. Было неловко настаивать. «Укротительница змей», как ее называли в квартале, почти сейчас же вышла, захватив свою шоколадную собачонку и рыжий чемодан.

Увидев карточку полицейского, хозяйка оказалась более словоохотливой. Но Фредди и Ява жили там с недавних пор, и она о них ничего не знала.

— Знаете, — сказала она, — такие люди никогда долго не живут в одном и том же доме. Они вечно кочуют. Живут месяц, два, не больше... Потом снова возвращаются... Эти двое держатся вполне прилично. Платят аккуратно. Работают. По крайней мере, так кажется. Женщина показывает змей; мужчину никогда днем не видеть.

После этого она показала обоим посетителям домовую книгу.

Обри сделал оттуда выписки. Он вынул из кармана записную книжку и прочел имя, под которым Жан Морейль был прописан в этом доме:

— Баскар, Альбер, Леон, поденщик, рожден в...

— Мимо! — сказал Лионель. — Какой интерес в этом фальшивом

имени!

— Ява записана... Аррегюи, Мари-Луиза, Эрнестина, Адриеннь...

— Неинтересно! Неинтересно!

— Мой друг из тайной полиции предложил мне собрать сведения от прислуги «меблирашек»; я сказал, что дам ему ответ...

Лионель, подумав немного, решил:

— Напротив, рекомендуюте ему оставить Фредди и Яву в покое. Не надо им давать ни малейшего повода думать, что за ними наблюдают. Это помешает одному моему проекту, который я вам сейчас изложу. Мы хотим, чтобы Фредди совершил кражу, грабеж и при таких обстоятельствах, чтобы Жильберта в этом не сомневалась. Вы поняли, Обри?

— Прекрасно понял, граф, — сказал привратник, дьявольская рожа которого засветилась удовольствием.

— Мы рассчитываем на вас, Обри, — продолжал Лионель. — Вы приведете этого человека в нужное состояние, Познакомьтесь с ним...

— Понял! — заявил тот, блестя глазами. — Я уж «настрою его сознание», обещаю вам.

Это выражение «настрою сознание» удивило Лионеля де Прази. Он пристально взглянул на Обри и не мог не удивиться его безобразию, сквозь которое в этот момент, словно пот, пробивалась злоба.

Обри приготовился к посещению бара для того, чтобы выполнить там свое ремесло шпиона. Он надел специальный для этой цели костюм, который вводил его в среду Фредди-Ужа. И, действительно, никому не захотелось бы при свете луны на пустынном тротуаре столкнуться с этим висельником и продувной бестией, которого еще больше безобразила отвратительная улыбка.

— Обри, вы великолепны! — расхохотался Лионель.

Привратник так пошло ухмыльнулся, что граф де Праз возмутился, точно ему было нанесено оскорбление. Он высокомерно спросил:

— Ведь мне теперь бесполезно сторожить перед домом Жана Морейля?

— Совершенно бесполезно, граф. Господин Морейль каждый вечер приходит или в бар, или в меблированные комнаты. Там я справляюсь один, а господин граф может быть свободен.

— Хорошо. Но это еще не все, Обри. Еще остается «добрый гений», знаете? Тот неизвестный, на обязанности которого лежит удерживать Жана Морейля на стезе добродетели...

— Да, господин граф.

— Ну вот, надо узнать, кто это. Вы ведь понимаете, что эти глаза будут

за вами следить, когда вы приблизитесь к вышеназванному Фредди! Вы понимаете, что все ваши маневры будут выслежены и, вполне возможно, даже отражены. Берегитесь, чтобы вас не провели! И прежде всего узнайте, кто это может сделать.

— Понял, господин граф!

— Итак, прощайте, Обри! Желаю успеха! Не торопитесь в бар. Ваш Фредди в настоящий момент в Одеоне, в ложе моей матери... Он смотрит последнее действие «Прокурора Галлерса»...

— Надо будет и мне посмотреть эту пьесу в какое-нибудь воскресенье утром, — сказал Обри. — Кажется, она очень душещипательная...

Очувившись на улице, Лионель де Праз набрал полную грудь свежего воздуха с радостью, которую не пытался анализировать.

Пять минут спустя он уже всходил по каменным ступеням, ведущим из вестибюля Одеона к первому ряду лож. Царившие во всех проходах тишина и свет были как-то непонятны и создавали ту странную атмосферу, которая заполняет коридоры, галереи и фойе в то время, когда в зрительном зале публика, погруженная во мрак, слушает говорящих со сцены актеров. Лионель был довольно не глуп и чувствовал всю прелесть этой немой ослепительной картины, это бессознательное удовольствие часто сильнее, чем удовольствие от того зрелища, которое дается на подмостках, ради которого пришли и заплатили в кассе и которое подписано более громкими именами, чем Тишина и Свет.

Лионелю открыли дверь в ложу; сидевшие там в полумраке три существа вместе с ним переживали ту самую драму, конец которой разыгрывался сейчас при свете ramпы под покровительством изобретательного вымысла.

Занавес вскоре опустили. Во время разезда Жильберта бурно высказывала свои суждения.

— Кошмар! Вы знаете, я больна от него, — сказала она Жану Морейлю. — Нет! Подобные вещи наводят ужас!

— Не волнуйтесь. Право романистов и драматургов усиливать нюансы, подчеркивать факты, упрощать их, изолировать от всех остальных, от всего бесконечного ряда жизненных явлений. Они имеют право группировать, объединять одной интригой всевозможные перипетии, которые в обыденной обстановке относятся к нескольким различным историям. И, кроме того, они еще выдумывают, они толкуют это по-своему, словом, уверяю вас, что «раздвоение личности» никогда не представляется в такой абсолютной форме, как здесь, и...

— Ну, ну, Морейль, — говорил Лионель, пока они спускались с

лестницы. — Вы скептик. Совершенно как Галлерс, Морейль, совершенно как Галлерс!.. Вот и все! Будьте искренни. Какой человек может утверждать, что у него не бывает каких-нибудь неясных воспоминаний, наплыв которых переполняет его недоумением и удивлением. И после этого претендовать на то, что...

— Да, — сознался задумчиво Жан Морейль. — Это, пожалуй, верно. Бывает... то, что вы сказали. Но, Господи, Боже мой! Всякий человек испытывает нечто подобное, а между тем не всякий двоится или троится! Не у всякого два или три сознания!..

— Замолчите! — умоляла Жильберта. — Мне кажется, я все еще слышу прокурора Галлерса. И знаете, это совсем не смешно! Особенно когда вы об этом говорите!

Лионель прикусил зубами папиросу, стараясь скрыть саркастическую улыбку, а лицо мадам де Праз никогда еще не было таким непроницаемым.

Глава XVI. Фуркад — ангел-хранитель

Всякий знает, что время — деньги и наоборот, и это справедливо для всех частей света, хотя обычно это выражают только на языке Англии.

Обри, обладавший лишь небольшим количеством времени для того, чтобы повлиять на Жана Морейля-Фредди, получил от мадам де Праз через посредство Лионеля необходимые кредиты с тем, чтобы хорошенько выполнить возложенное на него щекотливое поручение. Как только Лионель вышел, Обри открыл бумажник, переданный ему молодым человеком, со скромностью, которую он сумел ценить. Найденная в нем сумма удовлетворила его вполне.

Притворяясь не то пьяным от большой удачи, не то сорвавшим большой выигрыш, Обри изображал из себя доброго малого, который тратит, не считая, и угощает всех направо и налево. Таким образом ему удалось, как будто совершенно невзначай, усесться за одним столом с Ужом-Фредди.

Фредди ничуть не удивился. Дело простое. Не удивилась и Ява. Прижавшись к плечу Фредди, она молча гладила рукой его волосы, счастливая одним тем, что сидит возле него. Она узнала в Обри человека, который появлялся в «меблирашках», но не видела ничего необыкновенного в том, что встретила в том же квартале с завсегдатаем этого кабака.

Обри делал вид, что очень возбужден, что не может сидеть на месте, и беспрестанно вскакивал и сейчас же снова садился в разных местах у стола. Его гости любезно подставляли ему свои стаканы, которые он каждый раз наполнял щедрой рукой.

Он постарался не оставаться возле Фредди слишком долго. Но те несколько слов, с которыми он к нему обратился, были заманчивы. Они дышали доверием, и какой-то намек, который мог быть истолкован как обмолвка пьяного человека, оставлял в воздухе подозрение о том, откуда взялись расточаемые богатства.

Фредди и Ява слушали его не мигая, с вниманием красивых, хитрых и породистых животных и с той двусмысленной улыбкой, в которой мало успокоительного.

На столе были горы тарелок и тарелочек. Требовали пива, вина, горчицы и корнишенов. Одни из гостей играли в карты, несколько не заботясь о своем хозяине. Другие, чуя добычу, ухаживали за ним с

грубоватым упорством. Обри, трезвый, пронизательный под своим притворным опьянением, наблюдал за ними, особенно за одним.

По виду это был молодой служащий. У него не было товарищей. Несмотря на видимые усилия, которые он делал над собой, чтобы казаться «своим человеком» в этой компании, чувствовалось, что он здесь не на месте. Он мало пил и не курил. Сидя недалеко от Фредди, он все время глядел в другую сторону — деталь, которая не ускользнула от Обри, пожалевшего о том, что ухо не то же самое, что глаз, и нельзя видеть, слушает оно или нет, в то время как всегда можно видеть, глядит ли глаз или нет.

В неподвижном, невыразительном ухе есть нечто, способное вас взбесить. Вы никогда не знаете, что оно делает. Обладает ли оно тончайшим слухом или совершенно глухое, внимательное или рассеянное — этого вы никогда не можете отгадать! Спит ли оно? Вслушивается ли просто в мир звуков? Или из общего гула выбирает какой-нибудь отдельный шепот или звук? Еще животные, туда-сюда! Есть такие — и их много, — у которых ухо напрягается, поворачивается в нужную сторону. Видно, как они слушают. Но человеческое ухо! Отвратительный, дурацкий орган!

Однако молодой человек, старавшийся не глядеть на Фредди, обращал к нему то и дело свое коварное ухо. И некоторое время Обри из всего бара видел только одно: профиль с ухом посередине — профиль, имевший все значение лица — слухового лица — наблюдательного лица, из-за своего центра — уха.

Надо было заставить этого человека заговорить. Обри вспомнил, что видел его здесь же...

Он снова поднялся, дошел до прилавка, где купил папиросы, вернулся и тяжело повалился на стул, который нашел по дороге между блаженным толстяком и человеком с подозрительным ухом: он отодвинулся, чтобы дать ему место. Отодвинулся весьма вежливо. В нем чувствовалось воспитание, это был приличный, благонравный молодой человек.

Обри обратился к нему с грубым добродушием, фамильярно хлопнув его по плечу. Тот старался отнестись к этому благодушно. Но определенно насильствовал себя... Обри заставил его выпить, настаивая на этом с упорством алкоголика.

— Простите меня, — сказал наконец мученик. — У меня, видите ли, нет привычки.

— Тогда, тогда, — бормотал Обри, как будто у него заплетался язык, — зачем вы здесь торчите?

— Понимаете ли, друг мой... я писатель... Хочу собрать материал...

— Хитрый какой! — лепетал Обри. — Ты не трус!.. Ха! ха! Слушайте, друзья!.. Здесь газетчик...

Его не слушали. Его уже давно не слушали. Каждый проводил время по-своему. Фредди и Ява вместе со своей собачкой Бенко готовились уйти. Обри, как будто с трудом, поплелся за ними бормоча:

— У-ухожу... У-ухожу...

— Нет, папаша, ты не пойдешь с нами, — сказала ему Ява. — Ты нам не нужен. Ты слишком пьян.

— Не по-товарищески, — икал Обри, — ах, Фредди, эт-то не по-товарищески, з...знаешь!..

Фредди пожал плечами.

— Иди! — процедил он сквозь зубы. — Вот привязался!

— Фредди! — умолял шпион. — Дай мне руку. Ты ведь мне друг!..

Апаш Жан Морейль равнодушно прикоснулся к его руке и вышел вместе со своей свитой, состоявшей из девушки и собачки. Но Обри обрадовался, зная прочность отношений, завязанных за стаканом вина, когда красное и водка льются в изобилии и даром. Это было хорошим началом.

Можно было быть уверенным, что так называемый писатель последует по пятам Фредди... События подтвердили его предположение. Но, будучи осторожным, Обри отложил на другое время задачу выяснения личности этого желторотого, который, кажется, тоже следил за поступками и движениями Жана Морейля — Ужа-Фредди. И, смущенный этим новым филером, Обри вынужден был остаться на эту ночь при том, что уже узнал.

Проснувшись около девяти часов утра, Обри поспешил отправиться к ближайшему телефону-автомату, чтобы протелефонировать мадам де Праз. У него больше не было денег, и он не столько желал, чтобы ему их дали снова (он мог бы ссудить графиню и своими деньгами), сколько хотел узнать, продолжать ли ему действовать дальше таким расточительным образом.

Мадам де Праз ответила ему, что не надо ни в чем скупиться, что самое важное — как можно скорее прийти к цели и что он может расходовать без счета. Более того, она ни за что не хотела, чтобы Обри брал из своих средств хотя бы самую ничтожную сумму, и просила его зайти в этот день к нотариусу, которому она тут же позвонила и велела приготовить десять тысяч франков. Она дала ему адрес этого должностного лица и справилась осторожно о результатах этой ночи.

Обри хорошо понял смысл ее речей, но никто другой, кроме нее и

Лионеля, ничего бы в них не разобрал, — настолько хорошо мадам де Праз умела затушевать то, что она сообщала по телефону. Ни одного компрометирующего слова! Ни одного собственного имени! Привратнику казалось, что он своими глазами видит ее в суровом кабинете за столом в стиле ампир, нашептывающей осторожные фразы, такие же туманные, как и ее лицо.

Он разговаривал с отменной учтивостью и стоял, смиренно сомкнув носки и кланяясь каждый раз, когда этого требовало глубокое уважение к графине. Когда она повесила трубку, он долго еще стоял и с почтительным видом слушал. Потом отправился по указанному адресу, чтобы получить свои десять тысяч франков.

Над внушительной дверью подъезда ярко сияла медная доска с гербом должностного лица. Обри поднялся по лестнице, толкнул дверь и очутился в зале, где около десятка молодых людей, каждый за своим столом, набрасывали начерно или переписывали начисто деловые бумаги и наводили справки в документах. Он объяснил одному из них, зачем пришел. Его попросили присесть. Он сел и развернул газету.

В это время с шумом открылась низенькая дверь, и молодой человек, самоуверенный и безупречно одетый, спросил властным голосом, явился ли Фуркад.

Один из клерков ответил ему почтительно:

— Нет, Фуркад еще не пришел.

— Скажите ему, чтобы он сейчас же зашел ко мне.

— Слушаю. Но, кажется, кто-то поднимается по лестнице. Это его шаги, так и есть!..

— А, Фуркад! — сказал нотариус, увидев вошедшего.

Обри поспешно закрыл свое лицо газетой, которую держал в руках. Он узнал в Фуркаде того писателя, который «не имел привычки пить».

Нотариус решительно подошел к вышеназванному Фуркаду и тихо спросил его:

— Ну? Ничего нового этой ночью?

— Ничего интересного.

— Хорошо. У вас усталый вид, Фуркад.

— Ах, сударь, есть от чего!

— Хорошо. Отдохните. Приходите утром только для отчета...

Нотариус вернулся в свой кабинет, а Фуркад направился в другую комнату. Это обстоятельство позволяло Обри выйти из здания, не будучи узнаваемым Фуркадом. Войдя в кабинет нотариуса, он услышал от него, что графиня де Праз действительно только что звонила в отсутствие господина

Фейяра и просила выдать ему назначенную сумму.

Обри читал на всех делах, на всех папках одно и то же имя: Фейяр. Он был у Фейяра, и этот Фейяр посылал одного из своих клерков наблюдать за Ужом-Фредди; Обри знал это теперь; Обри знал все о Фуркаде, а Фуркад почти ничего не знал об Обри; а Фейяр его и вовсе не знал. Ни тот, ни другой не видали его за газетой. Господин Фейяр будет, конечно, знать о том, что некто Обри получил из кассы десять тысяч франков по приказу графини де Праз. Но он не будет знать лица этого Обри. Что касается Фуркада, то он никогда не сможет установить связи между пьяницей в баре и человеком за газетой, который явился за деньгами!

Счастливым случаем помог Обри сделаться обладателем тайны, которую ему поручили раскрыть. Он ликовал. Как это часто бывает при счастливом совпадении, успех кружил ему голову. Он спешил сообщить эту приятную новость графине. Но он не хотел показаться в Нейли. А доверять нескромности телефона чье-либо имя было бы непростительно. Изъясняться же аллегориями было ему не по силам. Он отправил Лионелю письмо пневматической почтой, написав его измененным почерком:

«Господин граф.

Особа, которой вы интересуетесь, которая занимается известным вам делом, — нотариус Фейяр.

Примите уверения в моем почтении Турнон».

И, гордясь собой, надувшись от самодовольства и гордости, приписывая собственному гению удачу, которой он обязан был самому непредвиденному случаю, Обри опустил голубую записку в особый ящик для «пневматичек» с таким видом, точно он дарил какое-нибудь особенное лакомство нищему ребенку.

Глава XVII. Лионель остается при своей идее

Следующий день был тот самый четверг, на который мадам де Праз назначила поездку в Люверси. Управляющий был уведомлен за несколько дней. Утром Лионель сказал матери, что он поедет вперед, чтобы лично навести там порядок.

— С тех пор, как замок необитаем, — сказал он, — там, наверное, накопилась тысяча вещей, которые надо поставить на места для того, чтобы Жильберта не была разочарована. А все это вряд ли сумеет сделать управляющий.

Утром он выехал в собственном маленьком автомобиле. Но никому, даже мадам де Праз, не обмолвился о том, что его ждет Обри у ворот дома № 47 по улице Турнон. Подсадив его на машину, Лионель направился по прекрасной дороге в Шеврёз вместе со своим сообщником, ошарашенным такой необычайной честью.

Неожиданный успех Обри, удача, с которой он открыл таинственного покровителя Фредди, произвели впечатление на Лионеля. И он решил, что осмотр замка с таким находчивым сотрудником может привести к интересным заключениям. Ведь до сих пор смерть госпожи Лаваль считалась хотя и трагической, но, во всяком случае, естественной. Никто не подозревал, не осматривал этих мест под таким углом зрения. А между тем выходило, что человек по имени Жан Морейль и по прозвищу Фредди выказывал признаки такого сильного беспокойства, что его можно было заподозрить в причастности к смерти мадам Лаваль. Признаки беспокойства усугублялись еще и его умением укрощать змей. В смерти этой он участвовал в своем вторичном состоянии, когда он был не Жаном Морейлем, а Ужом-Фредди. Насильственную смерть, конечно, установить было трудно за неимением не только доказательств, но даже разумных объяснений. Зато это допущение лишало трагическое происшествие его таинственности.

— Ибо, — говорил Лионель своему спутнику, — то, что змея убежала, вполне допустимо. Но гораздо менее допустимо то, что она проникла в комнату моей тети через это трудно достигаемое отверстие.

Что бы он сказал, если бы познакомился с выводом Жана Морейля, который тот сделал из рассказа супругов Лефевр, выводом,

закрывающимся в том, что змея могла выйти только через то же самое маленькое отверстие в ставне, что она была убита и зарыта еще до полуночи? А двери были открыты только на рассвете!

— Любопытно! — заметил Лионель. — Пока мне в голову не приходила мысль о преступлении, я безо всяких колебаний принимал все эти странности. А теперь, с тех пор как я что-то подозреваю, они мне режут глаза!

— Господин граф, не надо преувеличивать того, что вы называете странностями. Подобное видишь на каждом шагу, и я слышал о кончинах более необыкновенных и все же простых и... вполне приличных, если так можно выразиться. Случай иногда обладает необычайной изобретательностью!

— Верно, Обри! Но подумайте о тех совпадениях, которые группируются вокруг Фредди...

— Это неясно, господин граф, очень неясно...

— Не так уж неясно. Тут есть некоторый туман, если вы уж так хотите, есть какой-то провал между странностями кончины и указаниями, касающимися Фредди; мне это представляется двумя концами цепи, середина которой погружена в туман или исчезает в пустоте. Но оба конца цепи тянутся один к другому. Достаточно, чтобы вынырнуло еще одно или два звена, и непрерывность цепи будет неоспорима.

Обри вытянул губу в знак сомнения.

— Господин граф, я вам уже сказал. Я не помню, чтобы Жан Морейль бывал когда-нибудь в Люверси.

— Но, черт возьми, ведь вы могли бы его видеть только ночью и в образе мошенника!

— Согласен, господин граф. Хотя у меня и чуткий сон, но я тоже ничего не слышал в ночь смерти мадам Лаваль.

— Ба! Это еще ничего не доказывает. Во-первых, вы спали на втором этаже. Во-вторых, есть люди, которые двигаются так же бесшумно, как змеи. И вам известно, что Фредди принадлежит к их числу!

Лионель никогда еще не рассуждал так верно. Ибо в ту ночь горничная Мари могла же подняться к себе на второй этаж так, чтобы никто этого не слышал; следовательно, какой-нибудь человек мог бродить вокруг замка и не разбудить спящих на втором этаже.

— В общем, — добавил Лионель, — меня больше всего смущает не то, что вы ничего не слышали, — вы ведь спали на втором этаже, — но то, что я ничего не слышал, а я спал на первом. Жильберта, которая совсем не спала, тоже ничего не слышала, находясь возле моей матери в будуаре,

рядом с комнатой тетки. Тем более, что я прекрасно знаю чуткость моей матери: малейший подозрительный звук уже не дает ей спать.

— Совершенно верно, ваш Фредди ходит неслышно, как кошка, — подтвердил Обри. — Однако, граф, я больше полагаюсь на мой нюх, чем на ваши предположения... Вчера ночью в баре я беседовал с Фредди. Фуркаду тут ничего не удалось подслушать. Ява в дело не вмешивается... Говорили о разных девушках... Фредди любит такие вещи, это ясно как дважды два. Его искушает грабеж, и я держу пари, что он уже пронюхал кое-что. Я его потихоньку заберу в руки, вот увидите, заберу!

— Ладно! Увидим, кто из нас двоих получит доказательства раньше: заставите ли вы его совершить нападение с целью грабежа, или я буду иметь в руках доказательства совершенного им убийства!.. Ах, Обри, если б я знал! Я вышел бы в парк выкурить папироску в ту прекрасную летнюю ночь, пять лет тому назад, вместо того чтобы спать там наверху, как болван!

Обри бросил на него хитрый взгляд.

— Э, господин граф, — сказал он, — при всех этих ваших штуках, при всех этих новых чертовских выдумках с «раздвоением» и «переменным сознанием» и тому подобным, уверены ли вы, что вы спали в ту ночь в своей собственной постели? Я теперь ни за что и ни за кого не отвечаю.

В нем взяло теперь верх лукавство крестьянина. Он сделался почти фамильярным и потерял свой обычный почтительный «стиль».

— Ни за кого не ручаюсь, черт побери, ни за себя, ни за других!

Но, так как Лионель уже во второй раз выслушивал намек на то, что он сам мог быть субъектом с «переменным сознанием» (в первый раз у префекта полиции), его неприятно поразила подобная гипотеза. Настроение его сразу испортилось.

* * *

Ворота замка были широко раскрыты.

Управляющий Эртбуа выбежал навстречу. По крайней мере, он проделывал все движения так, как будто бежал, ибо полнота его разбитого ревматизмом тела не позволяла ему обогнать даже человека, идущего шагом.

Отставной фельдфебель, весь в орденах, Эртбуа обращал на себя внимание своей красивой головой старого служаки. Этим он был обязан исключительно своим бакам, которые отпустил, покинув службу, и седым усам, которые, вероятно, выдержали русские морозы во время отступления

в 1812 году. Пережиток великой армии, он всем своим внешним видом чрезвычайно подходил к тому, чтобы охранять покинутый замок.

Мадам де Праз пригласила на службу Эртбуа после смерти госпожи Лаваль, когда Жильберта начала выказывать неприязнь к Люверси и определенное намерение в него больше не возвращаться. Эртбуа внушал ей доверие.

Управляющий принял посетителей, рассыпаясь в любезностях.

* * *

Лионель и Обри, не теряя времени, вошли в ворота замка, все окна которого были раскрыты навстречу прекрасному июньскому утру.

Это было очень красивое старинное здание эпохи Людовика XIV. Два корпуса, выдвинутых вперед, огибали справа и слева парадный двор. В глубине находился главный корпус, состоявший из нижнего и первого этажей, а над ними виднелась крыша с мансардами, над которыми высились трубы. Стены исчезали под густой завесой из дикого винограда.

Оба посетителя не сразу вошли внутрь. Они обошли снаружи правое крыло, которое отделялось лужайкой от оранжереи, длинного и низенького строения с дюжиной округлых окон с мелкими стеклами. Дойдя до угла замка, откуда открывался вид на полузапущенный парк, они остановились.

Здесь была комната госпожи Лаваль. Она образовывала угол. Одно из окон, западное, выходило в оранжерею, другое, которое было на фасаде, глядело в парк, на юг. Первое из этих окон в роковую ночь оставалось полуоткрытым за запертой ставней — сплошной железной ставней с «сердечком».

В этом месте почва слегка опускалась вниз, и поэтому фундамент здесь был выше, чем в других местах, настолько, что эти два окна нижнего этажа были на высоте почти двух метров от земли, так что человек не мог бы их достать рукой.

Мостовая между комнатой, где спала мадам Лаваль, и оранжереей, где была заключена змея, — пространство около двадцати пяти метров, — была залита асфальтом.

— В конце концов, — прошептал Лионель, — та версия, на которой остановились, самая правдоподобная... Чем внимательнее всматриваешься, тем больше убеждаешься в возможности этого... Змея выползает из ящика; высунувшись из оранжереи, она замечает освещенное «сердечко», приближается к нему, ползет по плющу... Я только не могу себе объяснить,

как Жильберта не слышала шелеста листьев...

— О, господин граф, — заметил тонко Обри, — тишина в деревне состоит из множества звуков...

— Я не понимаю, как она могла ничего не слышать, если змея ползла по листьям до «сердечка». Посмотрите, Обри, окно будуара находится метрах в четырех от окна теткиной спальни. Значит, моя мать и кухня находились совсем близко от того места, где ползла змея. Моя мать хорошо помнит, что она оставила в будуаре, так же, как в комнате тетки, за закрытой ставней открытую половину окна. И тринадцатилетняя девочка с тонким слухом, взбудораженная, нервная, какой тогда была Жильберта, прислушивающаяся к малейшему шороху в комнате больной, должна была непременно услышать ползание змеи. Очевидно, змея вползла в комнату через «сердечко», но я сомневаюсь в том, что она добралась до этого «сердечка» по стене и плющу...

— Значит, ее кто-нибудь просунул?

— Не знаю. Это возможно. Я когда-то читал подобный рассказ...

— Но тогда, господин граф, ее должны были просунуть совершенно бесшумно...

— Да, Обри. Приходится допустить, что человек, просунувший змею, произвел меньше шума, чем если б она сама ползла по плющу. И сознаюсь, что это чрезвычайно трудно допустить, принимая во внимание высоту этих «сердечек».

— Еще бы! — сказал Обри с довольным смехом.

Они отошли немного от дома, чтобы осмотреть издали угол замка, где произошло таинственное происшествие.

Через открытые окна, выходящие в парк, они увидели комнату госпожи Лаваль, бильярдную, потом гостиную, столовую, курительную, причем четыре последние комнаты не представляли для них никакого интереса. Налево, в западном флигеле, видны были подряд: «знаменитое» окно мадам Лаваль, затем окна будуара, комнаты Жильберты и умывальной, заканчивающей собой ряд комнат в боковом корпусе, упирающемся почти в самые ворота.

— Послушайте! — сказал вдруг Лионель. — Кто занимал комнату на первом этаже над спальней тети?

— Господин Гюи Лаваль. Он спал там со времени своего возвращения, так как мадам была больна; в обычное время они не жили в отдельных комнатах.

Лионель задумался. Он старался вспомнить характер своего дяди, почти всегда отсутствовавшего мужа очаровательной женщины. Однако

Гюи Лаваль нежно любил свою жену; никто в этом никогда не сомневался... Да, но это был любитель приключений, мечтатель-исследователь, человек, в общем, рассеянный, иногда эксцентричный... Он любил рисковать собой, проявлять бесстрашие... Эта змея, которую ему нравилось раздражать... Словом, Гюи Лаваль был несколько легкомысленный человек... Значит, какая-нибудь неосторожность? Он совершил неосторожность? Какую? Непонятно было какую... И каким образом эта неосторожность могла закончиться введением змеи в комнату нижнего этажа? Нет, это не имело смысла... Однако же глубокое отчаяние Гюи Лавалья после смерти жены... Деланное?.. А самоубийство? Славная смерть его там, в Центральной Африке?..

— Скажите, Обри... Гюи Лаваль...

— Что, господин граф?..

— Нет, ничего.

Лионель раздумал. Пользоваться услугами Обри против Жана Морейля еще туда-сюда, но против Гюи Лавалья — совсем другое дело. В графе де Празе живо было чувство аристократизма его рода. Кто знает, до чего докопаешься, если начать рыть в этом направлении? Кто знает, что может скрываться в недрах самых уважаемых семей?.. В конце концов, если сложится так, что Жан Морейль здесь будет ни при чем, что ему, Лионелю, до тех обстоятельств, которые лишили его тетки?

* * *

— Войдем, — сказал молодой человек. — Здесь нам больше нечего делать.

Комната госпожи Лаваль осталась нетронутой. Они вошли в нее с огибающей двор галереи, в которую выходили двери всех комнат нижнего этажа; следовательно, и в этой галерее было два прямых угла или, если угодно, три части: центральная и две боковые — западная и восточная. Дверь комнаты мадам Лаваль была последней в том конце центральной галереи, который примыкал к восточной ее части.

Войдя через эту дверь в комнату, слева можно было увидеть стену, отделяющую ее от бильярдной. Центр этой стены занимал камин, по обе стороны которого стояли шкафы. В этих шкафах не было никаких щелей. Камин был закрыт, как и в ту трагическую ночь, металлическим экраном, препятствующим как чьему-либо вторжению, так и бегству.

Справа, через знаменитое восточное окно, можно было видеть

оранжерею, впереди, через южное окно, — парк.

Кровать посередине комнаты была обращена изголовьем к перегородке будуара, составлявшего часть западного флигеля. Белая лакированная кровать без балдахина; у стены — нежно-голубой шелковый занавес на кольцах, падающий вниз с золоченой перекладины. Недалеко от постели, с западной стороны и соответственно двери в будуар, — выход на галерею.

Лионель тщательно осмотрел задвижку на двери в галерею. Известно, что у мадам Лаваль имелся прутик, которым она отодвигала задвижку, не вставая с постели, когда в дверь стучала горничная. Прутик еще существовал. Задвижка издавала сухое щелканье.

Лионель послал Обри к автомобилю за масленкой. Он заботливо смазал задвижку. Но щелканья не удалось смягчить; это доказывало, что оно существовало и раньше. Нельзя было не услышать его из будуара. Так как Жильберта ничего не слыхала, было очевидно, что за всю ночь мадам Лаваль ни разу не открывала этой двери, закрытой с ночи и все еще закрытой на рассвете, как это установили мадам де Праз и ее племянница.

Так как рядом, в будуаре, помещались графиня, которая дремала, как только может дремать сестра милосердия, то есть очень чутко, и Жильберта, насторожившая слух и зрение, единственными отверстиями, которые могли кого-нибудь пропустить в комнату мадам Лаваль, были два «сердечка» в ставнях; о том, что змея через них могла выйти, нечего было и думать. Ибо, если бы мадам Лаваль, не встававшая с постели, все-таки нашла в себе силы это сделать для того ли, чтобы без помощи прутика открыть задвижку, или для того, чтобы открыть ставню в том или другом окне, Жильберта, без всякого сомнения, услышала бы ее нетвердые шаги. Их разделяли только тонкая перегородка и дверь, оставлявшая внизу, у пола, такую узкую щель, через которую змея ни в коем случае не могла проползти; эта щель пропускает лишь тонкую полоску света от ночника.

Осмотр будуара не дал ничего нового. Лионель не открыл ни одной лишней улики ни вещественного, ни морального характера. Обри при этом проявлял весьма мало усердия и еще меньше здравого смысла. Он не верил в этот розыск и, оглядывая вещи безразличным взглядом, говорил:

— За двумя зайцами не утонишься, граф. Видите ли, нам надо заняться не старым и сомнительным преступлением, а будущим и возможным грабежом!

Он до того раздражал Лионеля, что тот, наконец, захотел от него избавиться и, поблагодарив за услуги, отправил его назад в Париж.

Между тем граф де Праз, продолжая расследование и невольно укрепляясь в своих подозрениях, поднялся на первый этаж и тщательно

осмотрел комнату, которую выбрал себе Гюи Лаваль на время болезни жены. Потерянный труд. Самая банальная обстановка. Ничего такого, что бы наводило на какую-нибудь мысль.

Вспоминая рассказ Конан Дойла, уже и раньше приходивший ему на память, он снова спустился в комнату своей покойной тетки и принялся проверять шнуры электрического звонка: не могли ли они послужить змее «линией спуска»? Выйдя из какого-нибудь отверстия, проделанного в потолке, она могла, обвившись вокруг шнура, спуститься вниз.

У изголовья кровати не было звонка; над кроватью мадам Лаваль висела проволока, заканчивающаяся грушей. Эта проволока была слишком тонка, чтобы змея могла на ней удержаться. И, кроме того, ни в потолке, ни в стене не было ни малейшего отверстия. С помощью лесенки Лионель удостоверился в том, что объяснение английского романиста никоим образом не могло быть приложимо к тайне Люверси.

Обескураженный всем этим, он, в ожидании мадам де Праз, Жильберты и Жана Морейля, отправился позавтракать в деревенскую харчевню.

Глава XVIII. Жильберта в Люверси

Кладбище Люверси расположено на пути из Парижа, в пятистах метрах от деревни и замка. Мадам де Праз выразила желание остановиться; Жильберта сейчас же согласилась, жалея, что не она первая сделала это предложение.

Остановили автомобиль, и Жан Морейль проводил обеих дам в могильный склеп, где возле отца и матери Гюи Лаваля покоились тело его очаровательной жены и останки самого исследователя, привезенные за счет государства из Центральной Африки.

После краткой молитвы мадам де Праз принялась осматривать памятники. Властной рукой она поправила криво висевшее распятие и стала ждать, когда Жильберта подаст знак к отъезду.

Жильберта не торопилась. Жан Морейль казался очень взволнованным этим первым визитом к родителям невесты. Он был чуть-чуть бледен и, наверно, думал о том, сколько радости и прекрасных воспоминаний дала бы эта встреча, будь родители Жильберты живы. Один из них унес в могилу тайну своей смерти.

Жан Морейль был бледен. Жильберта тоже. Легко догадаться, что ее сильно волновала мысль о том, что она снова увидит замок, где ее ждал многоликий призрак страха, таившийся за каждым углом, за каждой тенью, за каждым деревом...

Уйдя с кладбища, она сказала, что желает пройти в замок пешком. Мадам де Праз согласилась на-это со скрытой улыбкой, подозревая, что племянница хочет отдалить тот момент, когда придется, наконец, войти в ворота парка.

И вот произошло то, что предсказал бы всякий психолог: Жильберта не испытала в Люверси того чрезвычайного страха, которого она и Жан Морейль так боялись.

Прошло пять лет с тех пор, как разыгралась эта драма, — с тех пор, как Жильберта рассталась с дорогим ей по воспоминаниям замком. За это время она из ребенка превратилась в молодую девушку. Она выросла, душа ее теперь совершенно иначе воспринимала впечатления. Замок, парк показались ей совершенно другими. Все выглядело слишком мелким, даже жалким. Формы потеряли ту внушительность и мрачную величавость, которые сохранила и благодаря болезненному страху преувеличила ее память. Пропорции между ней и Люверси изменились. Она вернулась с

детскими воспоминаниями, с запахом детских представлений и не без волнения и печали изумлялась своему странному, но спасительному разочарованию. Она была смущена, почти подавлена этим, как если бы вместо мощного гиганта, на которого пришла любоваться, нашла сгорбленного старичка.

Где прежние цветы? Где старые слуги? Этот Эртбуа — незнакомец...

Она вошла в большой замок точно в кукольный дом, и парк, казавшийся ей когда-то целым миром, был теперь простым садом. Эти ощущения были настолько живы, что страх отступил на второй план. И страху тоже было пять лет от роду. И он тоже уменьшился вдруг до нужных размеров и сделался пропорционален своим причинам. Змея перестала быть тем чудовищем, которое Жильберте рисовалось в виде множества притаившихся повсюду угроз. В Люверси змея была так же далеко от нее, как и в других местах, — может быть, даже дальше! Ей было стыдно сознаться в этом.

Когда прошло первое грустное изумление, подобное тому, какое испытывают при виде красивого платья, которое когда-то вам так шло, — счастливого платья, которое одевали летом, в дни радости, но которое вам теперь не в пору и выцвело, — Жильберта вдруг развеселилась. Она схватила Жана под руку и, спеша показать ему обстановку своего детства, увлекла его вперед.

Мадам де Праз и Лионель были в восторге от неожиданного прекрасного настроения девушки. Но Жан Морейль плохо скрывал свою тревогу или, скорее, то трудно определяемое душевное состояние, в котором тревога — только один из элементов, погружающих вас в какое-то смутное, но упорное оцепенение.

— Вы не в духе! — говорила ему Жильберта.

— Наоборот! Наоборот! — повторял он довольно нетвердо.

Взглядывая на него, она замечала сжатые зубы, насмешливую улыбку, сумрачный взгляд... Но, подхваченная радостным вихрем, она заражала весельем и его...

Осмотр начали с замка. Они прошли по всем комнатам нижнего этажа. В курительной и столовой было много хороших картин, как будто понравившихся Жану Морейлю; в бильярдной они долго простояли перед маленьким полотном, висевшим возле консоля. Жан снял его, осмотрел при нужном освещении, вынув из кармана лупу, которую всегда носил с собой...

— Она имеет какую-нибудь ценность? — спросила мадам де Праз. — Эту картину я нашла в сарае и повесила здесь, когда мы уезжали из

Люверси, вместо Лейсоньера, который висел на этом месте и который мне захотелось взять с собой в Нейли.

— Это просто бесценно! — сказал Жан Морейль. — Это Манэ, маленький этюд натурщицы. Восхитительно! У вас сокровище, о котором вы и не подозревали.

Он повесил на место этюд в претенциозной золоченой рамке и любовался им издали с наслаждением, которое на мгновение согнало с его лица мрачные тучи.

Они вернулись назад. Курительная, гостиная, столовая, бильярдная и спальня госпожи Лаваль сообщались между собой. Комната госпожи Лаваль, последняя с западной стороны, не сообщалась со смежной ей бильярдной, но каждая из комнат имела выход в галерею, окна которой выходили на парадный двор. Они прошли в галерею, вымощенную мрамором, а оттуда в комнату госпожи Лаваль.

Жильберта вступила туда с боязливым почтением. Вернувшийся к ней страх заставлял ее бросать кругом быстрые взгляды и держаться посреди комнаты, вдали от кровати и стульев, покрытых чехлами и представлявших собой темные тайники...

— Идите сюда! — сказала она. — Это комната мамы.

— Да? — спросил Жан Морейль беззвучным голосом.

Он остался на пороге и удовольствовался осмотром на расстоянии. Так как мадам де Праз открыла рядом в углу галереи дверь в будуар, он повернулся туда, чтобы заглянуть в это место, по-видимому, внушавшее ему меньше почтения.

Жильберта уже прошла через будуар в бывшую свою комнату, маленькие размеры которой вызвали у нее новые возгласы изумления.

— Если б ты захотела поселиться в замке, ты могла бы устроиться в комнате твоей матери...

Жильберта ничего не ответила.

— Какая перемена? — заметил Жан Морейль.

— Я сама ничего не понимаю, — весело созналась Жильберта. — Если б мне это сказали еще сегодня утром!.. Вот я и излечилась от своих страхов!

— О, излечилась... Не спешите!

— Что это, Жан, не будьте мрачным авгуром! Идемте! Окончим осмотр замка!

Они быстро обошли оба верхних этажа, заглянули в оранжерею и службы, потом спустились по зеленеющему и лесистому склону в парк в обществе старого Эртбуа, внимательно выслушивавшего замечания

графини.

Но события вдруг повернулись так, что чуть было не открыли завесу тайны.

Они шли по аллее вдоль лужайки, когда Жильберте неожиданно вздумалось в нескольких шагах от каменной скамьи, на которой она когда-то любила мечтать о будущем, посадить дерево в память своей помолвки и первого пребывания Жана Морейля в Люверси. Неподалеку огромный платан скрывал в своей тени несколько побегов, выросших из его семян. Пересадить один из них было чрезвычайно просто. Выбрали самый сильный побег, гибкий как хлыст, с четырьмя листками. Но нужна была лопата, чтобы вырыть ямку для его молодых корней.

Лионель крикнул:

— Подождите! Сейчас принесу! Я помню, где находятся инструменты. И он побежал к замку.

Эртбуа крикнул ему вслед:

— В павильоне, возле давилъни, граф. Там есть лопаты и кирки.

— Знаю! Знаю!

— У графа чудесная память! — льстиво заметил старый управляющий.

— Когда-то мы с ним играли в садовников, — сказала Жильберта. —

О, какие розы! — вдруг воскликнула она.,

Эти розы оставались еще с тех времен, когда они были предметом страсти госпожи Лаваль. Местами еще попадались цветущие и благоухающие кусты. Один такой куст находился на некотором расстоянии от них, посреди лужайки.

Жильберта долго любовалась кустом издали, потом вдруг, привлеченная неизъяснимой прелестью цветов, побежала по траве к кусту и, пока Лионель, размахивая в воздухе найденной лопатой, готовился пересадить молодой платан, принялась составлять букет из роз. Мадам де Праз помогала ей, Жан Морейль оставался рядом с Лионелем, которому Эртбуа делал робкие указания.

Вдруг, прерывая смех женщин, увлеченных своим приятным занятием, раздался крик, слабый крик от боли. Жан Морейль вздрогнул и выпрямился, глядя в одну точку остановившимися глазами. Он видел, что Жильберта упала в траву, видел взволнованную мадам де Праз, стремительно склонившуюся над ней. Жан и Лионель бросились туда с отстающим от них Эртбуа. Жан Морейль, дрожащий и бледный, как мертвец, опустился на колени возле распростертой на земле девушки.

На всех лицах было недоумение.

— Она уколола палец! — вздохнул с облегчением Жан Морейль,

взглянув на неподвижную руку невесты. — Посмотрите, она уколола палец.

— И подумала, что змея! — нашелся Лионель. — О шипы, наверно, да?

— Ну конечно!

Однако Жильберта не приходила в себя. Она спала страшным сном полусмерти. Ее бледно-восковое лицо и стянутые ноздри пугали Жана Морейля, он снова встревожился, вскочил, побежал и скрылся за частым кустарником.

— Что такое? Куда он? — воскликнула графиня.

— Черт его знает... — проговорил Лионель.

Но Жан Морейль уже показался с кувшином воды в руках.

Жильберта вздохнула.

Намочив носовой платок в холодной воде, Жан Морейль прикладывал его к вискам и лбу девушки.

Жильберта открыла глаза.

— Ну вот, наконец! — воскликнул спаситель.

Над его головой, склонившейся над Жильбертой, скрестились взгляды Лионеля и его матери, взгляды, полные одинакового изумления, выражающие одну и ту же мысль.

«Откуда Жан Морейль, который, по его словам, никогда не бывал в Люверси, мог знать, что родник находится за кустами в самой глубине грота?»

Жильберта медленно приоткрыла все еще тяжелые веки. И жизнь снова заиграла в зрачках и на порозовевших щеках... Но улыбки не было.

— Неужели я умру? Ведь я ужалена...

— Нет, — тихо сказал Жан Морейль. — Вас ужалили шипы роз...

Она приподнялась. Села на траву и посмотрела на большой палец, где рдела капелька крови.

— Успокойтесь, Жильберта...

— Боже! Какая я глупая! — вздохнула она. — Ведь точь-в-точь, как мама... в то же самое место... Вот почему я так испугалась...

Она уже снова улыбалась.

Жан Морейль встал и вдруг заметил, что мадам де Праз и Лионель как-то странно глядят на него. Лицо его сейчас же переменяло выражение. Видно было, что он старался понять причину их особенного внимания... И в ту же секунду сумрачные тени легли на его черты.

— Да, — пробормотал он. — Откуда я мог знать... про этот ключ...

— О чем вы говорите? — спросила Жильберта.

Он не ответил. Наступила тишина.

Жан Морейль отправился разыскивать самого себя.

— Ну вот! — рассмеялась Жильберта. — Он уже опять в облаках!

Этим закончился осмотр парка.

Платан был посажен в землю, розы собраны, и все вернулись в замок, чтобы напиться чаю в бильярдной.

Мадам де Праз и Лионель обращались с Жаном Морейлем так, как если бы в его поведении не было ничего особенного. Он же держался довольно спокойно, хотя в его жестах чувствовались смущение и тревога.

— Ах, я устала, устала! — говорила Жильберта.

Тетка предложила ей остаться ночевать в Люверси, чтобы хорошенько отдохнуть, может быть, все еще втайне надеясь, что она поселится здесь навсегда.

Но Жан Морейль этому решительно воспротивился:

— Нет, Жильберта, нет, вы сами видите, что здесь надо действовать осторожно. Не в один день, не сразу вы освободитесь от этого наваждения. Вернемся в Париж. В конце концов, вы все-таки привыкнете к Люверси...

— Определенно, — вставил саркастическим тоном Лионель, — Люверси вас здорово беспокоит, дорогой мой!

Жан Морейль как будто что-то почувствовал в этих словах. Он опустил глаза, еще больше нахмурился и замолчал.

— Едем! — сказала мадам де Праз. — Если не останемся здесь ночевать, пора ехать!

Все поднялись.

Перед тем как выйти из бильярдной, Жан подошел к картине Манэ. Страсть коллекционера на минуту взяла верх над его загадочной тревогой.

— Это истинное чудо! — повторил он.

— Я этого не подозревала, — призналась мадам де Праз, натягивая перчатки.

Лионель и Жильберта уже ушли вперед по галерее. Жан Морейль встретился взглядом с графиней и поспешил присоединиться к ушедшим.

Глава XIX. Внушение

— Алло! Что такое? Говорите... Из Люверси, хорошо. Нейли, барышня, Нейли... Ну что? Да, графиня де Праз. Это я... Ничего не слышно!.. Кто говорит? Что случилось? Несчастье? Какое несчастье?.. Я ничего не слышу. Ради Бога, говорите спокойно! Что?.. Грабители? Сегодня ночью ограбили замок?.. Вы услышали шум и встали?.. Хорошо... Ну и что же? В нижнем этаже... да, я слушаю... В бильярдной... В котором часу?.. После полуночи. И что же дальше? Никого?.. Ну у вас есть ведь какое-нибудь освещение? А? Ну фонарь, что ли... Его уронили... Ага! Кто-нибудь залез под бильярд? Вы так думаете?.. Впотьмах, да... И, конечно, ваш ревматизм, ну да, ну да... Словом, в конце концов, вор от вас убежал, и вы его не видали; так ведь, правда ли? Говорите ясно, Эртбуа, и не стоните так. Что делать! Вы ни в чем не виноваты... Ну конечно, Эртбуа, я вас ни в чем не виню... Ага, у него не хватало времени ограбить!.. Немногое взял?.. Да что же, наконец? Вы зажгли фонарь, да; ну это неважно... Что вы сказали? Что, утром, на рассвете? Всё осмотрели?.. Говорю вам, это неважно... Что же он взял?.. Маленькую картину в бильярдной... над конsoleм. Осталась одна рама!.. Нет, нет, Эртбуа, к несчастью, рама ничего не стоит. Зато картина, да, она дорогая... Это, кажется, знаменитый художник... Ну что же делать!.. Подать жалобу? Я подам. Не огорчайтесь, Эртбуа... Конечно, могло быть хуже... Ничего другого не украли? Вы уверены? Хорошо... Да нет же, повторяю вам, рама ничего не стоит, Эртбуа... Конечно, легче унести... Не прерывайте, барышня, мы разговариваем... Да не прерывайте же!.. Да, Нейли. Это вы, Эртбуа? Да не звоните же так, барышня!.. Алло!..

Да, да, графиня де Праз. С кем имею честь?.. Господин Жан Морейль!.. Здравствуйте. Как вы рано!.. О нет! Вы мне нисколько не помешали! Сейчас двадцать минут девятого, и я уже давно поднялась... Что такое?.. Вы меня интригуете!.. Позвольте, это чудо!.. Что вы говорите! Не может быть! Картина Манэ очутилась на вашем ночном столике? Вы проснулись и нашли ее у себя?.. Невообразимо! Ну нет, уверяю вас, что нет! Ни Жильберта, ни Лионель, ни я не посылали вам этой картины. И потом, как мог бы наш посланный попасть к вам ночью и сделать вам этот сюрприз? Впрочем, мне только что звонил управляющий из Люверси. Около полуночи кто-то пробрался в замок и украл картину Манэ... Нет, неизвестно, имел ли он намерение украсть еще что-нибудь. Эртбуа застал,

его на месте преступления, но вор убежал вместе с картиной. О, умоляю вас, не извиняйтесь... Вы спешили позвонить мне, не теряя ни минуты; вы иначе и не могли поступить, и я вам очень благодарна. Конечно, это невероятная история... Не беспокойтесь, не стоит. Самое важное, что картина найдена... Кто? Почему? А, это интересно... Нет, совершенно не представляю себе... А вы? Ничего?.. Да ведь это не спешно! Вы всегда успеете ее отнести... Ну если вы настаиваете, я вас приму сейчас же и с большим удовольствием... Да, не правда ли? Скажите, не правда ли? Чудесный случай испытать вашу проницательность: ведь вы человек ключей и ламп!.. А? Почему такой грустный тон? Я вас обидела? Нет?.. Ну великолепно... Решено. До свидания... До скорого свидания!

* * *

Тихонько положив эбонитовую ручку с черным ртом и серебряным ухом, графиня несколько секунд, еще ликуя в душе, гладила телефон, который ей так верно служил. Сидя у своего письменного стола в стиле ампира, она уставилась глазами в блестящий бронзовый прибор, но не видела его.

Вошел Лионель. Он был озабочен и держал в руке «пневматичку».

— Ужасно! — сказал он. — Представьте себе, мне придется снова стать на дежурство перед домом Жана Морейля. Посмотрите, что мне пишет Обри.

Мадам де Праз пробежала письмо.

«Господин граф!

Фредди сегодня ночью не пришел в бар Я не знаю, выходил ли он из дома. Очень жаль, но, возможно, вам придется понаблюдать за ним в то время, как я буду находиться в баре?

Примите мои уверения в нижайшем почтении

Турнон».

Вместо ответа мадам де Праз подставила к глазам Лионеля свое бледное, немое, загадочное лицо, в котором начинало проступать внутреннее удовлетворение.

— В чем дело? — спросил с раздражением Лионель.

— Не сердись, мой мальчик. Если я не ошибаюсь, мы близки к цели.

— Каким образом?

— В эту ночь Фредди не был в баре, потому что он совершил небольшое путешествие... Он отправился в Люверси, чтобы украсть

картину Манэ! И сегодня утром он, к своему удивлению, нашел ее у себя на ночном столике, когда проснулся в образе Жана Морейля!

— Не может быть! Тот самый Манэ, которым он вчера так любовался?

— Да. Ты понял теперь, что наши страдания кончились?

— Не совсем.

— Да как же, Лионель! Ведь он — вор; теперь это непреложный факт. Но что гораздо важнее...

— Что?

— Что Уж-Фредди временами вспоминает с помощью памяти Жана Морейля — ведь Фредди украл картину, которая понравилась Морейлю!.. Почему Фредди забрался в Люверси? Потолку что вчера Жан Морейль убедился не только в существовании Манэ, но и в топографии местности, и в способах проникновения в замок...

— Эти способы, — сказал Лионель, — могли быть известны Фредди и раньше, он мог их просто вспомнить. Очевидно, что он бывал в замке и раньше. Это подтверждает случай с источником.

— Верно. И случай с источником доказывает, кроме того, что Жан Морейль иногда вспоминает памятью Ужа-Фредди. Ведь Манэ в момент смерти твоей тети, то есть в те времена, когда Фредди, по твоим предположениям, мог находиться в замке, не был на виду, тогда Манэ валялся в сарае в куче хлама. Я уверена, что глаза Жана Морейля вчера увидели картину впервые и Жан Морейль был в ту минуту джентльменом Жаном Морейлем, а не апашем Фредди, укравшим картину.

— Что же из этого?

— А то, что он сейчас придет сюда. Он захотел сам отнести это произведение, которое неизвестно каким образом очутилось у него на столе. Теперь надо действовать, приготовить...

— Не кончайте! — воскликнул Лионель, вне себя от радости! — Я понял!

— Здесь, — прошептала мадам де Праз, — будет удобнее... И из-за Жильберты...

Раздался звонок. Лионель послушал у двери.

— Он! — сказал граф.

Он сделал в сторону матери решительный жест и вышел в вестибюль навстречу Жану Морейлю, которого лакей собирался ввести в гостиную.

— Здравствуйте, дорогой друг! Так мило с вашей стороны, что вы сами побеспокоились... Мама мне рассказала эту сказочную историю. Невероятно!.. Войдите сюда, дорогой. Здесь лучше будет поговорить об этой загадке... Эта комната более изолирована.

Он ввел его в кабинет мадам де Праз, которая ждала последующих событий, прислонившись к несгораемому шкафу.

Жан Морейль, одетый со строгим изяществом и более красивый, чем всегда, поцеловал руку графини.

— Вот Манэ, — сказал он. — Вручаю его в ваши собственные руки, графиня.

— Ненадолго, — возразила мадам де Праз, улыбаясь. — Он принадлежит Жильберте, будет вашим.

Молодой человек учтиво улыбался, но мысль его была где-то далеко и носилась по таинственным и неведомым путям.

— Итак, — сказал он, обернувшись к Лионелю, — что вы обо всем этом думаете? Сколько я ни ломал голову, я ничего не понял!

— И я тоже...

— Ведь тот шутник, который выкинул эту штуку, должен был знать, что Манэ привлек мое внимание вчера в Люверси.

— Там были только мы четверо, больше никого. Или надо предположить, что за нами кто-то шпионил...

— Это мы узнаем из следствия, — сказал Лионель, — я полагаю, что об этом надо заявить полиции, и безотлагательно. Шутка это или нет, это тем не менее воровство...

— Конечно! — одобрила графиня.

— Согласен! — вяло ответил молодой человек, все еще не оторвавшийся от своих темных мыслей. — Однако не лучше ли скрыть от Жильберты этот факт? Он произведет на нее, несомненно, большое впечатление и даст ей новый повод страшиться пребывания в Люверси.

Мадам де Праз, которая в глубине души решила не подавать жалобы, сделала вид, что присоединяется к предложению Жана Морейля.

— Словом, увидим! — отрезал Лионель. — Над этим решением надо еще подумать. Но что несомненно, так это то, что вы должны спешно обезопасить себя от всех подобных неприятностей. Дорогой мой, — продолжал Лионель, обращаясь к Морейлю, — моя мать необыкновенная женщина! Она убеждена, что ее никогда не ограбят! Неслыханная неосторожность!

Мадам де Праз, несколько не удивившись этим словам, ждала, что будет дальше, не прерывая Лионеля.

Он продолжал:

— Подумайте, она хранит вон в этом шкафу ценных бумаг больше чем на миллион! Эти бумаги на предъявителя! Она даже не записывает номеров этих бумаг в какую-нибудь книжечку. И даже не застраховала себя от грабежей!

— Действительно?.. — спросил Жан Морейль.

— Миллион рублей в бумагах на предъявителя вот в этом шкафу! — похлопывая рукой по стене несгораемого шкафа, повторил Лионель. — Ну разве это не безрассудство! И что такое этот огнеупорный шкаф для сколько-нибудь опытного грабителя, я вас спрашиваю? Он взламывает его в полчаса, и того меньше!.. А этот кабинет как будто нарочно создан для того, чтобы никто не помешал вору. Никто, понимаете, никто не спит в этом нижнем этаже! Стены толстые, глухие. Словом, идеально! Я дрожу, когда об этом думаю... Ну и вот, представьте себе, что войти в дом ничего не стоит! Вот посмотрите! Да, да, пойдёмте, убедитесь! Понимаете, нужно непременно, чтобы татап приняла меры, помогите мне убедить ее в этом! Идёмте!

Он Открыл дверь из кабинета в вестибюль.

— Эта дверь никогда не закрывается на ключ. Мне даже кажется, что ключ потерян... Что касается стеклянной двери в подъезде, то это просто смешно... Да, конечно, ее каждую ночь закрывают на ключ и ключ уносят, но... здесь имеется трюк! Я его знаю, потому что, когда я был еще в школе, мне не разрешали поздно выходить из дому... Но надо же было как-нибудь обойти этот закон, не правда ли?..

Жан Морейль и мадам де Праз вышли с ним в вестибюль и остались на площадке. Они видели, как он снаружи особенным образом надавил на стеклянную дверь. Слишком короткий язык замка выскочил из соответствующего отверстия. Дверь раскрылась.

— Вот вам и весь фокус! Будьте свидетелем. Попробуйте сами... Да, да, попробуйте, чтобы мама увидела, как это легко...

Жан Морейль подчинился капризу Лионеля и повторил его маневр.

— Чтобы войти во двор, — добавил этот странный чичероне, — необходимо проделать одно гимнастическое упражнение. Но какой грабитель не сумеет перелезть через забор, в сущности, очень низкий?.. Улица пустынная... Привратник — соня. (Я это знаю лучше, чем кто бы то ни был!)... Говорю вам, это детская забава... И, если моя маменька не переменит своего образа действий, она в одно прекрасное утро найдет свой шкаф взломанным и ценности похищенными!

Но мадам де Праз вдруг поняла слабое место этого внушения и, чтобы

исправить его, не остановилась и перед ложью.

— Ты прав, — сказала она. — Но пусть мсье Жан не подумает, что это ценности Жильберты. Это мое собственное состояние, мсье Жан. Вот почему я до сих пор не собралась отнести их в банк. К чужому имуществу я отнеслась бы осторожнее...

Жан Морейль поднял руку в знак протеста.

— Правда, — продолжала мадам де Праз, — я никогда не боялась воров. Но событие этой ночи заставляет меня задуматься... Слушай, Лионель, завтра у меня свидание с моим банкиром. Если хочешь, отнесем ему эти бумаги.

— Завтра утром, хорошо. Я замечу себе.

Он вынул записную книжку и, что-то отметив в ней, сказал вслух:

— Завтра, завтра утром, отнести бумаги банкиру. Итак, завтра утром этого миллиона здесь не будет. Наконец! У меня сегодня удачный день! И я благословляю вора в Люверси, который повлиял на это решение!

— А вот и Жильберта! — сказала мадам де Праз. — Я слышу, что она спускается вниз.

— Мы ей ничего не скажем про Манэ? — спросил Лионель.

— Так будет лучше, — решил Жан Морейль, не выказывая на этот раз уже прежней озабоченности.

Мадам де Праз спрятала картину в ящик письменного стопа.

Вошла Жильберта.

— Как! Вы здесь, Жан? — воскликнула она. — Я не видела, как вы прошли через двор! Сердце, сердце мое, разве ты глухо?.. Здравствуй, тетя! Здравствуй и ты!.. Я собираюсь выйти погулять. Пойдемте со мной, Жан? Что вы делали здесь в кабинете? Конечно, говорили о делах? Ну это не моя сфера. Так идете, да?

— Иду, — сказал Жан Морейль.

* * *

— Bravo! Bravo, мой мальчик! — восторженно воскликнула графиня, когда молодые люди вышли. — Как ты хорошо разыграл эту комедию! Но ты не все обдумал. Ведь если бумаги принадлежат Жильберте, какой интерес ему их красть?

— Ну, мне некогда было обдумывать эту махинацию!.. В сущности, какие там бумаги в шкафу?

— Именные бумаги, на имя Жильберты.

Лионель расхохотался.

— К счастью, он не доведет дела до конца. Мы остановим его вовремя. И он никогда не узнает, что мы его обманули...

— Нет! Никогда! — торжествовала графиня. — Как только он сунет свой нос в бумаги Жильберты, мы захватим его!

Но Лионель задумчиво заметил:

— Только бы наш план не провалился! Не то придется прибегнуть к моей догадке и раскрыть трагедию Люверси!

— Скоро, скоро увидим, ведь это должно случиться сегодня ночью, — сказала графиня. — Ты достаточно подчеркнул то, что завтра утром ценностей в шкафу уже не будет.

Лионель радостно шагал взад и вперед по кабинету, мимоходом дружески похлопывая по стенкам шкафа, содержимое которого должно было принадлежать ему в недалеком будущем.

— Чудесно! Чудесно! — говорил граф де Праз, задыхаясь от счастья. — Но мне нужно повидать Обри. Все это надо обдумать во всех подробностях... как атаку в траншеях. А времени только до вечера!

— Я беру на себя заботу о Жильберте.

— Прекрасно. Но вы скажите ей только в определенный момент. Нужно еще установить время. Если все наладится, действовать придется галопом. Действовать уверенно и быстро — вот что необходимо. Обдумаем!

— Обдумаем! — сказала мадам де Праз.

Глава XX. Западня

Никогда еще Жан не казался Жильберте столь достойным ее любви, как в этот вечер. Та самая семья Пайяк, которая сыграла такую большую роль в их помолвке, давала комедийный вечер в своем дворце. Во время долгих антрактов Жан Морейль и Жильберта, упоенные счастьем, молодостью и красотой, приводили в восторг друзей и переживали один из тех триумфов, воспоминания о которых иногда наполняют благоуханием всю дальнейшую жизнь.

Такого рода приемы никогда не затягиваются за полночь. Не было еще часа ночи, когда гости разъехались по домам.

Жан Морейль подождал в вестибюле, пока отъедет освещенный лимузин, в который сели Жильберта с графиней, закутанные в меха и бархат. Затем молодой человек вернулся домой в своем кабриолете.

Лионель де Праз не был у Пайяк.

В Нейли мадам де Праз, выйдя из лимузина, заявила, что не имеет ни малейшего желания заснуть, и, водворившись в комнате своей племянницы, принялась без умолку болтать о разных пустяках. Горничных отпустили. Сидя на кровати Жильберты, графиня против обыкновения была удивительно оживлена. Молодая девушка терпеливо ждала, когда тетка наконец устанет, но, несмотря на поздний час и на то, что все спали в доме, старая графиня не переставала копаться в своих воспоминаниях и рассказывала тысячи бессвязных глупостей.

Жильберте все это начало казаться весьма странным, когда вдруг на улице послышался глухой шум автомобиля. Перед домом раздались три коротких звука сирены, и автомобиль удалился, чтобы, как видно, остановиться на некотором расстоянии.

Изумленная молодая девушка глядела на графиню, которая, по ее мнению, должна была удивиться не меньше ее. Жильберту поразило то, что лицо мадам де Праз внезапно переменилось, приняло торжественное и взволнованное выражение, и, стоя перед ней в своем вечернем черном с серебряными полосами платье, она как будто готовилась ей сообщить о каком-то большом несчастье.

— Жильберта, дитя мое, прости, что я причиню тебе такую боль... Приготовься к большому огорчению, маленькая моя Жильберта...

— Тетя! Тетя! — умоляла несчастная девушка, задыхаясь. — Что случилось?

Мадам де Праз погасила свет.

— Боже! Боже! Тетя! Что такое?

Мадам де Праз развернула в темноте занавеси. Сквозь щели ставни проскользнули лунные лучи.

У Жильберты так билось сердце, что она едва не потеряла сознания. Она чувствовала, что ее с нежностью обнимают руки тетки.

— Дорогая моя, дорогая девочка! Ты должна вооружиться мужеством. Тот, кого ты любишь, недостоин тебя!

Девушка ответила криком возмущения, рыданием.

— Нет, Жильберта, он совсем не тот, за кого ты его принимала...

— Объясни, тетя!.. Не терзай меня!..

— Ты сама все увидишь... Пойдем...

Подавленная отчаянием, растерянная, она шла за теткой, повторяя:

— Куда идти? Зачем? Что все это значит?..

— Ты сейчас узнаешь, детка. Успокойся, прошу тебя, если меня хоть чуточку любишь!

— Я слышала, как стукнула калитка... — сказала Жильберта. — Кто это?

Мадам де Праз подошла к окну и поглядела сквозь ставни.

— Лионель вернулся... Идем со мной, Жильберта. И что бы ни случилось, ничего не говори, слышишь?

— О Боже! Боже! — повторяла молодая девушка, дрожа как в лихорадке. — Жан! Что он такое сделал?.. Правда, он иногда казался мне очень странным, но... О Жан... Жан!..

Они спустились вниз по лестнице. Тетка вела племянницу под руку и хранила упорное молчание.

Луна заливала бледным светом вестибюль. Дверь в кабинет была открыта. В глубине комнаты видно было окно с откинутыми ставнями и раздвинутыми занавесями.

В вестибюле в полосе света вырисовывалась тень Лионеля перед входной стеклянной дверью. Все остальное было погружено во мрак.

Лионель повернул голову и сделал знак:

— Войдите.

Жильберта была ни жива ни мертва и безвольно шла, куда ее увлекали крепко сжимающие ее руку пальцы.

Здесь совсем не случайно оказались ширмы. Лионель придвинул их к стеклянной двери и поставил Жильберту перед створкой ширмы, в которой было проделано маленькое отверстие, позволявшее видеть, что делается в комнате.

Жильберта точно в мрачном кошмаре видела двор, облитый лунным светом, мостовую, черный забор...

Мадам де Праз держала в своих горячих руках ледяные руки племянницы.

— Что я тут увижу, тетя? О! О-о-о-о-о! Сжальтесь надо мной, скажите!

— Тсс! Жильберта! Дорогая крошка! Немножко терпения! И главное, ни малейшего шума!

— О! Вы меня мучаете! О-о-о-о!

— Смотри! — вдруг шепнула мадам де Праз.

Человеческая тень перелезала через забор.

Жильберта задержала дыхание. Лионель и его мать скрылись во тьме и умолкли.

Живая тень соскочила с забора. Это был ловкий, точный в движениях, гибкий человек. Он нес на спине какую-то ношу... Его ноги бесшумно ступали по земле... Он обошел вдоль стены, погруженной в тень, и скользил по ней, точно призрак.

Жильберта почувствовала, что ее кто-то тянет назад. Она послушно отступила. Ширмы подвинулись за ней неизвестно каким образом.

Человек внезапно очутился в вестибюле. Он с необычайной легкостью открыл стеклянную дверь и не затворил ее за собой. Он двигался дальше. Его стройная фигура появилась в четырехугольнике света. Лунные лучи обвели его профиль серебряным контуром...

Жильберта задрожала. Властная рука прикрыла ей рот. Она поняла, что Лионель следит за ней.

Зажегся ослепительный глазок электрического фонаря. Он осветил только мебель, стены, портьеры, ширму. Сноп света упал на дверь в кабинет и сейчас же погас. Человек вошел в кабинет.

Жильберта, уступая давлению сильной руки, двинулась за ним. Ее поддерживали, направляли справа и слева, почти несли вперед. Они дошли до порога кабинета. Ковер заглушал их шаги.

Между тем еще одна ночная тень проникла в вестибюль. Испуганная Жильберта узнала толстую фигуру и длинные руки того самого Обри, который когда-то наводил на нее ужас. Жильберта чувствовала за спиной его молчаливое присутствие. Но ее снова толкнули вперед. И все застыли на месте в амбразуре двери. На ее глазах грабитель снова входил в кабинет.

Жильберта чуть не испустила судорожный вопль. И снова сторожившая ее рука легла на ее губы.

Внезапно из тьмы выступил несгораемый шкаф. Маленький фонарь осветил его своим подвижным светом, потом, поставленный на землю, он

уже не сводил с него своего «глаза».

Стройная тень поставила на ковер у своих ног какой-то предмет. Блеснули инструменты. Из них были отобраны какие-то трубки и цилиндры. Грабитель Жан Морейль, взломщик Жан Морейль выдвинул свой арсенал. Его лицо выступило из мрака. Не было ничего противнее этого лица с судорожно напряженной складкой, со взглядом неумолимого зверя...

Вспыхнула спичка: наклоненное вниз лицо отразило пляшущий свет. В тишине раздался свистящий взрыв, и сине-зеленое пламя паяльника осветило комнату.

Жан Морейль не спеша отрегулировал пламя, как это делает добросовестный рабочий.

Жильберта все это видела! Ее горе было из тех, от которых не излечиваются.

Растерянная, измученная, осужденная быть свидетельницей того, как рушится ее собственное счастье, не спускающая воспаленных глаз с этого отвратительного зрелища, она оказалась не в силах больше выдержать эту пытку...

Быстрая и сильная ладонь снова закрыла ей рот. Но, срывая со своих губ невыносимую печать, Жильберта судорожно рванулась вперед.

И ее крик, ее душу раздирающий зов, ее горестный, отчаянный вопль вырвался наружу, точно струя крови из раны:

— Жан!

Грабитель быстро обернулся. Но кто-то в вестибюле ответил на ее зов:

— Я здесь!

Звонкий, радостный голос! Победный голос! Голос чуда! Любимый голос! Голос, спугнувший все прятавшиеся во мраке тени. Все вдруг осветилось как по волшебству. Сам грабитель повернул в кабинете электрический выключатель и смотрел, как и все остальные, на того, кто только что появился здесь таким чудесным образом.

Это был Жан Морейль, Жан Морейль в бальном фраке с белой гвоздикой в петличке, с радостным лицом и любовью во взоре!.. Все были точно в столбняке. Две секунды царила тишина и неподвижность, как будто все остановилось, даже время. Кинематограф жизни вдруг оборвался на этой сенсационной сцене. На две секунды взволнованные мозги прекратили свою работу.

После этого Жильберта, мадам де Праз, Лионель и Обри перевели свои глаза на грабителя.

— Господа и дамы... — сказал он, прикоснувшись к фуражке.

Он казался подкрашенным и переодетым Жаном Морейлем... Эти мешки под глазами не были ли просто затушеваны карандашом? Между тем все четыре свидетеля этой странной очной ставки глядели поочередно на обоих близнецов, и тогда только им стало ясно все их различие. Здесь было только легкое сходство и ничего больше.

Жильберта очутилась в объятиях жениха и уткнула лицо в его белый галстук с жемчужной булавкой, когда Лионель, обратившись к нему и указывая пальцем на грабителя, спросил:

— Что это за человек?

— Баскар, Леон, по прозвищу Уж-Фредди, — ответил Жан Морейль, отчетливо и с насмешкой.

— Фредди похож на меня, как брат, особенно ночью и когда нас не видят рядом друг с другом. Вот и все, — заявил отчетливо Морейль.

Он нежно отстранил Жильберту и вошел в кабинет. Но вся веселость исчезла с его лица, и в нем появилось новое, никому не знакомое властное выражение. Он сказал:

— Что ж, Фредди, почему ты не открываешь шкафа? Мы помешали тебе? Продолжай, друг мой, продолжай!

Паяльник все еще горел своим непрерывным жадным пламенем. Фредди, не говоря ни слова, встал на колени и взялся за свой аппарат. Мадам де Праз вскрикнула изменившимся голосом:

— Нет! Мсье Жан... Остановитесь!

Она стояла перед ним взволнованная, чуть не падающая с ног.

— Тогда дайте мне ключ — ключ, с которым вы никогда не расстаетесь...

— Для чего он вам? Мы вам солгали. В этом шкафу бумаги не на предъявителя... Сознаюсь. Это именные бумаги...

— Я знаю! Вы слишком осторожны, чтобы это было иначе!.. Но откройте шкаф, мадам. Откройте сами, это будет проще. Меня интересуют не бумаги.

— Я его не открою! — заявила мадам де Праз, бледнея. Она держала руку на груди, обнаруживая этим жестом местонахождение ключа. — Там лежат письма... Письма, которыми я не имею права распоряжаться, потому что они принадлежат не мне...

— Ага! Компрометирующие письма, да? Адресованные...

— Мне, — крикнул резко Лионель. — И я предполагаю, что вы знаете, кем эти письма были написаны!

— Откройте шкаф, мадам! — сказал Жан Морейль.

— Нет! — отрезала мадам де Праз.

Все ее тело дрожало от решимости. К ней мало-помалу возвращалось ее обычное хладнокровие.

— Фредди! Паяльник!

С насмешкой на губах и как будто восхищенный всем, что он здесь слышал, Фредди провел губкой по дверке шкафа.

Лионель набросал несколько слов на клочке бумаги и протянул его Жану, не выпуская, однако, записки из рук.

Жан Морейль прочитал:

«Как бы мало эти письма ни компрометировали память мадам Лаваль, не думаю, что Жильберте доставит удовольствие их прочитать. Моя тетка, мадам Лаваль, хотела меня наставить на путь истины. Но тайна, которой она окружала свое доброе дело, придает ему двусмысленный характер, и от меня зависит его усилить. Оставьте в покое этот шкаф и эти письма. Если нет, Жильберта сейчас узнает о том, что ее мать писала мне тайком, а вы именно этого хотите избежать и для этого вам нужно завладеть письмами. Если это вам удастся, тем хуже для Жильберты! Я заставлю вас ей их показать и по-своему их растолкую».

Прочитав эту записку, которую автор все еще держал в своих руках, Жан Морейль подумал с минуту и взглянул поочередно на Лионеля, на его мать, на Жильберту и Обри, который все еще стоял позади...

— Подожди, Фредди! — скомандовал он.

— Вы сами откроете шкаф, мадам, — сказал он, обратившись к графине.

— Увидим!

— Вы откроете его. А вы, сударь, не выдадите тайны, кроющейся в этих письмах. Мне достаточно пяти или, самое большее, десяти минут, чтобы заставить вас это сделать. Я вам кое-что расскажу, чего вы, кажется, и не подозреваете, а меньше всего вот эта толстая обезьяна, которая держится так скромно в резерве... Обри, кажется?.. Прекрасно.

Слушайте же меня. Дело идет о чем-то гораздо более важном...

Глава XXI. Карты раскрываются

Жан Морейль начал совершенно спокойно:

— Во время разговора с моим другом Фейяром мне однажды пришло в голову присоединить «Тайну Люверси» к коллекции уже разрешенных мною задач. Смерть вашей матери, Жильберта, казалась мне странной, непонятной. Мой разум с трудом соглашался с обстоятельствами этой трагедии, теми, по крайней мере, которые были известны. Мне сейчас же показалось невероятным, чтобы змея вела себя подобным образом без участия человеческой воли. Но каким именно образом эта воля действовала на змею?

Вот первый вопрос, который я себе поставил.

Сказать ли вам, Жильберта, с каким жаром я отдался своей задаче, когда узнал, что мой успех вылечит вас от ваших страхов? Никогда еще я не вкладывал столько души в разгадывание загадки.

Прежде всего я хорошенько все обдумал...

Мои первые выводы были таковы: всего два человека, и только два, могут быть исключены из этого дела: вы, Жильберта, вне всяких подозрений уже потому, что бодрствовали всю ночь в запертой комнате, смежной с комнатой вашей матери, и вы, мадам де Праз, присутствие которой в будуаре всегда могло быть под контролем Жильберты. Оставались: Гюи Лаваль, Лионель де Праз, все слуги и... неизвестный.

И еще другое выдвигалось на первый план. (Привычка разрешать загадки заставляет меня придавать большое значение различным аномалиям.) У змеи был только один ядовитый зуб, особенность, которая не оставила бы никаких сомнений в ее участии в преступлении в том случае, если бы несколько змей выползли из своих клеток и если бы молниеносное действие яда не было достаточным указанием на причину смерти мадам Лаваль. Мне показалось, что этот единственный зуб может быть отправной точкой для более плодотворных рассуждений. Тогда я пришел к необходимости опросить разных людей и посетить место происшествия.

Надо вам сказать, Жильберта, что ваша тетя и ваш кузен, заботясь о вашем будущем счастье, приставили одного человека наблюдать за мной. Да, вот этого привратника, которого вы здесь видите. И даже сам граф де Праз не считал для себя позорным за мной шпионить. В обычное время мне это было бы безразлично. Но в тех особых условиях, в которых я

находился, это меня стесняло. У меня было множество причин желать, чтобы мне предоставили свободу действий. Мне необходимы были независимость и тайна. Сверх того, я инстинктивно чувствовал, что я должен действовать быстро, и вскоре я понял, что от этой быстроты зависит мое счастье и даже жизнь моей невесты...

— Сударь! — вскрикнул угрожающе Лионель. — Я вам не позволю....

— Вы мне позвольте говорить, сколько я захочу. Иначе...

Жан Морейль, глядя на мадам де Праз, указал на несгораемый шкаф и паяльник.

— Дай ему говорить, — сказала мадам де Праз, белая от злости.

Но Жан Морейль вдруг воскликнул:

— Эй вы, Обри! Не отставайте от компании! Куда вы?.. Фредди, обрати внимание!

Одним прыжком Уж-Фредди бросился в вестибюль, куда уже успел ускользнуть Обри, и сейчас же вернулся, толкая перед собой жалкого лакея, низко опустившего голову.

— Кто этот апаш, в конце концов? — спросил вне себя Лионель, злобно сжимая кулаки.

— Я только собирался вам об этом рассказать, когда вы прервали меня, — ответил Жан Морейль.

— Это вот тот самый Фредди, о котором я подумал, как только представилась необходимость освободиться от вашего назойливого наблюдения.

Я встретил однажды Фредди случайно, на маленькой пустынной улице. Он попросил, как водится, прикурить для того, чтобы вытащить у меня бумажник... Мне пришло в голову осветить его лицо... Я был ошеломлен! Совершенно мое лицо! Значит, в мире бродяг у меня был двойник!

В эту ночь Фредди убежал от меня, сам испугавшись этого сходства, предположив какую-нибудь полицейскую уловку. Но я нашел его спустя какое-то время, я постарался это сделать. Мне было неприятно думать, что мое лицо могло сделаться лицом преступника!..

Ну вот, я и занялся этим Фредди. Я подыскал ему занятие. Это было нелегко. Ибо наш Фредди очень не зависим! К счастью, я нашел выход благодаря следующему обстоятельству. Живя в Индии, я приобрел некоторый опыт по укрощению змей. Я обучил этому Фредди, и он превратился в Ужа-Фредди и честно зарабатывал свой хлеб, показывая змей.

Конечно, было бы приятней, если б он работал и дальше... Не так ли,

Фредди?.. Теперь показывает змей его ученица мадемуазель Ява, а ее господин и владыка Фредди наслаждается праздностью... Но неважно! Фредди уже больше не вор, это главное, и я, точно добрый гений, наблюдаю за тем, чтобы он снова не вернулся к прежней жизни! Надеюсь, вы теперь поняли? Вы приняли его за меня и вообразили, что напали на след моей второй личности. С некоторых пор Фредди жил у меня и выходил только по ночам, после того как я приходил домой, а возвращался он только на рассвете. Недурно придумано, не правда ли? Я прекрасно понимал, что вы, обрадовавшись тому, что нашли Жана Морейля — апаша, не отстанете от него и перестанете надоедать вашей слежкой истинному Жану Морейлю!

Теперь я был спокоен! Я мог, сколько мне вздумается, копаться в прошлом, ездить куда мне угодно без вашего ведома и спокойно отдаться всяким розыскам, расследованиям и опросам!

Что я и делал, предупредив префекта полиции о своих розысках, их цели и средствах, которые я пустил в ход, чтобы довести их до удачного конца. Не удивляйтесь, господин де Праз, тому, что этот чиновник не разуверил вас ни насчет меня, ни насчет Фредди. Мы сговорились с ним!

Я очень доволен своей мистификацией. Она была тщательно обдумана. Фредди переменил квартиру. Ява, безумно преданная и скромная, ничего не подозревала. Господин Фейяр, мой близкий друг, каждую ночь посылал одного своего служащего, чтобы наблюдать за Фредди и отдавать мне отчет о тех его легкомысленных выходках, которые могли бы провалить нашу махинацию. Впрочем, хорошо, что я об этом подумал, ибо однажды утром господин Фейяр сообщил мне, что Фредди нечаянно показал свою татуировку, что заставило меня немедленно нарисовать на руке эту самую змею, которую я вам, сударь, показал на днях...

Да, я вам ее показал нарочно, ибо знал, что вам известно об имеющемся на руке Фредди изображении, от которого Жильберта отвернулась бы с ужасом; я все время боялся с вашей стороны какого-нибудь маневра, который заставил бы меня засучить рукав на глазах у моей невесты. Что сказала бы Жильберта, увидев змею на моей руке? И что сказали бы вы, если б ее не увидели?

Благодаря этому спокойствию, которое вы мне так щедро неведомо для себя предоставили, я взялся за свою работу. Я изучил всю эту трагедию по газетам того времени, по разговорам с людьми, которых заставил говорить. Таким образом, я зарегистрировал тысячи фактов. Между ними и такой: мадам Лаваль была ужалена в левую руку. И этот факт, который я теперь выделяю, был скоро подтвержден одним наблюдением. Каким же? А вот

каким.

Мадам Лаваль охотнее пользовалась левой рукой, чем правой. Я получил подтверждение этому однажды утром, когда под предлогом прогулки с Жильбертой приехал к вам очень рано. Меня оставили одного в гостиной, как я и рассчитывал, и там я на свободе рассмотрел в известном вам альбоме фотографии этой очаровательной женщины, вся жизнь которой страстно занимала меня, так как я искал причину ее смерти.

Это замечательно, и вы сами в этом убедитесь, перелистывая альбом: держит ли мадам Лаваль веер, или зонтик, или цветок, гладит ли она животное, она это делает преимущественно левой рукой — той самой левой рукой, в которую она смертельно ужалена единственным зубом черно-белой змеи. Признаюсь, впрочем, я сблизил эти факты лишь после какого-то смутного размышления, причем сознавая, что сделал какое-то капитальное открытие, значение которого в тот момент однако, от меня ускользало.

Возможно, что я гораздо скорее оценил бы всю важность этих моментов, если б знал тогда, что кровать мадам Лаваль стояла посередине комнаты, обращенная правой, а не левой стороной к окну, через которое, как говорили, вползла змея. Следовательно, змея должна была слева обогнуть кровать для того, чтобы ужалить свою жертву. Или же нужно было построить другую гипотезу: что больная, повернувшись на правый бок на правом краю постели, свесила левую руку или, наоборот, пользовалась левой рукой, чтобы постараться схватить в воздухе то, что двигалось и шипело...

Тогда-то я и разыскал Мари Лефевр, бывшую горничную мадам Лаваль, и ее мужа, бывшего садовника и сторожа в Люверси. Я узнал от них, господин де Праз, то, что вам известно относительно писем, адресованных вами Мари Лефевр, с почтовым штемпелем Люверси, писем того времени, когда вы только что провалились на экзаменах и жили в замке Люверси...

Что? Я ошибаюсь? Эти письма не были адресованы Мари Лефевр!

Лионель взглянул поочередно на Жильберту, на мать, на Жану Морейля и подтвердил:

— Да, так оно и есть.

— Кроме того, Лефевр и его жена уверяли меня в том, что в ночь этого происшествия, около двенадцати часов, раздавленная змея была зарыта каким-то человеком в роще парка.

— Подумайте! — вырвалось у Жильберты. — Если б я знала!..

— И тогда, — продолжал Жан Морейль, — я лично постарался

проверить, действительно ли зарыта змея или, вернее, ее скелет, у подножия дерева в роще парка. И именно для этого я отправился в Люверси три дня тому назад. Мне было довольно легко, перебегая от куста к кусту, осмотреть все шесть гектаров этого запущенного парка и перелезть через стену, отделяющую его от поля. Это знание места и позволило мне найти воду в гроте, когда Жильберта упала в обморок.

Лионель и графиня вздрогнули. Все провалилось!..

— В тот день у меня не хватило времени проникнуть в замок; для такого рода исследований ночь более благоприятна...

Но то, что произошло позавчера во время нашего совместного посещения (я говорю «позавчера», потому что сейчас три часа утра), заставило меня ускорить ход событий и не откладывать в долгий ящик осмотр комнаты мадам Лаваль.

— А между тем, — презрительно произнесла графиня, — у вас был такой вид, будто вы нисколько ею не интересуетесь!

— Черт возьми? Это входило в мою роль! Как входило в мою роль заставить всех думать, что я оставил всякую надежду раскрыть эту тайну!.. Но у меня была и другая причина притворяться, будто я боюсь пребывания в Люверси...

Допустим на одно мгновение, господин де Праз, что я хотел вас еще больше убедить в своем участии в преступлении 19 августа. Неужели вы думаете, что я не догадывался о ваших подозрениях? Мне весьма скоро дали понять это ваши назойливые вопросы!

Я хотел ускорить развязку, прийти поскорее к тому моменту, который мы сейчас переживаем, к которому вы жаждали меня привести, спровоцировав Фредди на нападение с целью грабежа на этот дом!

Дьявольская выдумка, которая чудесным образом благоприятствовала моим собственным намерениям!

Вчера ночью я во второй раз отправился в Люверси. Фредди получил приказание не выходить из дому, и я мог свободно уехать в автомобиле, так как господин де Праз перестал стоять на часах у моего дома.

Заметьте, на всякий случай, для моего самолюбия сыщика-любителя лестно то, что убеждение мое уже было составлено. Я искал только вещественных подтверждений.

Ну вот. Я нашел это подтверждение. Нашел его в комнате мадам Лаваль. И я уже кончил свою работу, когда меня поймал этот славный Эртбуа. Поймал? Нет. Я нарочно с шумом опрокинул стул и нарушил сон вашего управителя. Раньше, чем он прибежал, я успел стащить картину, которая, между прочим, вовсе не Манэ... Я стащил ее, потому что надо же

было вас завести в ловушку и заставить думать, что воровство, внушенное Жану Морейлю видом этого полотна, выполнено Морейлем-Фредди. Зачем? Затем, чтобы все произошло так, как произошло. Для того чтобы сегодня ночью мы были на этом месте, перед этим шкафом, который сейчас откроется.

— Сударь, — произнес высокомерно и в нос Лионель, — во всем, что вы здесь сказали, я не вижу ничего, касающегося меня или моей матери, не вижу ничего такого, что может изменить наше решение. Моя мать (вы сами это сказали) не может быть заподозрена в том, что впустила змею в комнату. Я вам говорю, что я...

— Вы, господин де Праз? Я мог бы вас несколько смутить, напомнив о тех путаных и таинственных «переменных сознаниях», в которые я, как вам известно, верю только наполовину... Я мог бы вам только заметить, что, когда надо было найти лопату в Люверси, вы ни на минутку не задумались... Стану ли я вас обвинять в том, что вы зарыли змею или «пустили ее в дело» в припадке сомнамбулизма, который, если хотите, можно назвать «раздвоением личности»?..

Нет, сударь. Выслушайте... Никто не впускал змею. В ночь с 19 на 20 августа ни одно человеческое существо не руководило убийством и даже не наблюдало ни вблизи, ни издали за смертью мадам Лаваль.

Это во-первых. Во-вторых, зарыл змею вот кто!

Обри вскочил, бледный, размахивая руками.

— Довольно! Смилуйтесь! — прохрипел он. — Довольно с меня этой адской пытки! Я все скажу!

— Вы выдали себя, — сказал Жан Морейль. — У меня не было твердых догадок относительно вас. Теперь я знаю все.

— Но я не виноват, сударь! Вы должны это узнать! Не виноват! О нет! Я скажу все, все, все!.. Я это сделал для графа... Я вам все скажу...

* * *

Жильберта еще больше побледнела, ее обнаженные руки стали белее слоновой кости. Лионель стоял растерянный, пытаясь что-то вспомнить. В расширенных глазах мадам де Праз выразилась вся любовь ее к сыну. Она бросилась к нему, сжала его в объятиях и поцеловала долгим и жадным поцелуем. Потом, не торопясь, подошла к шкафу и принялась его раскрывать. Было так тихо, что можно было услышать, как летит муха.

Она вынула из шкафа и бросила на ковер несколько рассыпавшихся

пачек и, погрузив руку в темную глубину шкафа, обернулась к сыну и сказала:

— Лионель, мой мальчик, это все для тебя! Простите, простите меня все! Обри узнал правду только на следующее утро... Единственная виновница всего... я!

Едва успев договорить, она, точно подкошенная, повалилась на пол.

Все бросились к ней. Ее лицо, полуоткрытая шея и неподвижные руки покрывались синеватыми пятнами.

Жан Морейль покачал головой.

— Она умерла, — сказал он. — Это не проходит даром.

Он взял ее правую руку и, поднеся к свету, увидел на внутренней стороне большого пальца капельку крови — одну капельку крови.

— О! — в ужасе воскликнула Жильберта. — Как мама! Там змея!

— Что это значит? — спросил Лионель растерянно. — Что в этом шкафу?

Жильберта отскочила к самой двери. Все устремили глаза в глубину шкафа, в промежутки, чернеющий среди пачек бумаг.

...Вот-вот высунется эта ужасная змеиная голова. Откроется ядовитая пасть с единственным зубом. Тело ее свернется черно-белыми кольцами... Эта африканская змея еще жива! Или их было несколько... Она живет в этом стальном убежище, сохранив всю свою страшную силу!

Как ни был бесстрашен Уж-Фредди, а все-таки отодвинулся. Тогда Жан Морейль, несмотря на безмолвные мольбы Жильберты, сунул свою руку в шкаф...

Глава XXII. Змея Люверси

Жан Морейль спокойно нащупывал что-то в глубине шкафа, успокаивая при этом Жильберту.

— Подойдите сюда, — сказал он ей. — Подойдите, не бойтесь. Настоящая змея теперь умерла.

Жильберта инстинктивно бросила взгляд на ужасный труп, который Обри, нисколько не беспокоясь о содержимом шкафа, почтительно прикрыл ковриком. Но глаза молодой девушки сейчас же вернулись к темному отверстию, откуда рука ее жениха должна была извлечь тайну запертой комнаты.

Жан Морейль все еще искал.

В первый раз он вынул желтую маленькую склянку и поставил ее на шкаф. Вторая вынутая им из таинственной бездны вещь была простая маленькая электрическая груша белого лакированного дерева.

Осторожно держа ее в руках, он сказал Жильберте:

— Успокойтесь, наконец. Вот та змея, которую я не мог принести ни живой, ни мертвой, как вам поклялся...

— Что такое? — спросила Жильберта растерянно.

— Жильберта, — продолжал Жан Морейль. — Только что, заметив укол, причинивший смерть графине, вы вскрикнули: «Как мама!» Это самое восклицание у вас вырвалось на днях в Люверси, когда вы сами укололи большой палец, большой палец с внутренней стороны. Следовательно, у вашей матери тоже укол пришелся в большой палец левой руки, которой она пользовалась преимущественно.

Это открытие, это неожиданное приобретение было для меня чем-то вроде ослепительно яркой лампы. С этого момента я понял, что никакой змеи в комнате вашей матери не было, но что вечером 19 августа, покидая свой пост сестры милосердия после того, как она просидела весь день у дремлющей или спящей больной, мадам де Праз оставила возле нее на электрическом шнуре звонка вот эту грушу вместо безобидной обыкновенной кнопки... О, конечно, внешне совершенно на нее похожей! — но которая не давала контакта, а представляла собой искусственную змею.

Для этой своей уверенности я нашел вещественное подтверждение в ночь, последовавшую за нашим посещением Люверси, убедившись в том, что в комнате мадам Лаваль звонок был именно, как я и думал, в форме

груши и был приделан наспех. А вот — его прототип. Подойдите все. Взгляните. Я разберу эту машину.

Посмотрите сначала на это углубление в центре кнопки. Это отверстие канала, который проходит через нее насквозь. В этом канале находится полная игла, очень острая — игла от шприца. Она, как видите, сообщается своим нижним концом с маленьким резиновым мешочком, который можно наполнить жидкостью, — скажем, ядом или отравой. Если нажать кнопку, она надавливает на мешочек, из которого яд быстро переходит в иголку, которая укреплена, но не составляет единого целого с кнопкой и не погружается вместе с ней в мешочек, а, следовательно, протыкает палец жертвы, которая таким образом сама себе делает смертельное впрыскивание. Предположите, что яд причиняет мгновенную смерть, и жертва погибает, даже не вскрикнув, выпустив из рук фальшивый звонок. А утром остается только на месте этой адской машины повесить обыкновенную грушу.

Мадам де Праз знала, что мадам Лаваль звонит своей горничной каждую ночь... Она знала, что яд этой змеи еще не исследован и что яд этот действует мгновенно.

Так как змея исчезла, то вместе с единственным экземпляром этого вида змей, затерянных в глубине Африки, исчезла и возможность исследовать ее яд...

Мадам де Праз любила своего сына... Мадам де Праз хотела женить на себе своего шурина Гюи Лаваля...

* * *

Послышалось сдавленное рыдание. Лионель плакал, закрыв бледное лицо руками.

— Эта склянка содержит яд, который мы завтра пошлем в городскую лабораторию, — продолжал Жан Морейль. — Но мы можем сейчас же... Фредди, поди, пожалуйста,пусти тех людей...

Лионель испуганно поднял голову. Жан Морейль успокоил его.

— Это не полиция, — сказал он. — Это свидетели, которых я привел сюда из предосторожности. Я решил, что представители правосудия в этом деле будут участвовать в самой меньшей степени.

— Благодарю, — сказал Лионель. — Простите меня, Жильберта! Простите мою бедную татап... за вашу мать..

— Простите его и за вас тоже, Жильберта, — сказал Жан Морейль. —

Надо договорить до конца! Если бы вы подчинились настояниям графини и остались в Люверси, чтобы провести там ночь и даже — так утонченно — чтобы вы ночевали в комнате вашей матери... Если бы вы согласились...

— Боже! — прошептал Лионель. — Как это ужасно! Как ужасно!

— ...вас наутро нашли бы мертвой, ужаленной той самой змеей, труп которой не был найден, змеей с единственным зубом, и это послужило бы доказательством, что она все еще жива!..

И мадам де Праз получила бы в наследство все ваше состояние, и ее перестала бы мучить ответственность за ее растраты в качестве опекуни! А Жану Морейлю пришлось бы оплакивать свою Жильберту!..

Понимаете ли вы теперь, почему Жан Морейль пустил в ход решительно все, чтобы отвратить вас от Люверси, чтобы еще больше усилить вашу ненависть к этой усадьбе! Он не мог вам ничего сказать, пока не был еще во всем уверен!

Понимаете ли вы, каков был мой ужас, когда я услышал ваш крик в парке, когда я увидел, что вы упали без сознания около розового куста и увидел вас одну возле вашей тетки!..

Ибо таков был ее план: избавиться от вас в том случае, если ей не удастся заставить меня, Фредди, совершить грабеж на ваших глазах! Вот почему надо было ускорить события, — мадам де Праз сама была ограничена во времени! Вот почему нужно было немедленно украсть картину!

Но вот, эти господа...

* * *

Жильберта, убитая ужасной действительностью, залилась слезами. Лионель был поражен как громом. Обри не находил себе места.

Трое вошедших — старик, мужчина зрелых лет и юноша — стояли молча. Позади них держался Фредди. Жан Морейль заметил в дверях силуэт женщины со сверкающими камнями в волосах — это была Ява. Фредди объяснил довольным тоном:

— Она тоже захотела прийти сюда... Пошла за мной... Когда она увидела, что я взял инструменты, она струсила... Испугалась! Думала, что я взаправду! Ну ступай, жди меня на улице. Сама видишь, что я работаю с этими господами. Остальное не твое дело, — обратился он к Яве.

* * *

Префект полиции, Фейяр и его клерк Фуркад осмотрели помещение. При виде префекта лицо Лионеля перекопилось от страха. Но Жан Морейль его успокоил:

— Это неофициально. Трое моих друзей. Трое свидетелей. Вы знакомы с нашим нотариусом? Мсье Фуркад — один из его сотрудников и мой тоже.

Господа, все произошло так, как я предвидел. Орудие убийства — звонок — скрывалось в этом шкафу, ключ от которого находился всегда на груди мадам де Праз. Она сама свершила суд над собой...

Он кивнул головой на ее тело, прикрытое импровизированным покровом.

— Обри подтвердит, что все обстояло так, как я сказал. Не правда ли, Обри?

Поняв, что он вне опасности, Обри заговорил, уже не стесняясь:

— Да, сударь. Я получил от графини приказание убрать змею, выкрасть ее из оранжереи, убить и закопать ее, сделав предварительно щель в том ящике, где ее держали, чтобы подумали, что она убежала. На другой день, испугавшись смерти мадам Лаваль, я понял, что я — участник преступления, и захотел все узнать... Графине пришлось мне во всем признаться... Она сама приготовила эту машинку, отыскав где-то негодную электрическую кнопку и иголку от шприца... Графиня переменила звонок во время сна мадам Лаваль. Она постоянно сидела возле нее... Вот и все, господа... Я в то время ничего не говорил, потому что очень любил графиню и ради графа... Я не знал, что графиня до сих пор хранила этот проклятый звонок...

* * *

Все молчали.

Жан Морейль и Фредди, стоя рядом друг с другом, поражали своим сходством. «Светский человек» и апаш одинаковыми глазами глядели на этого обезьяноподобного человека, коварного и преданного в одно и то же время.

Оторвавшись от своих мыслей, Жан Морейль подошел к шкафу, вынул оттуда пачку писем и взглядом спросил Лионеля.

Тот сказал:

— Вы можете отдать их Жильберте. Они свидетельствуют лишь о бесконечной доброте мадам Лаваль по отношению ко мне. Это уроки, которыми я не воспользовался.

— Тогда возьмите их себе, — сказал Жан Морейль. — Теперь, я уверен, вы воспользуетесь ими.

— Клянусь! — дрожащими губами произнес Лионель.

* * *

Не говоря ни слова, Жильберта взяла ключ от шкафа и передала его своему жениху с улыбкой любви и благодарности.

— Нет, Жильберта, — сказал он. — На этот раз я достоин другого ключа, который существует только в мире вещей невидимых и невесомых. Он существует... и я его уже держу в руках... так как держу в моих руках вас.

Он обнял взволнованную девушку.

— Это ключ счастья, — шепнул он ей на ухо...

notes

Примечания

1

Длинное копьё дикарей.